

Федеральное агентство по образованию
Смоленский государственный университет

С.Ю. Девярых

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Монография

Смоленск
Издательство СмолГУ
2009

УДК 159.9
ББК 88.4
Д 25

Печатается по решению редакционно-издательского совета Смоленского государственного университета

Рецензенты:

М.Ф. Яблонский, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Витебского государственного медицинского университета;

М.А. Слемнев, доктор философских наук, профессор кафедры философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

Девярых С.Ю.

Социокультурные основания сексуальности: монография / науч. ред. В.А. Сонин. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. – 164 с.

ISBN 978-5-88018-484-2

Сексуальность рассматривается как сложный биопсихосоциальный феномен, в котором биологическое задает потенциальные возможности для развития личности, а среда определяет социальное направление их реализации в человеческом поведении.

УДК 159.9
ББК 88.4

ISBN 978-5-88018-484-2

© Девярых С.Ю., 2009
© Издательство СмолГУ, 2009
© Оформление. СмолГУ, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная европейская семья переживает изменения, которые в одних случаях определяются как кризис, а в других – как ее трансформация. Исследователи современной семьи обычно указывают на ее структурную неустойчивость, ценностно-нормативную девиантность и некоторые другие особенности, проявляющиеся в ее малодетности, росте числа разводов, появлении сиротства при живых родителях (социального сиротства) и вне-семейного и внесупружеского родительства. Вместе с тем отмечается, что только традиционная семья может надежным образом обеспечить воспроизводство демографической структуры общества, и если не будет достигнута ее устойчивая стабильность, это может вызвать затруднения в функционировании общества на всех его уровнях.

В России и европейских странах бывшего СССР эти процессы происходят на фоне глубокого системного кризиса, затронувшего все уровни общества, – от поведения отдельных его членов до его ценностных оснований.

Социальные и поведенческие науки традиционно рассматривают сексуальность в контексте репродуктивной способности человека – способности не только воспроизводить физическое существование вида, но и передавать социальный опыт от поколения к поколению. Вместе с тем процесс трансформации семьи привел к тому, что былая нераздельность полового поведения оказалась нарушенной, и оно все больше и больше принимает формы, ориентированные на гедонистические цели. Это дает основание

полагать, что в современных социокультурных условиях сексуальное поведение может радикально менять свой смысл для человека, а отрыв от деторождения может служить признаком краха семьи в будущем.

Произошедшие изменения могут говорить о том, что нарушены традиционные механизмы передачи социального опыта, в том числе и опыта межполовых отношений. Относительно сексуального и матримониального поведения это выражается в том, что молодые люди в своем большинстве уже не придерживаются общепринятых и культурно устоявшихся стандартов сексуально-брачного поведения. Возникла ситуация, когда подготовка молодых людей к созданию семьи и родительству носит хаотичный, несистематизированный характер.

В связи с этим возникает необходимость проанализировать не только сексуальное и матримониальное поведение, но и изучить зарубежный и отечественный опыт рассмотрения его в качестве поведения социального.

Глава 1

РАЗДЕЛЬНОПОЛОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Жизнедеятельность организма заключается в осуществлении трех обобщенных функций: роста, развития и дифференцировки; приспособления и воспроизведения, а также целой системы частных и сложных функций (дыхание, пищеварение, выделение и др.). Каждая из указанных функций является функцией всего организма, однако воспроизведение по сравнению с первыми двумя связано с наличием в организме двух групп клеток: соматических (телесных) и собственно репродуктивных (половых) [135].

Способность организмов воспроизводить себе подобных, т.е. размножаться, является неотъемлемым условием существования органических видов и, следовательно, залогом непрерывности жизни на планете. На заре эволюции, когда Землю населяли лишь одноклеточные организмы, деление на мужской и женский пол отсутствовало. И до сих пор многие одноклеточные организмы не имеют пола; они успешно размножаются путем деления родительского организма или путем почкования – бесполом путем [57].

Известно, что клетка является основной структурной и функциональной единицей всех живых существ. Независимо от того, существуют они самостоятельно или являются строительным материалом различных органов и тканей определенного организма, клетки всегда построены на одном общем принципе – представляют собой фрагмент протоплазмы, в котором обособлены три основные и неразрывно связанные части: ядро, клеточная плазма и клеточная мембрана [217].

В связи с проблемами размножения наиболее важной составной частью клетки организмов является ядро. Обычно оно расположено в центре клетки и отделено от клеточной плазмы тонкой, снабженной порами ядерной мембраной. В него входят одно или несколько меньших ядер и длинные спиралевидные образования, которые ввиду своей способности принимать окраску нескольких основных цветов названы хромосомами и которые являются носителями наследственных факторов (наследственных единиц или генов), определяющих развитие наследственных черт организма. В свою очередь гены представляют собой сегменты молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), которая является главной составной частью хромосом и носителем наследственной информации. Ядро клетки принимает непосредственное участие в осуществлении трех важных биологических явлений – клеточном делении, образовании половых клеток и оплодотворении, которые имеют прямое отношение к проблемам размножения [101].

Клеточное деление представляет собой биологическое явление, при котором в результате сложных изменений, затрагивающих, прежде всего, клеточное ядро, из одной материнской клетки получаются две дочерние клетки. Наиболее широко распространенной формой клеточного деления является митоз, протекающий в виде четырех последовательных фаз. Наиболее существенные изменения во время митоза происходят с хромосомами. Удвоенные еще в подготовительный период клеточного деления, хромосомы приобретают форму спирали. Затем они располагаются в экваториальной плоскости образовавшегося в клетках так называемого делительного веретена, и в результате продольного расщепления каждая из них делится на две дочерние хромосомы. В результате митотического деления происходит удвоение и абсолютно точное распределение хромосом между будущими клетками, каждая из которых получает не только одинаковое с материнской клеткой количество хромосом, но и одинаковые наследственные признаки [104].

Представители многих видов животных (и человека в том числе) разделяются на два пола – мужской и женский; они об-

ладают одинаковыми процессами жизнедеятельности, но дополняют друг друга при осуществлении воспроизводства потомства. В отличие от бесполого, в результате которого создаются точные копии родительского организма, половой способ требует от организма дополнительных затрат как в смысле времени, так и энергетической стоимости процесса воспроизводства. Во-первых, нужно тратить много сил и энергии на поиск партнера и его опознание, и, во-вторых, при половом размножении индивидуальные генетические потери намного выше – для собственного полового воспроизведения каждый индивид должен оставить после себя как минимум два выживших до взрослого возраста детеныша. Вместе с тем эволюция, по замечанию М.Л. Бутовской, «совершенно явно «потворствует» странной, малоэкономичной и генетически непродуктивной прихоти – размножению половым путем. Причем потворствует настолько, что возникает новый механизм деления клеток – мейоз» [57, с. 17].

Сущность полового размножения заключается в принципиальной возможности передачи зародышевой клетке генетического материала (свойств) материнского и отцовского организмов. Половые клетки – яйцеклетки и сперматозоиды – образуются лишь в организмах, которые размножаются половым путем. Они развиваются из так называемых первичных половых клеток (овогонии и сперматогонии), которые в результате мейоза превращаются в зрелые яйцеклетки и сперматозоиды [101].

Мейоз представляет собой особую форму митоза, при котором число хромосом первичных половых клеток уменьшается наполовину. Таким образом, сущность мейоза состоит в уменьшении числа хромосом вдвое. Когда в процессе оплодотворения – встрече и слиянии сперматозоида с яйцеклеткой – происходит образование зиготы, двойное число хромосом восстанавливается [217].

Смешение генетического материала от двух индивидов, происходящее в процессе половой репродукции, приводит к возникновению качественно нового организма, в результате чего обеспечиваются оптимальные условия для создания генетического разнообразия и рекомбинации генетического материала в преде-

лах вида, снижается частота накопления вредных мутаций в популяции, повышается изменчивость биологического вида, а следовательно, и перспективы его выживаемости в условиях изменения окружающей среды. Бесполое же формы, успешно существующие в стабильных условиях, оказываются в этом случае неконкурентоспособными, потому что новые генетические комбинации возникают у них только в результате мутаций, а скорость мутаций низкая [104]. Кроме того, у бесполок видов любые негативные мутации приводят к гибели целой линии организмов с одинаковым генотипом, тогда как у видов с половым размножением рецессивные мутации сохраняются и передаются потомкам [101].

У животных, размножающихся половым путем, в половых органах вырабатываются только два типа гамет – мужские (маленькие и подвижные) и женские (крупные и неподвижные). Можно сказать, что биологический пол определяется теми зародышевыми клетками, которые продуцируются организмом. Если животное продуцирует гамету, отличающуюся большим размером, малой подвижностью и некоторым запасом питательных веществ (яйцеклетку), то эта особь должна считаться женской. Если же половые клетки маленькие, подвижные и не содержат запаса питательных веществ (сперматозоиды), продуцирующая их особь определяется как мужская [57].

Половое размножение сформировалось под действием особой формы естественного отбора (половой отбор), при котором из исходной популяции последовательно устранялись особи, производившие половые клетки промежуточного размера. Происходило это потому, что индивиды, производящие мелкие гаметы, отбирались только при условии, что они вступали в половые связи с индивидами, носителями крупных гамет и наоборот. Таким образом, отбор на размеры гамет происходил в комплексе на избирательность полового партнера [322].

Существует немало организмов, у которых обе разновидности гамет продуцируются одним и тем же организмом. Речь здесь идет о гермафродитизме, обеспечивающем перекрестное оплодотворение. При этом гермафродитизм не предполагает самооп-

лодотворения, так как половые органы гермафродитных видов устроены таким образом, что семя и яйцеклетки продуцируются с разностью по времени [285].

В качестве одного из возможных объяснений преимуществ наличия особей двух полов может служить гипотеза В.А. Геодакяна, который трактует дифференциацию полов как «экономическую форму информационного контакта со средой, как специализацию по аспектам сохранения и изменения генетической информации» [77, с. 9].

В.А. Геодакян [78; 79] видит целесообразность наличия двух полов в их специализации по двум главным альтернативным направлениям эволюционного процесса: консервативному (сохранение свойств вида) и прогрессивному (приобретение видом новых свойств). Мужской пол реализует «прогрессивную» тенденцию, а женский – «консервативную», обеспечивая неизменность потомства от поколения к поколению. Женский пол филогенетически более устойчивый (ригидный), но зато онтогенетически более пластичный. Мужской пол филогенетически менее устойчивый (более пластичный), но онтогенетически ригидный.

В.А. Геодакян полагает, что существует определенная специализация полов в осуществлении эволюционного самовоспроизводства, интегрирующая две противоположные тенденции: наследственность, то есть консервативный, стабилизирующий фактор, который обеспечивает сохранение у потомства родительских признаков, и изменчивость – прогрессивный фактор, который приводит к появлению у потомства новых признаков и способствует совершенствованию вида. Именно последняя задача ложится на плечи мужского пола, с чем связана повышенная чувствительность к вредным воздействиям среды. Таким образом, популяцию в целом можно разделить на инертное стабильное ядро (женский пол) и более изменчивую, чувствительную оболочку (мужской пол). В этом контексте раздельнополость и двуполость – это способ эволюции, когда мужской пол за счет своей «избыточности» подвергается интенсивному отбору, а женский пол за счет модификационной пластичности передает

потомству весь спектр исходных генотипов. В.А. Геодакян полагает, что эволюционные преобразования затрагивают в первую очередь мужской пол, при этом филогенетическая пластичность выше у мужского пола, а онтогенетическая – у женского [78].

В целом, эволюционно-биологические закономерности двуполости подчиняются филогенетическому правилу полового диморфизма: если по какому-либо признаку существует генотипический популяционный диморфизм, то этот признак эволюционирует от женской формы к мужской. Фазы эволюции признака у мужского и женского пола сдвинуты во времени: у мужского пола они начинаются и кончаются раньше, чем у женского. Это правило неразрывно связано с онтогенетическим правилом полового диморфизма, постулирующим те же закономерности на уровне индивидуального развития: если по какому-либо признаку существует популяционный половой диморфизм, то в онтогенезе этот признак меняется, как правило, от женской формы к мужской. В онтогенезе женские формы признака появляются раньше, а мужские – позже. Поэтому можно говорить не только о половом диморфизме, но и о половом дихрономорфизме, то есть временном несовпадении проявления мужских и женских признаков [79].

Эти представления согласуются с данными биологов, обнаруживших более высокую генетическую обусловленность ряда морфологических и физиологических характеристик у лиц мужского пола и большую зависимость этих признаков от средовых влияний у женщин [199].

Идеи В.А. Геодакяна прежде всего важны тем, что в них ставится вопрос о том, для чего в процессе эволюции возникает половой диморфизм, и указывается на филогенетическое происхождение полового диморфизма [20]. Вместе с тем распространять концепцию В.А. Геодакяна на человеческую психику и поведение следует с максимальной осмотрительностью, поскольку прямой перенос биологических закономерностей на психологию и социологию заканчивается утверждением мужского шовинизма [120].

Раздельнополость – самый первый и самый глобальный феномен человеческой сексуальности. Разделение человеческих

особей на мужчин и женщин предполагает у каждого индивидуума полное соответствие полу анатомического строения половых органов, мужских и женских пропорций тела (рост, соотношение ширины плеч и таза, выраженность и распределение подкожного жирового слоя), полового самосознания (то есть ощущение себя представителем определенного пола) и, наконец, адекватную направленность полового влечения и наличие соответствующих стереотипов полового поведения [218].

В строгом смысле слова пол – совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится в конечном счете к оплодотворению [246]. Процесс, в ходе которого индивид приобретает черты того или иного пола, называется половой дифференциацией. Он начинается на генетическом уровне в момент оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом. С этого момента начинает разворачиваться генетическая программа, которая в сочетании со всеми гормональными, социальными и психологическими факторами приведет к половой идентичности взрослого человека [127].

J. Money [324] сформулировал следующие основные принципы этой дифференцировки:

- первоначальное наличие в зародыше возможности развиваться и по мужскому, и по женскому типу, что опровергает представления о том, что путь развития изначально определяется только одной возможностью или формируется уже после рождения средой и воспитанием;

- последовательность дифференцировки;

- наличие ее критических периодов;

- дополнительность маскулинной дифференциации (принцип дополнительности Адама), суть которого состоит в том, что интересы популяции и вида заставляют природу заботиться, прежде всего, о создании самки. Для того чтобы формировался мужской тип, организм должен на критических стадиях своего развития получать дополнительные «команды», без которых развитие автоматически идет по женскому типу;

– диссоциация половой идентичности, которая предполагает, что на самых ранних этапах после рождения возможности идентификации по маскулинному и фемининному типам объединены, но в ходе общения все же реализуется какая-то одна из возможностей;

– идентификация и дополнение, смысл которых состоит в том, что в мозге закодированы две схемы: одна – для обозначения собственных идентичности и роли, а другая – противоположного пола. Они дифференцируются по механизмам идентификации и дополнения. Первый связан с копированием поведения других людей, второй – с выяснением поведения других, так что собственное поведение дополняет поведение других или взаимодействует с ним;

– маскулинная уязвимость.

J. Money [329] предложил также и модель биосоциальной детерминации пола, согласно которой понятие пола оказывается многомерным и иерархичным, а правильное его развитие предполагает последовательное и согласованное действие основных детерминант, завершающееся принятием половой роли и формированием половой идентичности. Согласно онтогенетической концепции пола J. Money, он включает в себя восемь признаков: 1) генетический пол; 2) гонадный пол; 3) внутриутробный гормональный пол; 4) внутренний морфологический пол; 5) дифференциация мозга по мужскому или женскому типу (мужской и женский мозг); 6) пубертатный гормональный статус и внешний морфологический пол; 7) пол по воспитанию; 8) половая идентичность.

R. Hunter [315] выделяет четыре главных уровня биологического пола: генетический пол, гонадный пол, морфологический пол и церебральный пол.

Таким образом, половой диморфизм охватывает как самые ранние, так и самые поздние периоды человеческой жизни, не ограничиваясь периодом половой зрелости и полового созревания, то есть относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции человека, видоизменяющегося лишь по степени интенсивности усиления или ослабления полового диморфизма [12].

Биологический пол определяется при зачатии хромосомным составом сперматозоида, оплодотворяющего яйцеклетку. Все клетки человеческого организма, за исключением половых клеток, содержат набор из 46 хромосом, состоящий из 23 пар. Двадцать две из них являются комплементарными. Иными словами, хромосомы, входящие в состав каждой пары, практически идентичны. Эти комплементарные пары, называемые автосомами, одинаковы и у мужчин, и у женщин. Они не оказывают влияния на дифференциацию полов. Однако одна хромосомная пара – пара половых хромосом – у мужчин и женщин различная. Женщины имеют две сходные хромосомы, обозначаемые XX, тогда как мужчины имеют различные хромосомы, обозначаемые XY. Половые клетки являются исключением из правила, распространяющегося на весь 23-парный набор [157].

В результате биологического процесса, известного как мейоз, созревшие половые клетки содержат только половину полного набора хромосом – по одному компоненту каждой пары. (Данный процесс необходим, чтобы избежать удвоения полного числа хромосом, когда половые клетки соединяются при зачатии.) Нормальная женская яйцеклетка (или яйцо) содержит 22 автосомы плюс одну X-хромосому. Нормальный мужской сперматозоид содержит 22 автосомы плюс либо X-, либо Y-хромосому. В яйцеклетке, оплодотворенной сперматозоидом, несущим Y-хромосому, образуется комбинация XY. В результате этого рождается мальчик. С другой стороны, если яйцеклетку оплодотворяет X-несущий сперматозоид, образуется комбинация XX. В результате этого рождается девочка. Для формирования полноценных внутренних и наружных структур женского организма необходимы две X-хромосомы. Если же в наборе присутствует одна Y-хромосома, у ребенка формируются мужские наружные половые органы и органы размножения [150].

Таким образом, генетический пол определяется генетической комбинацией, возникающей при проникновении сперматозоида в яйцеклетку при оплодотворении, в результате чего образуется набор генов, который ведет к дальнейшему развитию мужских или женских признаков [127].

Исследователям удалось локализовать единичный ген на короткой ветви человеческой Y-хромосомы. Этот ген (получивший название SRY-гена) играет решающую роль в запуске последовательности событий, приводящих к формированию мужских гонад; он отвечает за формирование мужского организма [332].

В первые недели после зачатия структуры, позднее развивающиеся в органы размножения, или гонады, одинаковы у мужчин и женщин. Дифференциация начинается спустя приблизительно 6 недель после зачатия. Разовьется ли масса недифференцированных половых тканей в мужские или женские гонады, определяется генетическими факторами. К этому моменту продукт (или продукты) SRY-гена мужского плода инициируют процесс превращения зародышевых гонад в яички. Если продукты SRY-гена отсутствуют, недифференцированные гонадные ткани развиваются в яичники [346].

По окончании процесса формирования яичники или яички начинают выделять собственные половые гормоны, которые становятся решающим фактором в дальнейшей половой дифференциации. Генетические же влияния прекращают свое действие. Как и другие железы эндокринной системы гонады вырабатывают гормоны и выделяют их непосредственно в кровь [150].

Яичники вырабатывают два типа гормонов: эстрогены и прогестационные соединения. Эстрогены, наиболее важным из которых является эстрадиол, оказывают влияние на развитие женских физических признаков и участвуют в регулировании менструального цикла. Наиболее важным с физиологической точки зрения из известных прогестационных соединений является прогестерон. Его функции включают участие в регулировании менструального цикла и стимуляцию развития стенок матки в периоды подготовки к беременности. Основными гормональными продуктами яичек являются андрогены. Наиболее важный из них, тестостерон, оказывает влияние на развитие мужских физических половых признаков и сексуальной мотивации. У обоих полов надпочечниковые железы также выделяют половые гормоны,

включая небольшое количество эстрогена и большое количество андрогена [135].

Приблизительно на 8-й неделе после зачатия половые гормоны начинают играть важную роль в дифференциации полов. К этому времени две проводящие системы – каналы Вольфа и каналы Мюллера – начинают дифференцироваться, формируясь во внутренние структуры. У мужского плода андрогены, выделяемые яичками, стимулируют развитие каналов Вольфа и превращение их в семявыносящие протоки, семенные пузырьки и эякуляторный канал. Другое выделяемое яичками вещество известно как тормозящее вещество Мюллера (Mullerian inhibiting substance, MIS). Это вещество вызывает усыхание и исчезновение системы каналов Мюллера у мужчин. Каналы Мюллера развиваются в фаллопиевы трубы, матку и внутреннюю треть вагины, а проводящая система Вольфа атрофируется [309].

Наружные половые органы формируются аналогичным образом. До тех пор, пока гонады не начинают выделять соответствующие гормоны на 6-й неделе после зачатия, ткани мужских и женских половых органов остаются недифференцированными. Из этих тканей начинают формироваться либо мужские, либо женские гениталии. Это зависит от присутствия либо от отсутствия продукта тестостерона, выделяемого у мужчин и известного как дигидротестостерон (ДГТ). ДГТ стимулирует развитие мошонки из мошоночной выпуклости, а из генитальных туберкулов и генитальных складок начинают развиваться гланы и ствол пениса. Если отсутствует тестостерон, генитальные туберкулы превращаются в клитор, а генитальные складки – в малые половые губы. К 12-й неделе процесс дифференциации завершается: у плода мужского пола отчетливо видны пенис и мошонка, а у плода женского пола – губы и клитор [157].

Половая дифференцировка организмов охватывает не только их собственно половой аппарат, но и центры мозга, контролирующие, с одной стороны, через гипофиз эндокринные функции гонад, с другой – сексуальное поведение [167]. Эти специализированные образования мозга, являясь прямым объектом половой

дифференцировки, после ее завершения сами становятся организаторами многих важнейших проявлений полового диморфизма на системном уровне [336].

Итогом процесса дифференциации мозга является разная для мужского и женского пола чувствительность ЦНС к гормональным влияниям и разная реакция на эти влияния, то есть феминизация или мускулинизация мозга, формирование нейроэндокринной предрасположенности к полоспецифическому поведению [225]. В этой связи можно говорить не только о половом диморфизме, но и о половом дипсихизме [255]. Функционирование гормонального пола приводит к созреванию внешнего и внутреннего морфологического пола.

В подростковом возрасте гормональный пол приводит к появлению вторичных женских и мужских половых признаков [127].

Как видим, категория «пол» описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и функциями в деторождении. Однако биологические уровни пола не учитывают более сложные психологические, социальные и культурные аспекты жизнедеятельности мужчин и женщин, которые начинают действовать с момента рождения ребенка. Таким образом, ни генетический, ни гормональный, ни внутренний и внешний морфологический пол не определяют однозначно психологический пол личности.

Д.В. Колесов говорит о том, что «половая принадлежность проявляется в поведении двояко: в плане различий в "общем" поведении и в плане различий в той части поведения, которую называют "половым" и которая самым непосредственным образом соотносится с продолжением рода» [136, с. 219].

Е.Е. Массобу и С.Н. Jaklin [320], критически проанализировав работы, посвященные проблеме различий между мужчинами и женщинами, разделили половые различия на три группы:

1) достоверные: мужчины более успешны в математических и зрительно-пространственных операциях, а у женщин выше языковые способности;

2) сомнительные: различия у мальчиков и девочек в послушании и заботливости, доминировании, тревожности, общем уровне активности и соревновательности;

3) неподтвержденные: для девочек (женщин) – определяющее влияние среды на их развитие, большая внушаемость и социальности, успешность в требующих стандартного решения задачах, преимущественное развитие слухового анализатора, а для мальчиков – определяющее влияние наследственности на их развитие, более высокие успехи в сложных и нестандартных задачах, аналитический познавательный стиль, преимущественное развитие зрительного анализатора.

И.С. Кон [143] выделяет несколько универсальных различий, подтвержденных культурными и межвидовыми исследованиями и, соответственно, имеющих значение филогенетических факторов:

- преобладание агрессивности у лиц мужского пола;
- свойственная мужчинам при копуляции доминантная поза, а женщинам – подчиненная;
- зависимость женской психики от менструального цикла;
- предметно-инструментальный мужской и эмоционально-экспрессивный женский стили жизни.

Оценивая различия в плане репродуктивного поведения, Д.В. Колесов заключает: «...жизненные потребности мужского и женского пола одинаковы, и поэтому принципиальных различий в их поведении быть не может. Имеющиеся же различия позволяют хорошо и полно использовать специфические их особенности в плане взаимного дополнения, которое может иметь различные уровни, достигая наиболее высокой биологической, психологической, социальной значимости при удовлетворении потребности в продолжении рода» [136, с. 220].

По мнению А.В. Либина [168], вопрос о различиях между мужчинами и женщинами оказывается связанным с двойной детерминацией изучаемых признаков. Учет эволюционно-биологического фактора ведет к понятию пола как конституциональной координаты, обуславливающей различия между двумя группами людей мужского и женского пола со стороны несоци-

альных воздействий. Понимание же человеческого поведения в большей части культурного контекста приводит к понятию половой роли, которая предписывается субъекту как члену группы. В этом случае различия, о которых идет речь, исследуются как полоролевые стереотипы, обуславливающие мужской или женский типы поведения.

И действительно, активность человека осуществляется в социокультурной среде: общество определяет средства и границы человеческой активности, а культура представляет собой систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные качества, наделяет их определенным смыслом. При этом культура становится тем организующим началом и системообразующим признаком поведения, которое мы обозначаем как мужское и женское, и именно она определяет человеческие качества, которые выступают системообразующими для классификации мужских, женских и (или) нейтральных [148]. На это указывал еще З. Фрейд, заметив, что культура ограничивает роль женщины семьей и сексом, а мужчину отчуждает от роли мужа и отца [269, с. 164].

Социальное понимание мужественности и женственности воплощается в половых ролях, которые представляют собой социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, тогда как реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них, определяется как полоролевое [138]. В свою очередь, поведение, рассматривающееся как социально приемлемое для мужчины, называется маскулинным, а для женщины – фемининным [157].

Впервые понятие «половая роль» ввел в научный оборот J. Money [330], пытаясь провести различия между биологическим и психологическим полом. В первоначальной его трактовке содержание понятия «половая роль» сближалось с содержанием понятия «половая идентичность». Однако позже [325] он разделил эти понятия.

Э. Гидденс [80] выделяет три основных подхода в истолковании половых / гендерных ролей.

Исторически первыми являются теории (по определению автора – «теории естественного различия»), утверждающие, что различия между социальным поведением мужчин и женщин есть отражение их половых (биологических) различий. Хотя не существует свидетельств наличия механизмов, связывающих биологические силы со сложным социальным поведением мужчин и женщин, эти теории, как полагает Э. Гидденс, все же не могут быть полностью отвергнутыми.

Ученые, разработавшие функционалистские подходы, впе­тают биологические различия между мужчинами и женщинами в сложную систему социальных взаимосвязей и полагают, что общество будет функционировать плавно, если мужские и женские роли будут поддерживаться по принципу взаимодополнительности. Они полагают, что социополовые различия между мужчинами и женщинами берут свое начало в различиях их репродуктивных функций и обеспечивают стабильное функционирование семьи и общества. Они, как правило, поддерживают теорию гендерной социализации и полагают, что мужчины и женщины подготавливаются к различным ролям в обществе в процессе социализации.

Социальные конструктивисты рассматривают гендер как социально созданный продукт и полагают, что не только социальный пол, но и само человеческое тело подвержено действию социальных сил, которые разными способами формируют и изменяют его, говорят о том, что тело подвержено влиянию пер­сонального выбора в рамках различных социальных контекстов.

В своем содержании термин «половая роль» зависит от дру­гого понятия – «социальная роль». Социальная роль – это де­индивидуализированный образец поведения человека, занимающего определенную позицию в системе социальных связей. Роль – весьма сложное образование. Кроме норм-предуказаний в нее входит и комплекс чувств. Помимо этого, роль включает в себя знание и понимание цели, к достижению которой должен стремиться ее носитель [289]. Все это позволяет говорить о соци­альной роли как об особом типе регуляции – «функциональной регуляции, призванной гарантированно и надежно обеспечить

выполнение определенных функций в рамках конкретного социального института» [204, с. 472].

Посредством социальной роли человек включается в общественную жизнь; ее исполнение требует выполнения специфических функций и вместе с тем открывает доступ к ценностям, включает индивида в определенные виды деятельности, ставит его в определенную позицию по отношению к окружающему миру. Социальная роль задает определенный вектор развития личности. В связи с этим уместно вспомнить слова С.Л. Рубинштейна о том, что «... никак нельзя вообще обособить личность от той реальной роли, которую она играет в жизни. Значительность личности определяется не только самими по себе свойствами, но и значительностью тех общественно-исторических сил, носителем которых она выступает» [234, с. 30]. Это, однако, предполагает, что личность, развиваясь в конкретно-исторических условиях, преобразует социальные роли как константно задаваемые системой функциональные качества, раздвигая границы тех схем, в которые она входит [20]. Поскольку интернализация половой роли определяет дальнейшую иерархию мотивационных линий, которые, по словам А.Н. Леонтьева, являются структурой личности [164], то можно говорить о системе социополовых ориентаций личности, которые проявляются реально в полоролевом поведении и индивидуальных личностных характеристиках [143].

Половые роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении [148]. Их можно рассматривать как внешние проявления моделей поведения и отношений, которые позволяют другим людям судить о принадлежности индивида к мужскому или женскому полу [45]. Половые роли относятся к типу предписанных ролей: статус будущего мужчины или будущей женщины приобретает ребенок при рождении, а затем в процессе половой социализации ребенок обучается исполнять ту или иную половую роль [11].

Половые роли, связанные с общественным разделением труда между полами, которое обнаруживается в каждом из существую-

щих до сих пор человеческих обществ, являются одной из древнейших форм дифференцировки [255]. То, что свойственно мужчинам, а что – женщинам, включает множество параметров. Среди таких – экономические показатели, социальный авторитет, престиж, причем все они (или хотя бы их часть) могут не совпадать между собой в различных культурах. Вместе с тем есть два момента, которые можно считать культурными универсалиями: в какой-то мере общество связывает определенные черты и определенные виды работ с принадлежностью к определенному полу [220].

Еще А. Адлер полагал, что условием сохранения социальной жизни есть разделение труда, а отказ от него равноценен прекращению человеческого рода [7, с. 239].

Представления об универсальности данной системы, основанной на убеждении в естественной взаимодополнительности полов, наиболее убедительно обоснованы Т.Е. Parsons и R.F. Bales [331].

По их мнению, дифференцировка мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни совершенно неустранима, так как основана на естественной взаимодополняемости полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские – «экспрессивными». Мужчина обычно бывает кормильцем, добытчиком, а в семье осуществляет общее руководство и несет ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры, согласно Т.Е. Parsons и R.F. Bales, невозможно: как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-социальную жизнь, женская роль продолжает корениться, прежде всего, во внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать, хозяйка дома. Роль взрослого мужчины обычно связывают с профессиональным миром, с его работой, которая обуславливает и его функции в семье – обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если окажется, что средняя замужняя

женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась.

Теория «взаимодополнительности» мужских и женских ролей подтверждается тем, что этот тип ролевой дифференцировки («инструментальность» мужских и «экспрессивность» женских ролей) широко распространен в обществах разного типа. Это подтверждается и данными дифференциальной психологии, которые позволяют говорить о том, что женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, чем мужчины; мужчины более тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей, тогда как у женщин сильнее выражены гуманитарные склонности [136]. Кроме того, особое положение женщин в семье обусловлено и ее материнскими функциями, а они детерминированы биологически и не зависят от социальных условий [279].

М. Мид [189] обращала внимание на то, что характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга специфических обязанностей мужчины и женщины, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий.

И действительно, взаимоотношения полов невозможно свести к одной-единственной системе детерминант, будь то биосоциальные контакты или социальное угнетение женщин мужчинами. Еще Ф. Энгельс рассматривал половое разделение труда как социально-экономическое, а не природное явление. Подчеркивая исторический факт порабощения женского пола мужским, он все же отмечал, что «разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами» [181, с. 243].

В особенностях полового разделения труда есть свои стадияльно-исторические закономерности. Так, в раннеродовой

общине естественное половозрастное деление не создавало отношений господства и подчинения, еще не стало половой стратификацией. Мужчины и женщины специализировались в разных, но в равной степени общественно полезных сферах деятельности. Социальное угнетение женщин возникает только вместе с патриархатом, частной собственностью и системой наследования имущества [215].

На современном этапе развития общества положение в системе дифференциации половых ролей существенно меняется. Половое разделение труда потеряло былую жесткость, количество исключительно мужских и исключительно женских занятий существенно уменьшилось, а взаимоотношения мужчин и женщин в семье и на производстве стали практически равноправными. Очень многие социальные роли и занятия вообще не разделяются на «мужские» или «женские» [138].

В последние годы в исследованиях половой дифференциации отмечается не только расширение теоретических взглядов, но и все большее осознание сложности этого феномена. В психологических моделях начинают использоваться идеи из биологических, антропологических и социальных теорий. Среди наиболее значимых современных направлений следует выделить эволюционную психологию.

В эволюционной психологии функционирование человека понимается с точки зрения психологических механизмов, развивающихся как результат успешного разрешения проблем адаптации в истории вида. Поскольку мужчина и женщина выполняют различные роли в репродукции и воспитании, они сталкиваются с несколько различными проблемами. Поэтому вполне вероятно, что у обоих полов развились несколько разные психические механизмы [210].

В таком прочтении полоролевые различия отражают раскрытие запрограммированных биологических механизмов, эволюционирующих на протяжении тысячелетий, а социальный опыт запускает эти механизмы и изменяет пороги их действия, однако он не способен изменить базовую биологическую структуру или психические тенденции, которые она порождает.

И действительно, несмотря на то, что большинство фактов указывают на роль социализации в половой идентификации, все же нельзя сбрасывать со счетов и значение врожденной предрасположенности к выбору той или иной деятельности [116].

В основании половых ролей лежит определенная идеология, которая представляет собой систему идей, посредством которых различия между мужчинами и женщинами и стратификация по признаку пола получает свое социальное оправдание. [46]. Эта идеология находит свое закрепление в полоролевых стереотипах – стандартизированных представлениях о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское», существующих как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских учений, так и в повседневном обыденном сознании [138].

Полоролевые стереотипы, касающиеся закрепления семейных и трудовых ролей в соответствии с полом, относятся к одним из самых распространенных стереотипов, предписывающих стандартные модели ролевого поведения мужчинам и женщинам [198]. В соответствии с этими стереотипами для женщины главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчины – профессиональные роли (работник, труженик, добытчик); мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей; интересы мужчины сосредоточены за пределами семьи, а для женщины все другие интересы вторичны по отношению к семейным ролям; для выполнения традиционной роли матери и хозяйки дома женщина должна обладать чуткостью, сострадательностью, заботливостью, тогда как от мужчин, ориентированных на социальные достижения, требуется проявлять твердость, настойчивость и быть независимыми [32; 35; 116; 211].

Вместе с тем содержание эталонов мужественности и женственности не совпадает в культурах разных этносов.

Так, Г. Хофстеде эмпирически сравнил типичные ценностные ориентации людей в разных культурах по параметру «маскулинность – фемининность», которые в его исследовании выступали

не в качестве психологических, а антропологических категорий и фиксировали не различия между индивидами, а различия между культурами.

Он установил, что в маскулинных культурах ценностные ориентации отличаются высокой оценкой личных достижений и социальной успешности, доказательством которых считается высокий социальный статус. В этих культурах детей учат восхищаться сильными, а мышление тяготеет к рациональности.

Маскулинные культуры поддерживают сильную половую дифференциацию в семье, а на сексуальность налагается много запретов: ее нельзя публично обсуждать, сексуальные роли мужчины предполагают агрессивность и наступательность, а женские – покорность и пассивность. Как правило, в этих культурах четко различаются секс и любовь, порицаются нелегитимные сексуальные отношения и альтернативные по отношению к вагинальному половому акту сексуальные практики.

Ценностные ориентации фемининных культур, напротив, на передний план выдвигают согласие и заботу о других, а мышление отличается большим интуитивизмом. Половая дифференциация в семье не жесткая, а к сексуальности относятся как к бытовому явлению: возможно ее публичное обсуждение. В сексуальных отношениях ценятся чувства и переживания, за женщинами признается право на сексуальное наслаждение. В этих культурах более терпимо относятся к внебрачной сексуальности и сексуальному экспериментированию (Цит. по: [145]).

Таким образом, сексуальные роли являются частным аспектом половых ролей, описывающим сексуальное поведение мужчин и женщин. И так же, как и половые роли, роли сексуальные зависят от социокультурных норм [120].

По данным мета-анализов [140; 316], существуют большие различия между мужчинами и женщинами в сфере сексуальности. R. Trivers [345] в своей теории родительского вклада связывает сексуальное поведение с репродукцией. Он полагает, что самцы и самки имеют разные репродуктивные и брачные стратегии. Самцы биологически и поведенчески инвестируют в потом-

ка меньше, чем самки. Кроме того, они потенциально способны зачать много потомков, тогда как женское потомство ограничено. В результате у мужчин развилась более «количественная» репродуктивная стратегия, тогда как для женщин важнее «качество». Мужчины больше женщин заинтересованы в случайном сексе, менее обязательны в своих сексуальных установках и поведении, их больше привлекают молодые и физически привлекательные партнерши, которые подают ясные сигналы плодовитости и долгосрочной способности вынашивать и рожать детей. Напротив, женщины более избирательны в выборе партнеров, как с точки зрения их поведенческих черт, так и генетических задатков, меньше заинтересованы в сексе ради секса и выбирают преимущественно таких партнеров, которые могут обеспечить выживание их детям, гарантируя им долгосрочную безопасность и жизнеобеспечение. Поэтому они склонны предпочитать мужчин, которые обладают статусом и ресурсами и проявляют постоянство к своим брачным партнерам.

Мужская сексуальная роль обычно ассоциируется с доминантным, а женская – с подчиненным положениями. Это проявляется как в своеобразии копулятивных поз, так и в самом сексуальном поведении. Это базовое различие остается главной характеристикой полового диморфизма, особенно отличий сексуального поведения, несмотря на некоторое видоизменение системы половых ролей в современных социокультурных условиях и происходящее сглаживание стереотипов маскулинности – фемининности [303]. Кроме того, при всех индивидуальных и культурно-исторических вариациях для мужчин свойственна более явная агрессивность, тогда как враждебность женщин носит скрытый характер. Мужская сексуальность в любой культурной среде более агрессивна, напориста, экстенсивна, возбуждима и несдержанна [256].

Представления о маскулинности и фемининности, распространенные в литературе, позволяют составить некий обобщенный психологический портрет мужчины и женщины. Так, мужчина «стремится сдерживать свои эмоциональные проявления, не склонен к спонтанному самораскрытию, имеет «защитный пан-

цирь» из норм и правил; деятельностно ориентирован, для него важно ощущение субъектности, собственной роли в достижении успеха; склонен к объективизму, опирается на факты; уважает себя или соответствует социально-желательным характеристикам». Женщина же, в отличие от мужчины, «ориентирована на межличностное общение; ей присуща способность к эмоциональному, привлекающему внимание окружающих, выразительному самоопределению; она несколько импульсивна, склонна к субъективизму; ее самоотношение более целостно, менее зависит от социальной желательности и носит самопрезентационный характер» [66, с. 99–100].

Простейшая модель, используемая для построения концепции половых ролей, – это взгляд на маскулинность и фемининность как на два крайних полюса в непрерывном спектре. Такая биполярная модель основана на предположении о том, что чем чаще или сильнее человек проявляет маскулинное поведение, тем реже и слабее будет проявляться фемининное поведение, и наоборот [127].

Существенной чертой этой модели является иерархичность: альтернативные функции дополняют друг друга «по вертикали», так что женщине отводится подчиненная, зависимая роль [138].

Концепция маскулинности и фемининности, предложенная С. Бемом [31], напротив, предполагает большую взаимную независимость этих двух качеств, чем в биполярной модели. Она полагает, что некоторые люди с высокой частотой проявляют как маскулинное, так и фемининное поведение. Такое проявление обоих типов поведения одним человеком называется андрогинией. Соответственно, некоторые люди могут редко проявлять как то, так и другое поведение, оставаясь, таким образом, относительно недифференцированными. Наконец, может встречаться и такой случай, когда человек проявляет высокий уровень поведения одного типа и низкий – другого, которое, таким образом, может рассматриваться более маскулинным или фемининным.

Различия между этими двумя моделями заключается лишь в степени независимости, которую они приписывают этим двум факторам. Так, ортогональная модель исходит из полной незави-

симости маскулитности и феминности. В неортогональной модели предполагается, что утверждение: чем более «маскулинизирован» человек, тем менее он «феминизирован», и наоборот, верно только до некоторой степени [127].

По мнению И.Г. Малкиной-Пых [177], основное отличие мультиполярной модели психологического пола от биполярной заключается в том, что психологический пол рассматривается уже не просто как набор полярных черт маскулинности и феминности, а как более сложно организованный конструкт и может включать в себя и другие характеристики: представления и стереотипы о должном поведении мужчины и женщины, интересы и установки полоролевого поведения. Все эти составляющие сложно переплетены между собой, при этом полоролевые стереотипы могут не коррелировать с полоролевыми поведенческими установками, а комплекс маскулильных или феминных черт может расходиться с полоспецифическими интересами.

В.Е. Каган [120] полагает, что построение ортогональной модели стало возможным в связи с тем, что половое разделение труда перестало быть главным признаком организации общества и утратило свою жесткость. Реальная модель маскулинности–феминности обрела черты континуальности, предполагающей, что мужчина может быть сильным и энергичным, не будучи при этом грубым и агрессивным, а женская нежность совсем необязательно пассивной.

Таким образом, «культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций, она подстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека» [74, с. 29].

Т.Е. Parsons и R.F. Bales [331] отличают маскулинные инструментальные качества от феминных экспрессивных с помощью мотивационного критерия. Так инструментальная ориентация личности определяется через активность при достижении целей, выходящих за пределы непосредственной ситуации, а проявляется она в использовании межличностных отношений как средства для достижения определенной цели и характеризуется

нечувствительностью (невосприимчивостью) к эмоциональным реакциям окружающих, вызываемым поведением этого субъекта. Экспрессивная ориентация направляет интересы личности непосредственно на ситуацию межличностного взаимодействия и на эмоциональные реакции окружающих.

Таким образом, маскулинная половая роль включает те типы поведения, которые обычно ожидаются от мужчин для поддержания целевой ориентации и которые отражают невосприимчивость в межличностных контактах. Фемининная же роль включает в себя виды активности, ориентированные на поощрение взаимно-полезных качеств в межличностных взаимодействиях.

В таком подходе заложена возможность рассматривать маскулинность и фемининность как независимые друг от друга личностные конструкты, имеющие свои различные механизмы формирования.

Б.Е. Алексеев [8] отмечает, что измерение маскулинность–фемининность (М–Ф) представляет собой функциональную структуру психики, в рамках которой обобщаются динамические и приобретенные содержательные характеристики врожденных программ поведения человека как представителя пола; выражая изначально активную роль субъекта, измерение М–Ф влияет на диапазон формирующегося на его основе полоролевого поведения.

Таким образом, маскулинность и фемининность – это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой – социальные образования, складывающиеся в онтогенезе, в связи с чем единство переживаний и поведения человека как представителя пола не обеспечивается влияниями только с одной стороны или только с другой стороны, требуя интеграции и природного, и социального [120].

Аспект полового сознания, описывающий переживание человеком себя как представителя пола, называется половой идентичностью. J. Money [325] полагал, что половая идентичность – это субъективное переживание половой роли, а половая роль – социальное выражение половой идентичности. Сходной трактовки придерживается и Г.Ф. Келли [127], который отмечает, что внут-

ренное восприятие своего пола следует обозначать как половую идентичность, а публичное, внешнее выражение своей половой принадлежности обозначать как половая роль. Таким образом, половая идентичность – единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли [216].

В структуре половой идентичности обычно выделяют три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Полагают, что когнитивный компонент включает представления о себе как представителе определенного пола и представления о содержании типичного ролевого поведения, соответствующего полу; поведенческий компонент понимается как усвоение моделей типичного для представителей того или другого пола поведения и готовность реализовать их в жизни; эмоциональный компонент включает в себя всю совокупность полоролевых предпочтений, ценностных ориентаций и определенных типичных для пола потребностей и мотивов, тесно связанных с нравственным развитием личности [341]. Следует отметить, что именно эмоциональный компонент, а также дифференциация половых ролей мужчины и женщины и соответствующих этому социальных ожиданий и социального давления общества и ближайшего окружения способствуют появлению психических различий между представителями различного пола [226].

Формирование полового самосознания «является возникновением субъектности в развитии личности, которая по мысли Л.С. Выготского, является специфичной “точкой встречи” идеальной и реальной форм поведения, при этом идеальная форма, проявляющаяся в конце развития, уже существует и непосредственно взаимодействует с реальной формой развития» [293, с. 120]. Таким образом, половое самосознание выполняет регуляторную функцию: «обеспечивает реализацию идеального образа» [113, с. 187]

Являясь частью образа себя, половое самосознание в начальном периоде развития в большей степени модально, основано на самоощущениях как «аффективная часть образа себя» [3, с. 5], но

по мере становления личности формируется когнитивная часть образа себя (знания о себе) и половое самосознание приобретает признаки амодальности [30, с. 22].

Понятие «половое самосознание» на определенном этапе развития личности аналогично употребляемому в отечественной литературе понятию «первичная половая идентичность» [119; 156; 218; 237; 244], а также понятию «ядерная половая идентичность», используемому некоторыми зарубежными авторами [251].

W. Mertens [323] определяет половую идентичность как первичные осознанные и неосознанные представления относительно своего биологического пола, которые развиваются, основываясь на комплексном взаимодействии биологических и психических явлений, с рождения, когда родители с их представлениями о поле, в основном полоролевыми стереотипами, реагируют на своих детей как на мальчиков или девочек. Он отмечает, что к концу второго года жизни эти представления устанавливаются как относительно бесконфликтное знание.

В норме половое самосознание человека соответствует его биологическому полу (генетическому, гормональному, морфологическому) и органично сливается с формирующейся половой идентичностью и интериоризацией половой роли в процессе половой социализации [8].

В свою очередь В.Е. Каган [120] определяет половую идентичность как соотношенность личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. Он различает следующие виды половой идентичности:

1) базовая идентичность – соотношенность личности с традиционными, восходящими к филогенетическим, половым различиям, представлениям о маскулинности и фемининности; этот вид идентичности детерминирован психофизиологически;

2) ролевая идентичность – соотношение поведения и переживаний личности с существующими в данной культуре и в данное время полоролевыми стереотипами; этот вид идентичности детерминирован влиянием среды;

3) персональная идентичность – интеграция первой и второй. Она характеризует соотношенность личности с маскулинностью и фемининностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения и совместной деятельности. По мнению автора, если базовая идентичность стабильна, то на уровне ролевой и персональной идентичности идет непрекращающийся процесс половой идентификации. Персональная половая идентичность – компонент половой идентичности, эволюционирующий в ходе своего развития, она не остается неизменной как ядерная половая идентичность.

Формирование половой идентичности отличается у мальчиков и девочек. У девочек фемининное формирование половой идентичности происходит на фоне неразрывной ее связи с матерью, соединяя чувства привязанности с процессом становления идентичности. Напротив, мальчики, осознавая свою несхожесть с женщиной, отделяют матерей от себя. Маскулинное становление половой идентичности влечет за собой более выраженную индивидуализацию, более раннее утверждение границ своего Эго. В свою очередь, это приводит к снижению потребности в близости с другими людьми, потому что интимное общение имеет тенденцию вызывать только интенсивные эмоциональные состояния, которых они боятся и отклоняют. Подобные особенности становления половой идентичности делают ее у мальчиков более уязвимой, и при определенных условиях чаще ведут к искажениям [283].

Важнейшим фактором становления мужской половой идентичности является отклонение того, что культурой определено как женское, причем мужские нормы пола вынуждают мальчиков отклонять как «женский» широкий диапазон характеристик, которые являются общечеловеческими: например, проявление эмоциональных состояний опасения, беспомощности, уязвимости, что ведет к обеднению их эмоционального опыта [256].

По мнению И.С. Кона [138], отражение биологических закономерностей онтогенетического становления полового диморфизма в дальнейшем сказывается и в социальных особенностях воспитания, различающихся по своей требовательности для разных полов.

Причем в данном контексте обнаруживаются полодиморфические особенности, оказывающиеся общими для разных культур: к сохранению маскулинности у мальчиков социум всегда относился гораздо строже, чем к сохранению фемининности у девочек. В этом И.С. Кон видит проявление принципа «маскулинной дополнителности», сформулированного J. Money, который говорит о том, что для полноценного развития по мужскому типу требуются дополнительные усилия не только биологических, но и социальных детерминант на каждом этапе половой дифференциации.

Половая идентичность формируется как результат усвоения культурно-нравственных норм и, в первую очередь, нравственных качеств другого человека. Вместе с тем нравственно-этические требования формируются лишь при внутреннем принятии их личностью, при превращении их в личностно-значимые установки, жизненные цели и ценности, поэтому половую идентичность можно определить как усвоение личностью социально-культурных особенностей своей половой принадлежности, манеры поведения, способов действий, психологических и нравственных качеств [84]. В связи со сказанным выше можно говорить о том, что формированию устойчивой половой идентичности предшествует этап становления моральных норм и ценностей.

Обычно завершение формирования половой идентичности связывают с юношеским возрастом [144; 154; 201; 223; 339], однако Д. Пайз [209] полагает, что кризисной точкой в поиске своей идентичности у женщин является беременность. Относительно мужчин, согласно Е.П. Ильину, такой кризисной точкой в поиске ими идентичности может стать их первый половой акт [116, с. 83], с чем можно согласиться, если учесть, что у мужчин-гомосексуалистов первый гетеросексуальный акт зачастую не только предшествует первой гомосексуальной связи (исключая препубертатные и начала пубертата), но и служит своеобразным «ключом» к осознанию собственной гомосексуальности [131, с. 174].

Долгое время в психологии считалось очевидным, что половая идентичность формируется в течение продолжительного времени и ее следует считать продуктом воспитания. Однако

пренатальные гормоны воздействуют на мозг плода еще в утробе матери и определяют его развитие по мужскому или женскому типу, в связи с этим абсолютизация роли воспитания выглядит, по меньшей мере, сомнительной. Не случайно многие эксперименты по воспитанию кастрированных в раннем младенчестве мальчиков в женской идентичности терпят неудачу [57].

В рамках онтогенетической концепции пола J. Money полноценные мужчина и женщина должны в своем индивидуальном развитии демонстрировать все восемь признаков пола.

В.Е. Каган [121] подразделяет нарушения половой идентичности в зависимости от выраженности: 1) на индивидуальные вариации соотношения маскулинности и фемининности, сопровождающиеся адаптационными реакциями; 2) на полоролевой конфликт, разворачивающийся на личностном уровне как переживание реального или мнимого несоответствия полоролевым стандартам с личностными реакциями невротического типа; 3) на конфликт половой идентичности как активное, осознаваемое противостояние, переживание себя в качестве представителя противоположного пола и существующих полоролевых стандартов; личностные реакции при этом носят целенаправленный активно-приспособительный характер и устремлены к легализации своего переживания половой принадлежности вопреки своему паспортному полу.

Однако существует целая категория анатомически нормальных мужчин и женщин, которые убеждены в том, что они обладают личностными свойствами, типичными для противоположного пола (транссексуалы). Транссексуалы очень рано начинают ощущать себя так, как будто они пребывают в теле противоположного пола [29]. Есть свидетельства, что этот феномен имеет биологические основы и связан с феминизацией мозга у мужчин и маскулинизацией мозга у женщин [349].

Поведение личности в значительной степени детерминировано социальными факторами. Общество предписывает модели поведения, которые рассматриваются как присущие данному полу, то есть полоролевое поведение. Естественно, что полоролевое

поведение оказывает огромное влияние на сексуальность, сексуальное поведение и ожидания, а следовательно, от него во многом зависит сексуальная гармония.

Существуют два типа нарушения полоролевого поведения: гиперролевое поведение, характеризующееся заострением особенностей половой роли, и трансформация – формирование полоролевого поведения, свойственного другому полу [8].

К трансформации полоролевого поведения, происходящей на этапе формирования его стереотипа, приводит влияние негативных микросоциальных факторов – неправильного воспитания, нарушения полоролевых ролей одного или обоих родителей, их отрицательных характерологических особенностей. Таким образом, формирование нарушений полоролевого поведения связано, прежде всего, с микросоциальными факторами и особенностями социокультурного развития ребенка [156].

Отдельного рассмотрения требует вопрос сексуальной ориентации. Сексуальная ориентация может быть определена как «стремление иметь половую связь с представителями определенного пола (гетеросексуальная, бисексуальная, гомосексуальная ориентации)» [244].

Хотя критический период формирования сексуальной ориентации приходится на подростковый возраст, сам процесс формирования начинается много раньше. Существуют две модели этого процесса.

Первая – медико-биологическая. Она опирается на теорию полоролевой инверсии. В ней гомосексуальность рассматривается как девиация, связанная прежде всего с внутриутробным гормональным нарушением, с несоответствием физического облика половым стереотипам. Критическим периодом считается раннее детство, когда в родительской семье разворачиваются процессы идентификации со своим или противоположным полом.

Вторая модель – социально-психологическая. Она опирается на теорию сексуальной ориентации. В ней рассматривается уже не гомосексуальность, как в первой модели, а нормальный процесс психосексуального развития, предполагающий в качестве

своей составной части сексуальную ориентацию. Предпосылки видятся в нормальной неравномерности и неодновременности физического, полового и социального созревания. Критический период приходится на возраст полового созревания, когда в общении со сверстниками формируются и осознаются эротические предпочтения [120].

В своей обзорной статье S.A. Sanders и соавторы [337] проводят параллели между развитием концептуализации представлений о сексуальной ориентации и изменением взглядов на маскулинность и фемининность.

Так, в ранних концепциях маскулинность и фемининность рассматриваются как дихотомические категории и помещаются на противоположные полюсы одномерного континуума. Такая биполярная модель подразумевала, что чем более маскулинен данный индивидуум, тем он (она) менее фемининен, и наоборот. Этой модели соответствовала точка зрения на сексуальную ориентацию, которая предполагала, что человек либо гетеросексуален, либо гомосексуален.

Авторы отмечают, что еще в исследованиях А. Кинзи было установлено, что гомосексуальное поведение встречается довольно часто, а это дало ему основание высказать предположение о существовании обратной зависимости между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, то есть чем больше гомосексуальным является человек, тем он должен быть менее гетеросексуальным, и наоборот.

В современных психологических моделях маскулинность и фемининность рассматриваются как независимые качества, а это означает, что уровень фемининности не связан с уровнем маскулинности. Параллельно развития ортогональной модели маскулинности–фемининности были выдвинуты гипотезы о том, что гомоэротизм и гетероэротизм являются ортогональными. Согласно этой модели у бисексуалов высокий уровень как гомоэротизма, так и гетероэротизма, у гомосексуалов высокий уровень гетероэротизма и низкий уровень гомоэротизма, у гомосексуалов высокий уровень гомоэротизма и низкий уровень гете-

роэротизма, а индивиды с низкими уровнями и гомоэротизма, и гетероэротизма будут асексуалами.

Авторы приходят к мысли о том, что одномерные модели не позволяют понять процессы формирования сексуальной ориентации, что она по своей сути многомерна и на ее формирование оказывают влияние многие факторы.

Таким образом, половая идентичность – базовая структура социальной идентичности личности, которая характеризует человека с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как человек сам себя определяет [148]. В этой связи психологический пол личности можно рассматривать как совокупность психологических и социально-психологических характеристик личности, используемых в качестве отличительных черт для выделения своего пола. Другими словами, психологический пол есть комплекс психологических, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины или женщины [50]. Именно психологический пол проявляется в разных особенностях социального поведения, связанных с половым диморфизмом [20].

Таким образом, можно выделить три типа явлений, которые объясняют возникновение и трансформацию идентичности мужчин и женщин: биологический, психологический и социальный: 1) биологический уровень – это возможности функционирования, обусловленные структурными и функциональными особенностями организма; 2) психологический уровень, то есть комплекс психологических особенностей, включающий в себя когнитивные способности, мотивационно-волевой потенциал, ценности; 3) социальный уровень – это доминирующая в обществе идеология и те изменения, которые влияют на мужчин и женщин как участников общественных отношений [190].

И, соответственно, пол – не просто система, но особое – «системное» – свойство личности, в которой представлены биологические, психологические и социальные аспекты бытия человека. Биологические образующие пола, как базовые, определяются

местом индивида в системе деторождения. Психологические образующие пола можно трактовать как обусловленные половой принадлежностью индивида социально заданные и интериоризованные им программы поведения, а также его идентичность. Социальные образующие пола определяются характером соответствия между поведением индивида и теми общественными предписаниями, которые предъявляются ему исходя из его половой принадлежности [50].

Рассматривая соотношение биологических и социальных детерминант в развитии личности, D.M. Buss [301] отмечает, что мужчины и женщины будут проявлять личностные различия непосредственно в тех областях жизни, где они сталкиваются с проблемами адаптации, относящимися к их биологическим различиям в сексуальной и репродуктивной функции. Это позволяет говорить о том, что, независимо от источника происхождения, личностные различия возникают, прежде всего, как социальный феномен, который не определяется в такой же степени природными факторами, как, например, физические различия между мужчинами и женщинами.

Таким образом, половая дифференциация, как и любое другое развитие, есть функция взаимодействия организма и среды: «оба плана развития – естественный и культурный – совпадают и сливаются один с другим ... взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка, поскольку оно превращается в исторически обусловленный биологический процесс» [74, с. 31]. При этом биологический пол выступает как «безличная» предпосылка формирования психологического пола личности [20].

Все это может означать, что в постнатальном онтогенезе биологические факторы половой дифференциации дополняются социальными, происходит обучение ребенка половой роли в соответствии с социокультурными традициями данного общества, а это дает основание говорить о том, что пол – это определенность, основанная на использовании социально принятых биологических критериев для классификации индивидов как мужчин или женщин [260].

Глава 2

СЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ВЛЕЧЕНИЕ, ЛЮБОВЬ И ОТНОШЕНИЕ ПОЛОВ

Сексуальность является одним из важных факторов, детерминирующих поведение людей, побуждающих их к установлению и поддержанию интерперсональных связей, и без ее учета человеческое поведение и деятельность не могут быть адекватно оценены и объяснены.

Несмотря на постоянный интерес к сексуальности со стороны представителей различных научных дисциплин, до сих пор нет общепризнанной теории сексуальности, что заставляет определять ее и интерпретировать сексуальное поведение человека в описательных категориях [115].

Среди всего многообразия теоретических подходов к изучению сексуальности, выделяются два, противостоящих друг другу: биологический эссенциализм и социальный конструктивизм.

В биологическом эссенциализме человеческая сексуальность неразрывно связана с естественным половым отбором и репродуктивным поведением. Сторонники этого подхода полагают, что биологическая приспособляемость организма определяется его способностями передавать свои гены потомству. Таким образом, поведение, не способствующее продолжению рода, рассматривается ими как биологически бесполезное и дисфункциональное. В связи с чем определяющее значение для сексуального поведения имеют врожденные генетические и физиологические факторы. Иными словами, сексуальные особенности даются нам от природы.

Социальные конструктивисты, напротив, отвергают мнение о врожденном характере сексуального поведения и сексуальной

ориентации. Они полагают, что индивидуальные особенности и поведение человека формируются под влиянием социального окружения, то есть воспитания. Кроме того, они полагают, что и биологические факторы получают своего рода интерпретацию в зависимости от культурного прочтения [127].

В.Е. Каган [120], оценивая тенденции развития сексологии, отмечает, что в ней наметилась тенденция перехода от противопоставления биологической и социальной моделей к конструированию системных биосоциальных моделей, объясняющих психосексуальную дифференциацию и сексуальное поведение человека в целом. Согласно таким моделям, указывает вышеназванный автор, биологическое не только задает потенциальные возможности для развития личности, но и его врожденные долгосрочные программы, а среда определяет социальные векторы их реализации в человеческом поведении.

В рамках биодетерминистских моделей сексуальности признается существование определенных пусковых механизмов, обеспечивающих процесс размножения. Организм одного пола различными способами сигнализирует о способности и готовности к сексуальному контакту. Эти сигналы активизируют у особи противоположного пола такие формы поведения, характер которых создает в организме, первоначально сигнализирующем, готовность к сексуальному контакту, направленную на конкретную особь. Появление этих механизмов на соответствующем уровне биологического развития является филогенетически оформленным, целенаправленным приспособлением к изменившимся условиям в пределах беспрестанно меняющейся природы [115].

Современные экспериментальные исследования и наблюдения над животными в естественной для них среде обитания позволяют говорить о том, что их половое поведение (особенно это касается высших животных) не является целиком инстинктивным и регулируется не только программами, однозначно закодированными в организме [344].

Хотя у большинства млекопитающих копулятивный цикл является сезонным и ограничен четкими временными рамками, а

их спаривание находится под постоянным гормональным контролем и соответствующие физиологические реакции наступают автоматически, однако неправомерно рассматривать сексуальные автоматизмы и реакции исключительно в контексте репродуктивного поведения без учета других сторон жизни животных. Так описаны ситуации, когда сексуальное поведение животных выражает иерархические отношения господства – подчинения. При этом копулятивная позиция может только имитироваться, но может происходить и реальный сексуальный контакт. Однако во всех случаях доминирующая особь (самец или самка) всегда выполняет «маскулинную» роль, а слабый партнер (опять же самец или самка) подчиняется [299]. Такие формы поведения описаны у многих видов животных [57; 97; 102].

У приматов сексуальная активность еще в большей степени, чем у других млекопитающих, автономизировалась от репродуктивной функции. Подтверждением этому могут служить данные М.А. Дерягина и М.Л. Бутовской [97], полученные ими в результате собственных наблюдений за сексуальным поведением обезьян в условиях, приближенных к естественным. Так, было установлено, что для обезьян характерно большое разнообразие внешней стимуляции партнеров до спаривания (визуальная, тактильная, ольфакторная), и хотя у них отсутствует период ухаживания, появляются докопулятивные сексуальные игры.

Автономизация сексуального поведения от репродуктивной функции неизбежно увеличивает многообразие его форм; оно становится избирательным как в отношении своих объектов, так и в отношении условий и способов осуществления, а следовательно, возрастает значение индивидуального научения. Опыты показывают, что для животных необходимо некоторое первичное половое научение. В.В. Антонов и М.М. Хананошвили, экспериментируя со щенками-самцами, установили, что особи, выращенные в полной изоляции от сверстников, в дальнейшем не имели навыков копулятивного поведения [18].

Эволюция сексуального поведения – самый яркий пример филогенетического восхождения от жестко запрограммированно-

го поведения к избирательному. С увеличением объема головного мозга значение социального научения и индивидуального опыта растет, а эффективность гормонального регулирования снижается. Усложняется и сама структура поведения. Хотя по своим истокам половые отношения детерминированы необходимостью продолжения рода, ни одно животное не спаривается специально ради размножения [347].

Это дает основание полагать, что у животных половое поведение является полифункциональным и многоуровневым. Тем более у человека, у которого сексуальная жизнь вообще не ограничена сезонно и не связана с менструальным циклом женщины. В связи с этим чисто биологическое объяснение его сексуальной жизни становится совершенно невозможным [138].

Вместе с тем, несмотря на очевидные факты, биологизаторский взгляд на человеческую сексуальность и ее регуляцию поддерживается и развивается (хотя бы и в некорректном использовании определенных терминов и категорий). Так, по отношению к человеку нередко говорят о «половом инстинкте» [172, с. 231], о том, что секс «принадлежит к числу основных биологических потребностей» [166, с. 164], а в юношеском возрасте сила полового инстинкта настолько мощная, что никакие другие программы жизнедеятельности не могут вытеснить стремления к реализации полового влечения [158, с. 33], что смысл человеческой сексуальности исчерпывается «потребностью в сохранении и продолжении жизни вида» [137, с. 78].

Обычно под инстинктом понимают «врожденное, биологически обусловленное поведение, характерное для того или иного биологического вида. Чтобы квалифицироваться в качестве инстинкта, комплексное поведение должно обладать устойчивой моделью среди данного рода и быть неприобретенным» [175, с. 492]. Подобное поведение характерно для многих видов животных. В человеческом поведении также проявляются некоторые врожденные тенденции, включая такие простые устойчивые модели, как сосательный и двигательный рефлекс у младенца [28]. Однако, оценивая человеческое поведение,

можно утверждать, что оно в целом не зависит от инстинктов, как пишет об этом А. Барнетт: «...у человека нет сложных врожденных форм поведения, в этом смысле у него нет инстинктов» [26, с. 105].

Одно из главных отличий человека от животных состоит в том, что он обладает сознанием.

Становление сознания связано со становлением новой формы бытия – бытия человеческого – новой формы жизни, субъект которой способен, по словам С.Л. Рубинштейна, «выходя за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать себе отчет в своем отношении к миру, к другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за все содеянное и все упущенное, ставить перед собой задачи и, не ограничиваясь приспособлением к наличным условиям жизни, изменять мир» [232, с. 243].

К. Василев [60] полагает, что надприродная, социальная сущность сознания характеризуется тем, что оно регулирует и координирует действия человека, исходя из определенной ценностной системы, то есть руководствуясь интересами и других членов данной социальной группы.

И действительно, сознание – это особый, лишь человеку присущий способ ориентации в окружающем мире, регулирующий и координирующий взаимодействия людей по удовлетворению индивидуальных и коллективных потребностей. С этой точки зрения следует обратить внимание на следующее:

1. Реализуя свои опережающие способности путем мыслительного преобразования действительности, воображения, сознание позволяет прогнозировать непосредственные и отдаленные последствия для себя и других предполагаемых действий.

2. Сознание способно (посредством биохимических механизмов) идеально побуждать к практическим действиям в соответствии с прогнозируемым, проектируемым, предвиденным. Благодаря этому:

– возникает мотивационная сфера человеческой целенаправленной деятельности;

– формируется способность стимулировать себя к совершению определенных действий или, наоборот, сдерживать себя, то есть способствовать осмысленной регламентации и регуляции своей деятельности на основе запретов и поощрений.

3. Сознание по средствам различных форм кодирования позволяет аккумулировать накопленный опыт в виде информации и передавать ее другому человеку, поколению; передавать партнеру свой замысел, свои ожидания от его деятельности в виде просьб, предложений [204].

Как способ ориентации в окружающей среде сознание определяет иную логику событий, иное содержание связей, качественно преобразуя и систему потребностей, и систему реакций, и характер сообщества. Эта логика, по мысли С.Л. Рубинштейна, заключается в том, что сознание служит для приведения поведения в соответствие с потребностями людей и объективными условиями по средствам «объективированного в слове, общественно выработанного знания», специфичность которого выражается «в целенаправленном характере человеческих действий» [232, с. 249].

Таким образом, сознание подчиняет биологические инстинкты своему высшему регулированию.

Выражением практической связи человека с миром и его зависимость от него выражается в потребностях. Наличие у человека потребностей свидетельствует о том, что он испытывает нужду в чем-то, что находится вне его. Потребности являются исходными побудителями к деятельности: благодаря им человек выступает как активное существо. В потребностях «как бы заключен человек как существо, испытывающее нужду и вместе с тем действенное, страдающее и вместе с тем активное, как страстное существо» [233, с. 522].

По мысли А.Н. Леонтьева, можно говорить о потребностях витальных, неустранимых, обеспечивающих существование и формах их удовлетворения и о потребностях, не имеющих характер обеспечивающих существование, не витальные, не обязательные. Вместе с тем «и те, и другие обнаруживают свое социальное происхождение» [165, с. 426].

Потребность представляет собой синтез заложенной в индивидууме программы жизнедеятельности и конкретной окружающей среды. В программе жизнедеятельности потребность черпает свой биоэнергетический импульс, обретает неодолимость, силу жизненной необходимости. Вместе с тем потребности формируются и удовлетворяются в конкретной среде и приобретают форму и конкретное содержание, обусловленное средой [234].

В отличие от животного, появляющегося на свет с уже сложившимися, жестко функционально ограниченными потребностями, человек обретает свойственную ему форму существования в открытом взаимодействии с самими людьми. Новорожденный, благодаря уникальной пластичности врожденных импульсов и потребностей, отсутствия жестких механизмов, инстинктов, имеет возможность приспособления потребностей к средствам их удовлетворения, что в совокупности способствует развитию сложных образцов поведения и высочайших адаптационных способностей человека [204].

Обсуждая природу сексуальных потребностей человека К. Обуховский приходит к следующим выводам:

– при неудовлетворении потребности в сохранении вида возникает угроза существованию вида, а самого индивида эта угроза не касается. Следовательно, это не всеобщая потребность;

– у людей оплодотворение является целью полового акта в исключительных случаях. В нормальных условиях продолжение рода является желанным или не желанным, но побочным следствием этого акта;

– особенностью сексуальной потребности человека является тесная связь осуществления потребности в сексе с другими желаниями, а отсутствие удовлетворения потребности в сексе – это не только отсутствие сексуальных переживаний, отсутствие специфических физических и психических ощущений, но также невозможность реализации других важных желаний;

– как потребность в сохранении вида, так и потребность в сексе не угрожают личности серьезными последствиями вследствие ее неудовлетворения.

Таким образом «обе они не являются необходимыми потребностями. Возможные психические и социальные осложнения – не столько результат фрустрации этой потребности, сколько недостатки личности, выражающиеся как в ее дисгармонии, так и в примитивизме» [203, с. 116].

Отдельного рассмотрения требует феномен, который некоторыми обозначается как «родительский инстинкт».

В.А. Борисов [48] считает бездоказательными положения о существовании биологических «инстинктов продолжения рода», «материнского инстинкта», «инстинкта родительства», отмечая, что часто за этими понятиями не скрывается никакого иного значения, кроме половой потребности. К. Обуховский, указывая на то, что опыт отцовства и материнства может вызывать у человека определенные переживания, которые могут стать важными для формирования его личности, вместе с тем полагает, что вопрос о том, необходим ли он человеку, объективно остается открытым [203, с. 113].

По мнению Л.Б. Шнейдер, не существует биологических законов, заставляющих человека иметь детей: «...если бы такие законы существовали, то каждая беременность заканчивалась бы родами» [286, с. 50].

А.Г. Харчев понимает родительство как «социальный по своей сути, но имеющий корни в природной, генетической связи между ребенком и родителем феномен» [279, с. 68], особый тип поведения, «определяемого в основном двумя моментами: родительской любовью и социальным долгом» [там же, с. 315]. В таком своем понимании родительство выступает как сплав биологического и социального, однако соотношение этих элементов у мужчины и женщины различное. Обсуждая природу этих различий обычно указывают на то, что строение тела женщины определяет ее способность к репродукции, в то время как в мужском жизненном цикле нет аналога такому событию, как роды. Женщина-мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. В этой связи обычно подчеркиваются биологические детерминанты материнской роли. И действительно, «ребенок и

мать образуют тесную, взаимную, биологически обусловленную связь, которую следует рассматривать как базовый компонент человеческой природы» [52, с. 101].

М. Мид, рассматривая содержание мужских и женских ролей, настаивает на разной природе отцовства и материнства. Первое (отцовство) обусловлено культурой, второе (материнство) имеет биологическую природу. Она полагает, что материнская забота и привязанность к ребенку глубоко заложены в биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только очень сложные социальные условия могут полностью подавить их, тогда как мужчины в своей роли отца-мужа-кормильца могут видоизменяться и эти модификации не являются чем-то биологическим [188, с. 309–314].

Но есть ли основания говорить о биологическом по своей природе «материнском инстинкте»? Так, А.И. Захаров, выделяя факторы, способствующие его становлению, называет следующие: прообраз матери; желание иметь детей, установка на них; положительный отклик на беременность; нежность к зарождающейся жизни; чувство жалости и сострадания к ребенку; чувство близости с ним; эмоциональная отзывчивость матери [106, с. 20]. Заметим, что даже простое их перечисление позволит не только усомниться в исключительно биологическом характере «материнского инстинкта», но и искать в его основании широкие социальные основания. И этому есть эмпирические подтверждения. Так, обследование женщин, отказавшихся от своих новорожденных, выявило у них, помимо психологической незрелости, эмоциональной неустойчивости, неспособности к позитивной связи с ребенком, и социальную незрелость, а отказу от ребенка предшествовали личная социальная нестабильность и угроза распада семьи [55].

Н. Чодороу [283] рассматривает материнство в качестве одного из немногих всеобщих и стабильных элементов системы полового разделения труда и указывает на то, что материнская роль приобрела оценочное психологическое и идеологическое значение в жизни женщины вследствие того, что общество воспроизводит, а женщина усваивает материнскую мотивацию и материн-

ское поведение. Она полагает, что с изменением существующего разделения труда по половому признаку материнские функции перестанут быть исключительно делом женщины. Таким образом, Н. Чодороу ставит под сомнение биологическую детерминацию и материнского поведения.

По мнению Я.И. Рубина, «потребность в детях за время существования человечества подверглась коренному, качественно-му преобразованию. Вначале она была близка к простому инстинкту сохранения вида, то есть больше склонялась к биологической потребности. По мере того, как семья становилась все более необходимой общностью не только для рождения детей, но и для их воспитания, подготовки к самостоятельной жизни, потребность в детях все больше приобретала социальный характер, которым стала выражаться ее сущность [231, с. 39]. Таким образом, совершенно отрицать биологические основания родительства все же невозможно. Так, М. Босанац указывает на то, что биологические законы продолжают действовать, а человек «лишь пытается приспособиться к ним, извлекая как можно больше пользы для себя» [51, с. 24].

Обычно в структуре сексуальности выделяют репродуктивную, коммуникативную и гедонистическую функцию [115; 156; 237].

По мнению Э. Берна [36], вся человеческая жизнь может рассматриваться как подготовка к участию в воспроизводстве и последующем выращивании потомства. Сущность репродуктивного аспекта сексуальности может быть выражена понятием «потребность в детях» [17; 43; 48; 185]. Определяя эту категорию, А.И. Антонов акцентирует внимание на том, что эта потребность относится к явлениям социально-психологического порядка [17, с. 112], что само по себе уже предполагает необходимость онтогенетического опыта, а не только действие инстинкта. Можно согласиться с мнением Я.И. Рубина, полагающего, что если «сущность потребности в детях по отношению к ее объекту – социальная, то содержание этой потребности – социально-биологическое» [231, с. 24].

Сексуальность является одним из основных сил, объединяющих людей друг с другом и формирующих их многомерную совместную жизнь [269]. Э. Берн [36] кратко и емко обозначил смысл коммуникативного аспекта сексуальности следующим образом: секс привязывает человека к человеку, предоставляя возможность каждому из двух преодолеть свое одиночество.

С биологической точки зрения сексуальность можно рассматривать как стремление человека преодолеть границы своей телесности, выйти за пределы своей индивидуальности. Вместе с тем сексуальная связь двух людей, степень которой, впрочем, зависит от глубины их личности, в свою очередь воздействует на личности партнеров, ее образовавших, модифицирует характер их социального функционирования. В связи с этим можно полагать, что смысл сексуальности заключается в создании определенных отношений и связей между партнерами, образовании из них как функционального, так и личностно-экзистенциального единства [115].

Полагаем, что коммуникативная функция сексуальности может быть описана на трех уровнях обобщения. Так, на индивидуально-личностном уровне сексуальность можно рассматривать как специфический психосоматический язык тела, как форму изначально невербальной коммуникации [174]. На микросоциальном уровне этот аспект сексуальности может быть описан при помощи разнообразных социально-психологических параметров, фиксирующих как характер и особенности межличностных отношений между сексуальными партнерами, так и особенности их микрогруппы как социально-психологического целого [16]. На уровне социального обобщения сексуальность может быть рассмотрена через призму ценностно-нормативных канонov каждого конкретного общества [146].

З. Фрейд [268] высказывал мысль о том, что главный смысл сексуальности заключается в том удовольствии, которое она доставляет. Э. Берн [36] обращал внимание на то, что секс просто как удовольствие – более популярное занятие, чем другие прочие. К. Обуховский [203] под сексуальностью понимал, прежде всего,

технику и манипуляции, дающие наслаждение, таким образом, он подчеркивает инструментальную сторону сексуальности. В связи с сексуальным удовольствием он говорит об эротике как о психологическом феномене, присущем исключительно человеку и включающем в себя не только внутренние переживания, связанные с сексуальностью, но и предполагающем ее оценку и отношение к ней.

В сексуальном удовольствии всегда присутствует элемент коммуникации, причем удовольствие, доставляемое сексом, становится не столько источником изолированного наслаждения, сколько средством выражения сущности любовных отношений, но при условии, что сама сексуальная связь является реальной, а не ограничивается лишь предоставлением временного удовольствия [128].

По мнению В. Франкла [267], сексуальность обесценивается, если партнеры используют ее лишь для получения удовольствия; таким же образом обесценивается сексуальность, если ее рассматривают лишь в аспекте репродукции, ограничивая ее деторождением и исключая ее высший коммуникативный смысл – любовь.

Все это позволяет говорить об исключительно парном характере сексуальной функции [119; 137; 156; 217; 237].

Рассматривая феномен человеческой сексуальности, довольно часто обращаются к термину «половое влечение».

В.М. Бехтерев [39], анализируя природу полового влечения, выделял в нем два компонента: а) безусловную внутреннюю готовность организма в освобождении от накопившихся продуктов деятельности половых желез и б) обусловленные индивидуальным жизненным опытом и воспитанием «сочетательные рефлексы», благодаря которым выбирается надлежащий сексуальный объект и обеспечивается спаривание.

В.Е. Каган [120] определяет половое влечение как стремление к сексуальной активности, выраженность и направленность которого определяется системой биологических факторов и формированием условнорефлекторных комплексов под влиянием индивидуального опыта.

К. Имелинский под термином «половое влечение» понимает мотивационные факторы, обусловленные биологической структурой организма и обеспечивающие такие формы поведения, цель которых – удовлетворение отдельных потребностей организма. При этом цитируемый автор полагает, что «следует особо указать на решающее отличие сексуальной мотивации от сексуального поведения. Различные проявления сексуальности ... могут быть различным выражением одного и того же сексуального мотивационного состояния» [115, с. 37]. При этом автор подчеркивает, что могут существовать различные формы сексуальной активности, которые обусловлены не сексуальной мотивацией.

В другой своей работе К. Имелинский [114] более подробно рассматривает феномен сексуального влечения. Автор исходит из того, что человек представляет собой психофизическую категорию; он обладает специфической психикой, которой не имеют животные и которая является деятельностью мозга. Он полагает, что влечение у человека состоит из двух компонентов: физического (гормонального) и психического.

В течение жизни половое влечение в своем развитии подвергается возрастным изменениям, которые, в зависимости от стадии индивидуального развития человека, представлены следующим образом.

До начала полового созревания человеку свойственно лишь очень слабое половое влечение, обусловленное действием гормонов. В этот период половые железы еще почти не выделяют половых гормонов. Психический компонент полового влечения пока не действует. В период созревания половые железы начинают вырабатывать половые гормоны и формируется нормальный физический компонент полового влечения. Параллельно эти гормоны активизируют и дремавший до сих пор психический компонент полового влечения. В период половой зрелости существует уже созревшее половое влечение.

Сила психического компонента полового влечения зависит от степени развития самой психики. Чем больше развита психика, тем сложнее эмоциональная сторона полового влечения, вмес-

те с тем сила полового влечения определяется, прежде всего, его физическим компонентом.

В онтогенезе происходит процесс взаимовлияния неполовых черт личности и полового влечения. Поскольку сначала формируются неполовые черты, создаются как бы рамки, в которых развивается половое влечение, после чего, начиная с периода полового созревания, само половое влечение способствует дальнейшему развитию самой личности. Так, развитие интеллекта приводит к большему контролю разума над сексуальной сферой, а развитие воображения – к росту эротической надстройки половой жизни.

Мы, со своей стороны, полагаем, что выделенные автором зависимости действительно существуют, хотя указанная связь все же не кажется нам столь прямолинейной и однозначной.

Г.С. Васильченко [237] выделяет в половом влечении (либидо) три функциональных компонента. Первый, энергетический, имеет врожденный характер, и его анатомо-физиологический субстрат включает глубокие структуры головного мозга и периферические железы внутренней секреции. Второй компонент, свойственный зрелому половому влечению, – селективность как в выборе самого объекта полового влечения, то есть его направленность, так и в конкретных формах осуществления сексуальных актов, а также в восприятии и оценки своей роли в осуществляемых формах сексуального поведения. Анатомо-физиологический субстрат второго компонента наряду с некоторыми субкортикальными структурами обязательно включает кортикальные образования и поэтому носит характер не чисто врожденный, как энергетический компонент, а врожденно-приобретенный. Третий компонент либидо (половое возбуждение), определяющий периодичность его спадов и подъемов, по существу, является подвидом первого, энергетического, компонента.

У. Мастерс и В. Джонс [184] в своих исследованиях занимались природой полового возбуждения и впервые описали фазы копулятивного цикла. Они полагали, что сексуальное поведение человека состоит из двух главных фаз: сначала – нетактильной, а затем тактильной.

Нетактильная фаза означает, что кто-то интересуется представителем противоположного пола, воспринимая визуальные, слуховые, обонятельные и даже когнитивные сигналы. Если партнеры найдут друг друга привлекательными, они могут провести какое-то время в близком общении и совместном времяпрепровождении. Если такая близость удовлетворит обоих, наступит вторая фаза, включающая тактильную стимуляцию.

У. Мастерс и В. Джонс полагали, что сексуальное поведение может быть описано как определенное сенсорное событие, и показали, что секс – это своеобразное вознаграждение, поскольку благодаря ему человек получает приятный чувственный опыт.

Впервые объективно описав основные фазы копулятивного цикла – возбуждение, плато, оргазм, разрешение, они установили, что сексуальные реакции мужчины и женщины во многом сходны и протекают примерно одинаково.

Они установили, что сексуальные реакции женщины – это физиологические изменения, происходящие: 1) вне гениталий, 2) с клитором, 3) во влагалище. Они утверждали, что клитор – это уникальный орган человека, функция которого – доставлять удовольствие. По их мнению, он существует лишь для того, чтобы получать и трансформировать чувственную информацию. А уникальность его в том, что он никоим образом не связан с функцией деторождения и необязателен в плане переживания оргазма, но, очевидно, играет важную роль в получении сексуального удовольствия и, как правило, оргазма.

Хотя пенис и клитор – важные рецепторные системы, обеспечивающие прием соответствующей сенсорной информации, мужской орган выполняет также и ряд других функций, не имеющих ничего общего с теми, которые есть у клитора: он необходим для деторождения, а также играет важную роль в сексуальной стимуляции женщины.

Один из первых признаков сексуального возбуждения мужчины – это эрекция, возникающая, когда пенис наполняется кровью, структура ткани которого такова, что обеспечивает усиление ее прилива, а это увеличивает его объем и длину. Длительная стимуляция пениса обычно вызывает эякуляцию.

Анализ, проведенный J.H Gagnon и W.Simon [306], позволил утверждать, что реакции людей на аудио и видео сексуально-стимулирующие материалы заучены, то есть приобретены благодаря созданию сценариев сексуального поведения. Сценарии сексуального поведения – это составляемые в уме схемы того, как должно развиваться взаимодействие между двумя людьми, и аналогичны сценарию фильма. Каждый в своей сексуальной связи руководствуется своим личным сценарием, существующим на трех разных уровнях:

– культурный сценарий, представляющий собой совокупность социальных представлений и норм, регулирующих поведение человека в каждом конкретном обществе;

– межперсональный сценарий, который описывает взаимодействие конкретных индивидов;

– индивидуальный сценарий, который включает в себя совокупность специфических для данного индивида сексуальных потребностей, мотивов и предпочтений.

Таким образом, сексуальное удовлетворение определяется взаимодействием биологических (сенсорных) факторов и факторов научения. Мастурбируя, подростки учатся соотносить и интегрировать сексуальные чувства и действия с половыми ролями. По мере взросления человека их сценарии трансформируются – из основанного на мастурбационных фантазиях они переходят в более межличностный и более ориентированный на партнера.

Р. Френкин [271], обобщая исследования У. Мастерса и В. Джонс и J.H. Gagnon и W. Simon, выделил в структуре полового возбуждения биологический компонент, компонент научения и когнитивный компонент.

Согласно его интерпретации, сексуальное возбуждение зависит от сенсорного знания о сексуальном партнере. Оно вызывается благодаря виду, запаху, прикосновению последнего. Процесс генерализации приводит к тому, что другие люди оказываются источником сенсорного возбуждения.

Стимуляция не обязательно должна быть визуальной; словесных описаний вполне достаточно, чтобы возникло сексуаль-

ное возбуждение. Эти реакции, как полагает Р. Френкин, вслед за У. Мастерсом и В. Джонс, заучены, то есть приобретены благодаря созданию сценариев сексуального поведения. На содержание этих сценариев влияют установки и убеждения тех, кто их придерживается. В свою очередь, установки и убеждения появляются в процессе социализации, заимствуются у социального окружения, проявляются в процессе интернализации доминирующих в обществе ценностей.

Н. Шипковски [217], не предлагая дефиницию термина «половое влечение», говорит, что оно у человека, в отличие от животных, имеет сильную эмоциональную окраску, испытывает влияние всего остального содержания человеческой жизни и само, в свою очередь, оказывает на нее влияние. В этой связи вполне правомерно говорить и о социализации сексуальных потребностей в онтогенезе, сущность этого процесса заключается в подчинении сексуального поведения принятым в данном обществе ценностям [115].

Таким образом, сексуальное влечение подвержено эволюции в процессе онтогенетического развития в соответствии с биологическими закономерностями, относящимися к возрасту человека. У человека с момента рождения имеются нейрофизиологические механизмы, необходимые для сексуальных реакций. Однако осознание сексуальности, как и принадлежность к определенному полу, половая роль и направленность сексуальной потребности определяются главным образом под влиянием средовых факторов.

С.Л. Рубинштейн, настаивая на существовании принципиальных различий в сексуальных потребностях животных и человека, акцентирует внимание на том, что у человека «потребность его в существе другого пола становится потребностью в другом человеке, сексуальное влечение не застревает в ограниченной чувствительности, а включается в сознательную жизнь человека: сексуальное влечение становится любовью, потребность в человеке становится подлинно человеческой потребностью» [233, с. 524].

Дать однозначное и полное определение любви невозможно, она сложна и многогранна. Любовь отличается от других прояв-

лений полового влечения тем, что для нее характерна направленность на конкретного человека, который становится центром объединения и систематизации всех компонентов полового влечения. Любовь, по мнению Д.В. Колесова, «есть высшая и специфическая форма проявления полового влечения» [137, с. 34].

Любовь является одним из наиболее сложных человеческих чувств, которое невозможно объяснить с помощью какой-либо одной научной парадигмы.

J. Money [327] предположил, что любовь сродни импринтингу (запечатлению). В этом процессе взаимодействуют генетические факторы, гормональные влияния и психологический опыт, приобретенный в прошлые годы, при этом однажды запечатленный в сознании образ навсегда становится для индивида обязательным эталоном, вызывая потребность именно в таком объекте. В импринтинге возникает система подсознательных внутренних ориентиров, указывающих на привлекающие индивида особенности его потенциального партнера. Данная внутренняя матрица – «карта любви» – отражает особенности сексуальной идентичности и сексуального сценария, формирование которого начинается в раннем детстве. Это происходит за счет разрешения конфликтных установок и чувств к потенциальным объектам любви, а также за счет интеграции различных форм поведения, стимулирующих сексуальность.

Следует заметить, что выбор сексуального партнера по типу импринтинга доказан только для птиц; по другим видам животных данные противоречивы, а по приматам и вовсе отсутствуют. Кроме того, «карта любви» содержит в себе слишком много компонентов, обусловленных жизненным опытом, так что «для человека модель импринтинга кажется слишком простой» [138, с. 192].

R.J. Sternberg [340] предположил, что любовь можно свести к трем существенным компонентам: страсти, интимности и преданности.

Компонент «страсть» подразумевает романтическую сторону любви, физическое влечение, сексуальные отношения и связанные с ними моменты любовных отношений. Таким образом,

компонент «страсть» включает в себя мотивационные и другие источники возбуждения, которыми и обусловлены страстные чувства в любовных отношениях. Компонент «интимность» включает в себя чувства близости, взаимной привязанности, взаимопонимания. Таким образом, этот компонент включает в себя все те эмоциональные феномены, которые создают теплоту, доверительность и близость в любовных отношениях. Под компонентом «преданность» подразумевается принятие одним человеком решения любить другого и обязательство сохранять эту любовь. Таким образом, компонент «преданность» включает в себя когнитивные элементы, участвующие в принятии решения, и волевые явления, участвующие в поддержании и сохранении любовных отношений в течение длительного периода времени.

Степень осознанности каждого из этих компонентов может быть самой различной, а относительное значение каждого из трех компонентов любви может быть различным в зависимости от того, являются ли любовные отношения краткосрочными или долгосрочными. Кроме того, в одних видах любви отдельные ее компоненты могут отсутствовать (так, например, компонент «страсть» в привязанности или компонент «преданность» в формальной любви), однако совершенная любовь включает в себя все три компонента.

Предложив трехкомпонентную теорию любви, R.J. Sternberg предупреждал, что любовь, как и другие психологические феномены, можно делить на компоненты различными способами, но при этом важно при анализе частей не упускать целого: «любовь является комплексным целым, возникающим, по крайней мере отчасти, благодаря генетически передающимся инстинктам и импульсам, но, вероятно, главным образом за счет социального научения следованию ролевым предписаниям, которые многократно наблюдаются и начинают ассоциироваться с любовью» [340, p. 120].

Л.Я. Гозман [85] обращает внимание на психологическую вариативность этого чувства, связанную с прошлым опытом человека. Он выделяет «пессимистическую» и «оптимистическую» модели любви. В «пессимистической» модели акцент делается на

зависимость от объекта любви и связь этого чувства с отрицательными эмоциями, прежде всего со страхом утраты любимого человека или его привязанности. «Пессимистическая» любовь придает отношениям тревожную окраску и может превращать межличностные отношения в партнерской паре, базирующиеся на сотрудничестве, в псевдосотрудничество, соперничество или разобщенность. «Оптимистическая» модель исходит из независимости объекта любви при положительной на него эмоциональной установке, создает условия для личностного прогресса партнеров и психологического комфорта в паре.

Любовь, согласно А.Г. Харчеву [279], в отличие от полового инстинкта и даже от срасти, как нравственно-эстетическое чувство имеет своим предметом не просто существо другого пола, а человека, в котором в той или иной степени развита личность, который обладает не только чисто физической, но интеллектуальной и эмоциональной ценностью и в котором сама физическая привлекательность служит выражением духовных качеств, то есть приобретает эстетический характер.

Согласно Э. Фромму, любовь – это, прежде всего, отношение к какому-то конкретному человеку; это установка, ориентация характера личности, определяющее отношение личности к миру в целом, а не к одному лишь «объекту любви». Любовь – это активность, а не пассивный эффект. Она становится действующей силой, которая объединяет человека с другими, позволяет преодолеть чувство одиночества и при этом сохранить целостность личности, ее индивидуальность. Настаивая на активном характере любви, Э. Фромм определял ее следующей максимой: «любить, значит, прежде всего, давать, а не получать» [274, с. 122], подчеркивая при этом, что способность любить зависит и от особенностей личности.

Среди наиболее важных личностных характеристик следует назвать способность к эмпатии. Н.Н. Обозов [202] рассматривал эмпатию в качестве одного из основных психологических механизмов развития межличностных отношений, психологический смысл которого состоит в отклике одной личности на переживания (или

шире – на психологическое своеобразие) другой. Думается, что такой подход вполне правомерен. Так, А.А. Ткаченко, анализируя личностные параметры пациентов с сексуальными парафилиями, обнаружил у них, помимо деперсонализированного восприятия Другого, глубокую неспособность к проявлению эмпатии, формированию чувства привязанности и, как следствие, невозможность поддерживать долгие и глубокие межличностные отношения [256].

Заметим, что сексуальная потребность и потребность в любви – явления далеко не идентичные, что последнее значительно богаче и глубже. То же самое можно сказать и о способности к любви по сравнению с сексуальной способностью. Любовь требует не только физической нормы, но и относительно высокого эстетического и нравственного развития человеческой личности, что позволяет говорить о любви как о сложном социальном чувстве [279]. Как духовная близость, любовь является чувством избирательным и отличается постоянством, в ней со временем происходит смещение акцентов с чувственного на личностный компонент [158].

В рамках одной из наиболее разработанных типологий выделяется шесть психологических установок по отношению к любви, которые обозначаются греческими терминами. Так, для эроса, или чувственной любви, характерны страстность, преданность и физическое влечение, людус подразумевает менее ответственное отношение к партнеру, поскольку любовь воспринимается как игра, в которой партнеров может быть сколь угодно много, мания – это стиль любви, для которого характерна одержимость, страстность и ревность, прагма – это практический стиль любви, сторонники которого выбирают партнера, соответствующего определенным критериям, агапе (жертвенная любовь) – это альтруистический подход к любви, при котором потребности любимого человека имеют для любящего гораздо большее значение, чем его собственные, строге – это стиль любви, основанный на сильной и прочной дружбе [311; 317].

В эмпирических исследованиях было установлено, что любовные установки молодых мужчин содержат больше эротичес-

ких и людических компонентов, тогда как у женщин сильнее выражены элементы строгости, мании и прагмы. Самоотверженная любовь-агапе представлена у мужчин и женщин одинаково [326]. В общем это соответствует сложившимся представлениям о различиях мужского и женского стиля жизни и сексуальности. Вместе с тем индивидуальные различия внутри одного пола могут быть еще больше, поскольку они определяются доминирующими ценностными ориентациями личности. Так, люди, ориентированные на традиционные представления о маскулинности и фемининности, склонны свои любовные отношения осмысливать в понятиях силы – слабости, главенства – подчинения, тогда как другие больше ценят эмоционально-коммуникативную сторону взаимоотношений [138].

Если в характере полового влечения существуют значительные различия, то сила самого влечения может быть одинаковой у мужчины и женщины, а наступательный характер сексуального поведения мужчины не говорит еще о большей выраженности влечения. Речь может идти о разделении ролей, причем роль женщины более выгодная: ее уговаривают, а она делает одолжение, ставя тем самым мужчину в зависимое от себя положение. В тех же случаях, когда по какой-либо причине мужчина не проявляет должной активности, женщина сама проявляет инициативу, однако она не склонна делать это вопреки воле мужчины [154].

Любовь является не просто событием, а процессом, который разворачивается, совершенствуется и основывается на культурных императивах и системе убеждений каждого человека. Близкие отношения часто начинаются с «влюбленности» или увлечения, что подразумевает сильное желание сблизиться с другим человеком, выразить свои эмоции и сексуальную симпатию. Начальная стадия влюбленности может закончиться более глубокими и устойчивыми отношениями – стадией любви. Партнеры сознательно принимают решение оставаться вместе, берут на себя взаимную заботу, испытывают друг к другу доверие для того, чтобы приступить к формированию длительных отношений. При этом они понимают, что их любовь значительнее

мимолетной страсти и рассматривают свои отношения как процесс коммуникации [318].

Особенностью любви взрослых, как периода зрелой любви, является сексуальное поведение как способ удовлетворения сексуального влечения, включая прикосновения (объятия, поцелуи, петтинг) и генитальный контакт [116].

Согласно А. Молю [196], половое влечение реализуется в стремлении к детумесценции (половому акту) и контректации. Детумесценция – это выделение продуктов половых желез; контректация – стремление прийти в близкие отношения с представителем другого пола (объятия, поглаживания, поцелуи). Детумесценция также связана с контактом, прикосновением к любимому человеку, но это специфический контакт, осуществляемый конкретным техническим путем, тогда как контректация объединяет моменты общего стремления к близости. А. Моль отмечает, что у мужчины первично стремление к детумесценции, у женщины более выражено стремление к контректации, а влечение к детумесценции появляется у нее лишь постепенно, с накоплением опыта.

John H. Gagnon и Cathy S. Greenblat [305] описали три стадии в развитии гетеросексуальных отношений. Первая – «стадия влечения» – наполнена свиданиями, во время которых формируется взаимное влечение. Вторая – «стадия эмоционального сближения» – связана с формированием эмоциональной близости. Партнеры начинают доверять друг другу свои самые сокровенные мысли и чувства. Третья – «стадия сексуальной близости», на которой пара осваивает генитальную сексуальность.

М.Е. Литвак [169], оценивая практику современных сексуальных отношений, не предполагающих с обязательной необходимостью глубоких межличностных чувств, предложил свою модель сексуальных отношений, в развитии которых он выделяет несколько стадий. Первая из них, «идеаторско-диагностическая (октябрьская)», проявляется в осознании человеком того, что его привлекает некто не просто как человек, а как человек, обладающий полом и сексуальностью. В развитии

этой стадии он выделяет платоническую фазу, которая еще не предполагает сексуально-окрашенного общения, и романтическую фазу, когда человек осознает, что объект его внимания привлекает его именно в сексуальном плане. На второй стадии – «производственной (пионерской)» происходит знакомство и межличностное сближение, но отношения внешне не эротизированы. На третьей стадии – «пресексуальной (комсомольской)» отношения принимают выраженный эротический характер, партнеры позволяют себе выражение сексуальных чувств в пределах, допускающих их проявление на людях. На четвертой стадии – «сексуальной (партийной)» происходит генитальный контакт и отношения принимают характер более или менее регулярной половой жизни.

Таким образом, половое влечение, в том числе в его высшей форме – любви, находит свое выражение в сексуальном поведении – системе действий и отношений, которые опосредуют удовлетворение полового влечения.

В структуре сексуального поведения обычно выделяют брачный (брачно-партнерский), прокреативный (репродуктивный) и рекреативный (сексуально-эротический) компоненты.

Данные, полученные в эмпирических исследованиях, позволяют говорить о том, что различные вклады мужчины и женщины в процесс репродукции определенным образом оказывают влияние на особенности их брачного поведения.

Так, R.A. Hinge [313] полагал, что функция мужчины исчерпывается сразу после оплодотворения им женщины; для женщины же с момента зачатия все только начинается: вынашивать, рожать и вскармливать ребенка будет она. Поэтому мужчины более настойчивы в сексуальном плане и менее разборчивы в выборе партнеров, они чаще бывают инициаторами сексуальной близости [14], им более характерен «одноразовый» секс [333].

Опираясь на положения социобиологии, D.M. Buss [302] создал теорию сексуальных стратегий. Он полагает, что все сексуальные психологические механизмы обязаны своим происхождением эволюции путем отбора. В процессе эволюции

человека мужчины и женщины сталкивались с различными адаптивными проблемами, это вызвало к жизни различные сексуальные стратегии.

Мужчины и женщины выработали стратегический репертуар, включающий как кратковременные, так и долговременные стратегии, однако, поскольку мужчины и женщины различаются по размерам своего минимального родительского вклада, мужчины прикладывают к спариванию несравненно больше усилий, необходимых для достижения минимального родительского вклада, чем женщины. Различные контексты определяют, какая именно стратегия и как комбинация стратегий будет использована.

Вместе с тем судить об эволюционном процессе только по поведению невозможно. Чтобы понять закономерности подбора пары, биология сексуальности должна дополняться психологией, которая включает в свои модели действие социокультурных факторов.

В фокусе внимания психологических и социально-психологических теорий брачного поведения оказываются такие проблемы, как комплементарные потребности, обмены, социализирующие факторы, в том числе и влияние родителей.

Так, D. Glenn и P.T. Barrett [307] полагали, что люди скорее склонны к союзам с теми, кто в физическом отношении более похож на родителей противоположного пола, чем своего собственного. По мнению P.T. Winch [348], люди предпочитают выбирать себе в супруги тех, чьи психологические особенности противоположны и дополняют их собственные. Это связано с тем, что индивид всегда стремится максимализировать степень удовлетворения своих потребностей, а максимум этот достигается в том случае, когда специфические потребности мужчины и женщины комплементарны друг другу.

В.М. Медков указывает на то, что процесс брачного отбора исторически конкретен, он зависит от экономических, социальных, культурных и других условий, существующих в обществе. Основные особенности процесса брачного выбора связаны с тем, что «в разных культурах и на разных стадиях исторического раз-

вития различны как пространство различных выборов, так и степень свободы индивидуального выбора» [243, с. 292].

Прокреация имеет непосредственное отношение к зачатию и вынашиванию плода. Репродуктивное поведение можно рассматривать как активное и пассивное, хотя здесь условность такого деления весьма велика. Пассивное репродуктивное поведение означает полное невмешательство в естественный процесс производства потомства, рассматриваемый как неизбежное следствие нормальных половых отношений.

В противоположность этому, активное репродуктивное поведение есть не предусмотренные природой действия, направленные на то, чтобы так или иначе разорвать естественную связь между половым актом и рождением ребенка. Необходимо отметить, что репродуктивное поведение будет активным и в том случае, если партнерская пара совершает действия, направленные на то, чтобы преодолеть естественное бесплодие [69].

В.В. Бойко связывает репродуктивный компонент сексуального поведения с потребностью в детях, которая, как устойчивое социально-психологическое явление, имеет сложный характер, поскольку представляет собой структуру, включающую в себя элементы как общественного, так и индивидуального планов. Так, с одной стороны, как социально-психологическое образование в личности, родительство представлено комплексом установок, соответствующих сложившемуся социально-историческому типу семьи. Эти установки определяют не только отношение к ценности детей, их численности в семье, но также и подходы к их воспитанию, но, с другой – это та или иная степень чадолюбия, свойственная индивиду как носителю усвоенных общественных норм, установок по отношению к детям вообще; чадолюбие отражает историю развития каждой конкретной личности. При этом «потребность в детях проявляется в том, что без детей человек испытывает затруднения в самореализации себя как личности» [43, с. 62].

Очевидно, что репродуктивный компонент сексуального поведения не исчерпывается фактом рождения ребенка, «ибо само

воспроизводство населения не тождественно его биологическому воспроизводству и сопряжено с социально значимым поведением по отношению к детям» [279, с. 69].

В качестве составляющих сексуально-эротического аспекта сексуального поведения можно рассматривать все то, что не может потенциально служить целям деторождения. И хотя, с биологической точки зрения, целью коитального поведения является совокупление с последующим оплодотворением, однако уже у высших животных (например, у приматов) коитальная практика может включать в себя поведенческие акты, функционально необязательные, «избыточествующие» по отношению к биологическому смыслу коитуса, которые исследователями нередко интерпретируются в качестве элементов предбрачного ухаживания самцов или паттернов игрового поведения животных [57].

На уровне личности регулятором сексуально-эротического поведения выступает персональный диапазон приемлемости, под которым обычно понимают всю совокупность поступков и воздействий на определенные участки тела или органы чувств с целью их сексуальной стимуляции, предполагающей получение удовольствия. При этом все, что в данный момент времени индивид не включает в свой диапазон приемлемости, оценивается негативно, а что включает – позитивно [111].

Хотя партнерская сексуальная техника человека детерминирована биологически, она в своей основе имеет культурное происхождение. Именно культура, одни практики запрещая, а другие – предписывая, определяет их социальную, этическую и эстетическую ценность. И.С. Кон [146] выделяет, по характеру лежащих в их основе сексуальных ценностей, направленных на деторождение или гедонистически ориентированных, два типа сексуально-партнерских практик. Из них инструментальный тип ограничивает сексуальное общение партнеров целями деторождения. Здесь «техническая» сторона секса выступает лишь как средство продолжения рода. Аффективный тип партнерских практик, напротив, предполагает не только большее их разнообразие, но и направленность на удовлетворение иных, поми-

мо репродуктивных, целей, например, для выражения чувств и эмоций, на получение или продление сексуально-эротического удовольствия.

Сексуальное поведение может быть как активным, предполагающим регулярную половую жизнь в тех или иных ее формах, так и пассивным, имеющим своим следствием временное или постоянное воздержание от сексуальной жизни [69].

Согласно В.А. Борисову [48], глобальный процесс трансформации семьи выразился, в частности, и в том, что былая нераздельность брачно-партнерского, репродуктивного и эротического компонентов сексуального поведения оказалась снятой. Если в прошлом для всех трех компонентов сексуального поведения были характерны слитность, единство и синкретизм, обусловленные действием соответствующих социальных норм, то в современных социокультурных условиях они автономизировались друг от друга; их цели и мотивы разделились.

Вместе с тем только репродуктивный аспект сексуального поведения обеспечивает воспроизводство населения, в то время как брачно-партнерский или сексуально-эротический его аспекты имеют демографическое значение лишь в той мере, в какой они слиты с репродуктивным. Однако эта слитность, по мнению А.Г. Вишневого [69], никогда не разрушается настолько, чтобы эта связь между тремя аспектами сексуального поведения исчезла. С этим мнением А.Г. Вишневого солидаризуется и А.И. Антонов [17].

Сексуальность может выступать в двух ипостасях – цель и средство [86], а мотивы сексуального поведения могут реализовываться в двух формах: субъективно-личностной и поведенческой [156]. Множественность, неоднозначность целей, достичь которые человек стремится, вступая в сексуальные отношения и поддерживая их, является характерной чертой сексуального поведения.

И действительно, с точки зрения анатомии и физиологии половая близость – всегда одно и то же, однако она может определяться разными, в том числе и несексуальными мотивами.

Таким образом, сексуальное поведение может скрывать за собой различные «личностные смыслы»¹, будучи средством: 1) выражения любви и привязанности, 2) снятия сексуального напряжения и релаксации, 3) деторождения, 4) отдыха и развлечения, 5) получения чувственного удовольствия, 6) получения нового знания и удовлетворения познавательных мотивов, 7) общения, ибо физическая близость содержит в себе момент глубокой и доверительной интимности, 8) самоутверждения, проверки своих возможностей, 9) эмоциональной компенсации за неудачу в других сферах жизнедеятельности, 10) достижения других несексуальных целей через эксплуатацию половых органов, 11) проявление привычки, следование традиции или делу необходимости [120].

Кроме этого, сексуальное поведение может быть выражением и демонстрацией социального статуса и его возможностей, стать способом личностного самовыражения и самоутверждения.

В.В. Кришталь и С.Р. Григорян [156], рассматривая феномен сексуального здоровья, отмечали, что оно представляет собой интегральный комплекс взаимодействующих компонентов сексуальности – анатомо-физиологического, психологического, социально-психологического и социального. В связи с этим можно говорить о том, что реализация человеком сексуальности обеспечивается многоуровневой системой, включающей в себя следующие компоненты.

Биологический компонент детерминирован генетическими и анатомо-физиологическими факторами и процессами. Это генетически запрограммированные особенности, передающиеся по наследству, пренатальное и постнатальное развитие человека, правильное функционирование коры головного мозга, подкорковых образований, подбугорья, спинного мозга, периферических нервов и рецепторов, состояние эндокринной системы, в частности, оптимальный уровень гормонов при их образовании и транспортировке в крови, правильное функционирование половых органов.

Психологический компонент сексуальности определяется ролью индивидуально-психологических особенностей личности

¹ Термин А.Н. Леонтьева

в развитии и проявлении сексуальности и психических процессов. Сексуальное развитие неотделимо от физиологического, но имеет свои особенности и механизмы.

Социально-психологический компонент сексуальности обусловлен парным характером сексуальной функции, формированием малой группы, то есть семьи, или партнерской группы, а также сложившейся дифференциацией мужских и женских социальных ролей, стереотипов мужественности и женственности.

Социальный компонент сексуальности детерминируется сексуальной культурой общества, степенью социализации сексуальности. Социализация сексуальности проявляется в усвоении сексуальных и общественных норм, в степени сексуальной культуры, обусловленной половым воспитанием и сексуальным просвещением.

Таким образом, в сексуальном поведении соединены физиологические, психологические и социальные процессы, но соединены таким образом, что первые оказываются подчинены, включены в контекст последних. В нем проявляется совместное действие как биологических (в том числе и генетических), так и социокультурных сил (аскриптивный пол, полоролевая структура общества, его сексуальная культура и мораль) [243].

Несомненная биологическая подоплека сексуальной мотивации не исключает средовых влияний. Именно социальная среда определяет направление половой дифференциации, способствуя закреплению одних и свертыванию других врожденных программ. Культура создает условия для психосексуальной социализации, образуя через посредство среды и референтных групп, других средств воздействия контрольно-эталонные системы, в которых преломляются и опосредуются непосредственно влияющие на ребенка основные составляющие культуры, в конечном итоге по возможности унифицируя поведение членов популяции [256].

Глава 3

СЕКСУАЛЬНОСТЬ, БРАК И СЕМЬЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Инстинкт продолжения рода имеет огромное значение как биологический механизм, обеспечивающий естественное и непрерывное продолжение вида. У животных воспроизводство вида происходит по биологическому стереотипу, который наследственно детерминирован. Сексуальные отношения человека, с одной стороны, биологичны, а с другой – социальные. Сексуальные взаимоотношения в рамках общества всегда социализированы, в чем и проявляется соподчинение механизмов биологического поведения человека принципам и нормам, присущим культуре [217].

По мнению И.С. Кона, «пока секс понимается как нечто биологически-инстинктивное, он кажется альтернативой культуре, однако сексуальность не существует вне конкретной культуры, а культура, в свою очередь, невозможна без сексуально-эротических компонентов» [146, с. 67].

Ввиду многозначности понятия «культура» дать ее определение непросто. Учитывая это обстоятельство, Л.Г. Ионин объединил различные ее определения, выделив в них то, что их сближает. Он пишет: «культура, это то, что отличает человека от животных, культура – это характеристика человеческого общества ... культура не наследуется биологически, но предполагает обучение ... культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)» [118, с. 47].

Термин «культура» произошел от латинского «cultūs», что может обозначать «возделывание, обработка», «образ жизни», «образование, развитие, воспитание» [160, с. 242]. Именно это и определяет один из главных смыслов культуры как совокупности элементов человеческой жизни, качественно отличающей человека от природы.

К числу таких надприродных элементов можно отнести:

– феномены, возникающие лишь в человеческом обществе и не встречающиеся во внешней природе (например, орудия труда, обряды, одежда и т.п.);

– качества людей, которые не могут быть отнесены к внутренней биологической природе человека, не наследуются генетически и не регулируются инстинктом (например, чувство долга, любовь, дружба и подобные).

Итак, культура – это характерные для членов данного общества образ мысли и образ действий, своеобразная надстройка из символических феноменов (норм, правил, оценок и т.п.), которые позволяют преодолеть жесткую запрограммированность инстинктов и рефлексов [204].

З. Фрейд полагал, что культурное развитие – это процесс, протекающий в среде людей, основное содержание которого составляют те изменения, которые «произошли в сфере их инстинктивных predispositions» [269, с. 155].

П.Я. Гальперин так описывает переход человечества от инстинктивного регулирования поведения к социальному, основанному на культуре: «Жизнь в человеческом обществе требует от каждого его члена учитывать не только природные свойства вещей и людей, но в первую очередь их общественную оценку и общественные способы и формы поведения. Столь характерное для животного, испытывающего потребность, прямое, инстинктивное отношение к предметам внешней среды, включая и членов своей группы, несовместимо с отношением человека к объекту своих потребностей, поскольку это отношение опосредовано общественными условиями. И в той мере, в какой происходило очеловечивание животных предков человека, их инстин-

ктивное отношение к предметной среде и друг к другу должны были активно затормаживаться. Так как переход к совместной деятельности ... деятельности, основанной на общественных, а не биологических отношениях, – становится главным условием выживания и продолжения рода, то успешно выдержать давление естественного отбора могли лишь те предки человека, у которых это торможение удавалось все лучше и у которых в конце концов оно привело к отмиранию инстинктов» [75, с. 220–221].

К. Василев видит принципиальные отличия сексуальной жизни человека от реализации инстинкта продолжения рода животными в следующем:

1) половое влечение человека рационально, что проявляется не только в его целенаправленности, но и в предвидении, выражающемся в богатстве фантазии;

2) сексуальные отношения людей связаны с моральными нормами, чувством взаимной ответственности за своего сексуального партнера и способностью к самопожертвованию;

3) чувства, возникающие между сексуальными партнерами, способны создавать красоту и, следовательно, эстетизировать отношения между полами.

Таким образом, сексуальные отношения представляют собой особый вид социальных отношений, «поскольку порождают социальные последствия, – совместную жизнь мужчины и женщины на основе норм и правил, не заданных их биологической природой» [60, с. 61].

По мнению Дж. Мердока, культура есть символическая адаптация людей к окружающим условиям, обстоятельствам среды и исторического момента. «Придумываемая» культуру, человек лучше приспосабливается к окружающему миру. Вместе с тем в своих «придумках» человек не во всем произволен, поэтому культура различных обществ всегда учитывает универсальную психофизическую природу человека, универсальную логику его существования в данной среде, что проявляется в общих для всех культур элементах – культурных универсалиях: «все культуры, сохранившиеся до нашего времени, должны обнаруживать в себе некото-

рые черты сходства, поскольку все они должны были обеспечивать выживание сообщества. Среди таких культурных универсалий мы, вероятно, можем обнаружить чувство групповой сплоченности, механизмы социального контроля, организацию защиты от враждебного окружения и обеспечение воспроизводства населения» [187, с. 51].

Продолжение рода представляет собой одну из основных сторон жизнедеятельности любого биологического вида. Непрерывность процесса возобновления поколений предполагает длительное сохранение относительно устойчивого равновесия между видом и средой. У животных размножение регулируется биологическим по своей природе и выработанным в процессе эволюции гомеостатическим механизмом, долгое время остающимся неизменным [176]. О существовании таких биологических механизмов у человека как вида научно подтвержденных данных нет [17].

С появлением человеческого общества положение коренным образом меняется: в самой человеческой деятельности заложены возможности изменения исходных условий экологического равновесия, поэтому в быстроменяющихся условиях человеческого общества эти механизмы перестают выполнять свои функции. Чтобы человеческое общество могло существовать и развиваться, должны постоянно поддерживаться определенные условия равновесия между процессом размножения людей и всеми остальными протекающими в обществе процессами. Выработку такого рода механизмов и средств следует рассматривать не просто как дальнейшее усовершенствование развития отдельных свойств биологического организма, а как создание качественно нового типа организации [179]. В качестве такого особого типа организующего начала сексуального поведения людей выступает культура, она, по словам А.Г. Вишневецкого, представляет собой «качественный скачок, переворот в сфере размножения» [69, с. 17].

Полагаем, что можно говорить о нескольких культурных универсалиях, регулирующих сексуальную жизнь и обеспечи-

вающих воспроизводство населения. Это, во-первых, не только организация процесса взаимного выбора мужчинами и женщинами друг друга по законам, отличным от законов естественной реализации полового инстинкта, но и предписывание им особого типа отношений между собой; во-вторых, не только узаконивание сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, но и организация их совместного проживания; в-третьих, не только создание условий для физического выживания детей и подготовки их к жизни в той культурной среде, в которой они появились на свет, но и предписывание родителям особого типа отношений к детям. Здесь речь может идти о таких социальных институтах, как брак и семья, супружество и родительство. Установлено [220], что они относятся к тем социальным феноменам, которые встречаются во всех известных до сих пор человеческих обществах.

Согласно С.И. Голоду, брак – «это исторически разнообразные механизмы социального регулирования (табу, обычаи, традиции, религия, право, нравственность) сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, направленные на поддержание непрерывности жизни» [89, с. 194].

А.Г. Харчев напоминает, что брак является только парным отношением, тогда как семья представляет собой еще и социально организованное объединение людей: «главное отличие простого социального отношения от социальной организации ... состоит в том, что последняя может выступать в качестве объекта других общественных отношений и осуществлять определенную деятельность» [279, с. 39].

И отечественные, и зарубежные исследователи [61; 92; 242; 295; 338] в качестве специфической черты семьи как особого феномена человеческой коллективности указывают на ее участие в воспроизводстве не только физического существования индивидов, но и определенного образа жизни. Так, согласно Дж. Масионису, семья – «социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей» [183, с. 580].

Институциональный характер семьи определяется уже тем, что своим возникновением, существованием и развитием она обязана общественным установкам, предписывающим супругам заботиться о своих детях. А.Г. Эфендиев определяет социальный институт как исторически сложившиеся, устойчивые, самовозобновляющиеся системы социальных взаимодействий, призванные удовлетворить те или иные потребности людей. Иначе говоря, социальный институт – это «процедура социальных действий, которая надежно обеспечивает регулярное и самовозобновляющееся удовлетворение жизненно важных потребностей» [204, с. 215]. Регулярность и самовозобновляемость социальных институтов обеспечивается за счет обезличенности требований к тому, кто включается в его деятельность. Поэтому, чтобы занять место в институциональных социальных связях, надо соответствовать определенным социальным эталонам поведения, которые «представляют собой исторически отобранный наиболее эффективный вариант поведения участника институционализированных социальных связей» [там же].

Понимание семьи как малой социальной группы находит множество своих сторонников среди исследователей и тем более среди психологов-практиков, поскольку открывает возможности для оказания психологической помощи семье.

Несмотря на все многообразие определений понятия «малая социальная группа», можно все же выделить основное его содержание. Так, согласно Р.Л. Кричевскому и Е.М. Дубовской, любые социально-психологические характеристики группы должны преимущественно отражать именно признаки группы как целостной микросистемы социальных и психологических отношений [155, с. 67]. Первым среди таких параметров следует назвать психологическое содержание совместной деятельности [41, с. 247]. Хотя по отношению к семье выделить общую для всех ее членов деятельность не просто, семья вместе с тем выполняет очень важную задачу – задачу воспитания молодого поколения и обеспечения личного счастья каждого ее члена. Именно это, согласно А.В. Петровскому и В.А. Петровскому, характеризует общую для всех членов семьи деятельность, причем ее цели

выходят далеко за рамки внутрисемейных отношений и являются социально заданными и социально ценными [214, с. 155].

Хотя «ядром» семьи является супружеский союз мужчины и женщины, но создает ее не столько отношение «мужчина – женщина» само по себе, сколько отношения «мать – ребенок» и «отец – ребенок», что, в свою очередь, с необходимостью предполагает и отношения «мать – отец» [279, с. 25].

Вместе с тем само по себе рождение ребенка (в браке или вне его) не ведет к возникновению семьи: ребенок может быть и неродным, но если он воспитывается в семье, он ее член. Таким образом, мужчина и женщина только тогда становятся отцом и матерью, когда они воспитывают детей [100, с. 11]. Иначе говоря, семья – это «реализация родительской ответственности за воспитание детей» [280, с. 25].

Итак, «семья является социальным институтом, а конкретная семья институализированной социальной группой, функция которой заключается в первичной социализации детей» [100, с. 33]. Именно в воспитании детей видит С.В. Ковалев непреходящее общественное значение функций семьи [132, с. 5]. И это совершенно понятно: семья для ребенка – «главный и основной компонент среды, в которой он живет первую четверть жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь» [100, с. 3].

В системе внутрисемейных отношений главенствующими выступают отношения между супругами. Их состояние и характер выступают в качестве главной детерминанты, от которой зависит успех семейного воспитания [254, с. 50]. Вместе с тем он возможен только тогда, когда семейные отношения устойчивы; только при этом условии поведение членов семьи по отношению друг к другу становятся предсказуемыми, ожидаемыми [280, с. 188].

В связи с этим необходимо отметить, что вся многообразная деятельность супругов требует от них высокого уровня взаимопонимания, примерно одинаковой оценки ситуаций семейного взаимодействия, понимания и взаимного принятия целей и задач семейного союза. Хотя такая общность представлений и оценок

складывается из индивидуальных представлений и ожиданий супругов, они (оценки и представления) в свое время формируются под влиянием брачно-семейных традиций общества, усвоенных будущими супругами и родителями в процессе социализации, и прежде всего, в прародительской семье. В.А. Сысенко полагает, что «многие брачно-семейные нормы настолько вошли в жизнь и поведение миллионов людей, что они считаются само собой разумеющимися» [248, с. 39].

Нормы, правила и требования обычно связывают с понятиями «должен» и «не должен». По образному выражению В. Сатир, они «образуют готовый конспект, который приобретает особый смысл, как только двое или более людей начинают жить по нему вместе» [235, с. 60]. Таким образом, нормы семейной жизни существуют для того, чтобы запустить в действие все механизмы, позволяющие людям жить вместе и прогрессировать в своем развитии.

Супруги в браке выступают друг по отношению к другу не только как муж и жена (объем прав и обязанностей), но и как отец и мать (различия в репродуктивном поведении). Во втором случае они реализуют не только свои биологически заданные различия, но и социокультурные стандарты мужественности и женственности, предписывающие мужчинам и женщинам различные типы заботы и участия в судьбе своего ребенка.

Хотя материнская и отцовская любовь могут рассматриваться в качестве составляющих целостного феномена родительства [205, с. 96], это все же не дает основания определять роль отца как аналогичную роли матери или дополнительную к ней, а чувства к детям и желание воспитывать их как поведение, которое заложено в генетической структуре. Нельзя также утверждать, что поведение отца ничем не отличается от поведения матери или же очень похоже на него, а также и то, что дети одинаково привязаны как к отцам, так и к матерям [90, с. 60].

Особенности материнского и отцовского поведения по отношению к ребенку очень удачно обозначил Э. Фромм. Рассматривая их, он пишет, что материнская любовь безусловна: ребенок любим

просто за то, что он есть. Это пассивное переживание, материнской любви не нужно добиваться, сама мать должна иметь веру в жизнь, не быть тревожной, только тогда она сможет передать ребенку ощущение безопасности. Любовь же отца по большей части – обусловленная любовь, ее нужно и, что важно, можно заслужить достижениями, выполнением обязанностей, соответствием ожиданиям, дисциплиной [273, с. 101].

Исторически сложившись, модели отцовского и материнского поведения стали мощным регулятором поведения мужчин и женщин, а благодаря традиции они передаются из поколения в поколение и воспроизводятся в однотипных поступках [249, с. 12]. Так, отец традиционно заботился о семье как экономической единице, определял ее политику, брачную стратегию, решал вопросы наследования. Выполнением этой роли и определялся престиж отца (при этом он стоял как бы в стороне от отношений «мать – ребенок») [90, с. 60]. Традиционная обязанность матери – вести дом и растить детей [229, с. 54]. Кроме этого обычно отмечают разнонаправленность воспитания детей отцом и матерью. Психологи полагают, что отец учит ребенка тому «что», а мать тому «как», отец учит ребенка «быть кем-то», а мать – «кем-то для кого-то» [119, с. 41].

Таким образом, в функциональном плане отцовство и материнство предстают перед нами в качестве отдельных и различающихся между собой (как по объему прав и обязанностей, так и своими последствиями для ребенка) шаблонов социально значимых действий, которые в качестве социальных институтов, во-первых, гарантируют порождение (или усвоение), содержание и первичную социализацию детей и, во-вторых, предоставляют мужчинам и женщинам возможность реализовать себя в качестве отца или матери, исполнить тем самым не только генетически заложенную в них биологическую программу, но и социокультурные стандарты, предписывающие мужчинам или женщинам поведение, соответствующее их полу.

Вышеизложенное позволяет заключить, что отцовство и материнство много больше, чем реализация биологических различий

мужчины и женщины, а поскольку это так, то родителей и детей объединяют не только кровно-родственные узы, но и сложные социально-экономические, нравственные и функциональные зависимости. Именно они диктуют смысл, ради чего в ту или иную эпоху родителям нужны дети, а детям – родители. И, как отмечает В.В. Бойко, «при всем кажущемся постоянстве родительских уз они меняются вместе с общественными формациями, этапами развития социальной системы, подвержены влиянию идеологии, распространенных видов деятельности и модных человеческих качеств» [44, с. 33].

Современное прочтение сексуальности предполагает по меньшей мере два базовых принципа ее системного изучения. Смысл первого заключается в том, что сексуальность рассматривается не изолированно от других сторон жизни человека [120, с. 21]. Второй принцип предполагает, что состояние и эволюция принципиальных основ семьи оказывают влияние на сексуальность и структуру эротических практик» [89, с. 6].

Уже в работах З. Фрейда [268; 269; 270] обозначена социальная природа брака, семьи и родительства, которые возникают и изменяются под воздействием культуры – «всей той суммы достижений и установлений, которая отличает нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира, и служащей двум целям: защите человека от природы и улучшению взаимоотношений между людьми» [269, с. 145].

Рассматривая природу либидо, З. Фрейд обратил внимание на то, что психологический смысл его реализации – в получении удовольствия. При этом социальные эффекты реализации либидо все же оказываются амбивалентными: Эрос не только объединяет людей, но и разъединяет их, приводит к конфликтам. Полагая, что совместный образ жизни возможен только тогда, когда появляется некое человеческое большинство, ограничивающее себя в возможности удовлетворения своих потребностей, З. Фрейд подчеркивал, что в нем (большинстве) должен быть реализован принцип справедливости, иначе удовлетворение индивидуальных потребностей многих ставится в зависимость произвола немно-

гих. Социальный смысл этого принципа заключается в гарантии того, что раз установленный порядок не будет нарушен в чью-либо индивидуальную пользу.

Для реализации и поддержания этого принципа культура, во-первых, мобилизует свои силы, чтобы поставить предел агрессивным первичным позывам человека, затормозить их проявление путем создания нужных психологических реакций и, во-вторых, налагает ограничение на свободную реализацию либидо [269, с. 175].

3. Фрейд указывает несколько таких эффектов культурного ограничения человеческой сексуальности.

Первый из них связан с утверждением семейной организации жизни. З. Фрейд полагал, что семья своим возникновением обязана тому, что нужда в половом удовлетворении перестала посещать человека неожиданно, а «поселилась у человека прочно, как постоянный жилец» [там же, с. 157]. Так, мужчина-самец вынужден был постоянно держать при себе женщину-самку, а она, в свою очередь, не желая расставаться со своими детьми и в их интересах, вынуждена была оставаться с более сильным мужчиной.

Однако в такой семье царил произвол отца, с которым сыновья, повзрослев, спешили расправиться, чтобы занять его место возле матери. Все это разрушало рождающееся человеческое единство, и поэтому первым шагом социального освоения сексуальности, «первым правом», по выражению З. Фрейда, было ограничение и власти отца в его притязаниях по отношению к дочери, и претензий сына на мать и верховенство в семье – табу инцеста, которое не только запрещало близкородственные связи, но и жестко ограничивало возраст полового партнера половозрелым состоянием [270].

Второй эффект культуры З. Фрейд связывал с утверждением родительства и супружества (супружеской верности). Он уподоблял эволюцию человеческой сексуальности в культурном процессе развитию либидо отдельного человека, которое проходит путь от аутоэротизма – к любви, от автономии эрогенных зон – к их

подчинению примату половых органов, чтобы служить продолжению рода [269, с. 207].

Согласно З. Фрейду, смысл культурного давления в том, что она (культура) упорядочивает объекты сексуального желания и по цели, и по объекту, отрицая при этом не только бисексуальную предрасположенность человека или наиболее доступный ему способ реализации либидо в аутоэротических практиках, но и устанавливая пределы реализации гетеросексуальных практик, требуя сексуальной верности в браке и полного воздержания от удовлетворения сексуальных влечений вне его границ.

В эволюции сексуального инстинкта под воздействием культуры З. Фрейд выделял три стадии: на первой удовлетворение сексуального чувства не преследует цели размножения, на второй все, что не служит цели размножения, подавлено и, наконец, на третьей стадии только законное размножение допускается как сексуальная цель [268].

Современное общество, по мысли З. Фрейда, находится на третьей стадии культуры, что предполагает не только воздержание до брака для обоих полов, но и воздержание в продолжении всей жизни, если человек не вступил в брак. Вместе с тем он все же не исключал возможности дальнейшей трансформации сексуальности (вернее, социально приемлемых форм ее бытования), отмечая, что «трудно предвидеть, по каким путям пойдет развитие культуры», но сексуальность «последует за культурой и на этом пути» [269, с. 177].

Таким образом, «изобретениями» культуры, согласно З. Фрейду, являются, не только сексуальная верность партнеров в браке или добрачное целомудрие, но и гетеросексуальность и репродуктивная сексуальность.

Идеи З. Фрейда были восприняты и интерпретированы в трудах В. Райха и Г. Маркузе.

Согласно В. Райху [224], З. Фрейд ошибочно приравнял современные ему социальные институты к цивилизации вообще. Отмечая, что современная культура репрессивна по отношению к сексуальности, он подчеркивал, что свобода и сексуальное здоро-

вье – это одно и то же. Все проблемы современного ему общества В. Райх видел в общественном «проклятии» сексуальной энергии, и, соответственно, в ее фрустрированности на уровне личности.

Он был уверен, что в ранней человеческой истории, уходящей ко временам матриархата, репрессия сексуальности (в том числе детской и юношеской) была неизвестна. Только в патриархальном обществе (а к таковым он относит и современное ему общество) моногамный брак, сексуальность становится предметом подавления, что, в свою очередь, служит развитию авторитарных черт характера. По мысли В. Райха, освобождение сексуальности, а с ней и обретение свободы от невроза современности, возможно через предоставление равенства сексуального самовыражения для женщин и подростков.

Г. Маркузе [182] полагал, что З. Фрейду не удалось понять одной истины: прогресс современной цивилизации связан с ограничением наслаждения. Именно это лежит в основе социального прогресса и современной цивилизации, а примат генитальности проистекает из того, что части тела, потребные для индивидуального труда, лишлись либидо, так как дисциплина современного труда возможна лишь в той степени, в какой тело дезэротизировано.

Г. Маркузе полагал, что избавление от тяжкого труда сделает возможным ресексуализацию не только тела, но и всей природы человека. Таким образом, сексуальная революция есть следствие революции промышленной

Все, связанное с надприродным в человеческой жизни, так или иначе порождено сознанием. Однако культура – это не вообще сознание, а символический способ, метод оценочного освоения действительности и ориентации в ней. Культура как нормативная система с помощью норм, обычаев, ценностей упорядочивает, направляет, ориентирует действия людей, определяет содержание и «технологии» их практической деятельности. То есть речь идет о способности культуры регулировать человеческую деятельность [204].

М. Вебер [62; 63], изучая природу социального действия, пришел к мысли о том, что в своем историческом развитии чело-

вечество выработало два основных способа регуляции социального поведения: на основе традиции, которая представляет собой малоосмысленный шаблон поведения, передающийся из поколения в поколение, и осмысливаемой субъективно-личностной ценностной позиции.

При использовании традиционного регулирования социального поведения человек осуществляет свои действия потому, что так принято. Психологический механизм подобной регуляции в том, что способ и нормы деятельности не фиксируются отдельно от самой деятельности. Мысль встроена в деятельность и не выделяется из нее. При использовании ценностной регуляции человек принимает решение, ориентируясь на нормы и ценности, признанные обоснованными в данном обществе. Отличительной чертой психологического механизма ценностно-нормативной регуляции является то, что «принципы деятельности выделены из процесса деятельности и воплощены в культуре особыми средствами, в которых сформулированы правила и принципы, рассчитанные на их творческую реализацию в виде конкретных критериев, оценок, абстрактных принципов» [161, с. 213].

Согласно М. Веберу, основу исторического процесса составляет процесс нарастающей рационализации социальной жизни. В условиях города люди получают возможность строить жизнь за счет продажи своих изделий на рынке. В таких условиях родственные связи теряют свою былую значимость. Этот переход, переход от традиционного к рациональному способу регулирования социальной жизни, становится возможным в связи с развитием промышленного производства и становлением капитализма, который возникает в Европе в XVI–XVIII веках [63].

Постепенно формируется новый тип социальной реальности: все большее значение начинает приобретать ориентация, признающая за человеком право действовать во имя жизненной цели, быть свободным и независимым, надеяться на свои знания, отвечать за свои поступки, получать по своим достижениям и достоинствам. Помимо традиционной и ценностно-рациональной мотивации все большее значение приобретает целерациональная мотивация, ко-

торая по-новому ориентирует социальный мир и формирует новое общество, которое сейчас принято называть индустриальным.

Положения, высказанные М. Вебером, нашли свое отражение в трудах А.Г. Вишневского [69; 70], в его теории демографической революции, описывающей переход от традиционных способов воспроизводства населения к современному, они учтены С.И. Голодом [87; 88; 89] в концепции взаимосвязи брачного, репродуктивного и сексуально-эротического поведения, созвучны идеям английского социолога Э. Гидденса [81] о «пластичной» сексуальности.

А.Г. Вишневский [69] обращает внимание на то, что традиционные культурные нормы охраняли слитность репродуктивного поведения с брачным и эротическим и препятствовали выделению последнего в самостоятельный вид поведения, а также установлению над ним непосредственного контроля, независимого от контроля над репродуктивным и брачным поведением.

Порожденный этими культурными нормами традиционный тип рождаемости соответствовал историческим условиям относительно низкого экономического и социального развития аграрных обществ.

Исчезновение этих условий влекло за собой и исчезновение традиционного типа рождаемости. Происходит переворот в демографическом поведении людей, который заключается в возникновении автономного репродуктивного поведения, а социальный контроль начинает приобретать форму ее внутрисемейного регулирования. Супружеская пара получает свободу демографического выбора, ее репродуктивное поведение становится избирательным, соотносится с конкретными условиями жизни индивидуума, семьи и общества.

Нуклеаризация и автономизация семьи приводит к тому, что семья все больше сопротивляется попыткам навязать ей то или иное демографическое поведение. Вместе с тем, как отмечает А.Г. Вишневский, «демографическое поведение семьи в значительной степени предвосхищено общим ходом социально-экономического развития и в целом отражает целевые установки данного общества» [там же, с. 179].

С.И. Голод [88] выделяет три типа семьи: патриархальный (традиционный), детоцентрический (современный) и супружеский (постсовременный).

Патриархальный тип распределения власти опирается на экономическую зависимость членов семьи от ее главы (мужа и отца). Для такой семьи характерно жесткое внутреннее распределение ролей, доминирование мужа и общеобязательность решений, принимаемых им. Отношения «родители – дети» в такой семье покоятся на абсолютной родительской власти и авторитарной системе воспитания.

Здесь следует отметить, что современная традиционная семья, по замечанию М.Ю. Арутюнян, «существенно отличается от модели прошлого». Она утратила свою объективную основу, которая заключалась во взаимодополнительности ролей супругов, и является «скорее следствием особых взаимоотношений супругов, характеризующихся относительно низким уровнем психологической солидарности, в особенности такого ее компонента, как кооперация» [24, с. 70].

Для детоцентрического типа семьи характерно возвышение частной жизни, чувственной стороны брака и интимности. Отношения между мужем и женой более или менее равноправные. Ребенок, а его рождение, как правило, планируется, превращается в объект родительской любви, стойкой привязанности и потакания: свои интересы родители подчиняют интересам детей. Семья супружеского типа отходит от господства зависимых отношений, так что в границах одного семейного типа возникают разнообразные отношения между полами и поколениями. Такая семья «предоставляет возможности индивидуальной самореализации для всех» [88, с.70].

В своих последующих работах С.И. Голод [87; 89] развивает идеи социальной эволюции сексуальности в контексте эволюции семьи и родительства.

Необходимость продолжения рода сформировала основополагающий принцип семьи – слитность и однозначно заданную последовательность брачности, сексуальности и прокреации. Как

обычаи, так и кодексы были центрированы на матримониальных отношениях: осуждались нарушения как супружеского долга, так и поиск нешаблонных удовольствий.

С усложнением социальных отношений система жесткой регламентации утрачивает свою эффективность, в связи с чем становится невозможным регулирование сексуального поведения массы людей исключительно посредством единообразных предписаний.

Ослаблению традиционных механизмов регулирования сексуального поведения способствовало и снижение вмешательства Церкви в супружескую жизнь. Постепенно сексуальность раздвигает границы своего распространения, выходит за пределы брака, в связи с чем роль эротики в жизни мужчин и женщин, как в рамках брака, так и за его пределами, заметно возросла и разнообразилась [87].

В современных обществах уже ничто не препятствует инновационным поискам в сфере сексуального, происходит не только сближение мужских и женских сексуальных сценариев, но и размывание половых стереотипов, а многообразие сексуальных практик начинает восприниматься не как перверсия, а как варианты нормы. В связи с этим в регулировании сексуального поведения происходит возрастание роли нравственно-этической «оснащенности» личности: «человек в рамках общепринятых норм поставлен перед выбором, как поступить в том или ином случае, причем в этом выборе человек как бы «конструирует» свой нравственный облик [89, с. 96].

По мнению С.И. Голода, современная семья – это не столько институциональное установление, сколько психологическая группа, а ее стабильность, единство и психологическая комфортность для каждого из ее членов в значительной степени зависят не от следования традиционным шаблонам поведения, а от морально-ценностной общности ее членов [88, с. 47]. В связи с чем современное супружество – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями. Каждый из супругов ждет от брака того, что «не заложено» в его природе как социальном институте, – «эро-

тики, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды» [89, с. 191].

Согласно Э. Гидденсу [81], сексуальность в современном мире – предмет, который представляется публично иррелевантным: с одной стороны, всеохватывающим, а с другой – сущностно частным делом.

Такое состояние имеет своими истоками тенденции, берущие начало в восемнадцатом веке и связанные с ограничением размеров семьи и возникновением романтической любви.

Традиционный мир – мир «разделенных социальных обстоятельств»: мужской сексуальности и жесткого контроля над сексуальностью женской. Природа этих различий поддерживалась целым рядом социальных воздействий: господством мужчин в публичной сфере, двойным стандартом, ассоциированным разделением женщин на «чистых» и «нечистых», пониманием половых различий как заданных Богом, природой или биологией, определением женских желаний как темных или иррациональных, половым разделением труда.

Возникновение «пластичной сексуальности», сексуальности, свободной от репродукции и принудительного брака, оказалось возможным ввиду ослабления традиционного, преимущественно аграрного, образа жизни. Так, на протяжении XIX столетия формирование брачных уз для большинства групп населения стало основываться на суждениях иных, нежели экономические.

Процесс «трансформации интимности» стартует с возникновением идеалов романтической любви. Романтическая любовь предполагает возможность продолжительной эмоциональной связи с другим (другой) на основе неких качеств, внутренне присутствующих самой этой связи. Здесь любовь отбрасывает экономический расчет и выступает в чистом виде.

Прежним эпохам были знакомы идеалы любви – любви-страсти и любви-страдания, которые были противопоставлены друг другу. Романтическая любовь включает в себя идеалы как страстной любви (сексуальной) как и возвышенной (асексуальной любви-самопожертвования), однако отличается от той и другой.

В ней привязанность, как элемент возвышенной любви, преобладает над сексуальным пылом. Вместе с тем любовь, включающая в себя сексуальность, разрушает идеал невинности: добродетель уже понимается не как девственность, а как определенные качества характера, которые основывают выбор другой личности как «особой».

Этот романтической любви имеет двойное воздействие на положение женщин. С одной стороны, возвращает женщин в дом, но, с другой стороны, романтическую любовь можно рассматривать в качестве активной радикальной связи с «маскулинностью» общества. Кроме того, укоренение романтической любви ассоциировало материнство с женственностью и давало возможность женщинам развивать новые сферы интимности, тогда как чувство мужского товарищества было отодвинуто в сферу маргинальной активности.

Брак, основанный на романтической любви, поддерживался разделением труда между полами: сферой влияния мужа был общественный труд, а сферой женщины – домашняя работа, – связью женской сексуальности с материнством, а так же романтическими идеями о том, что однажды найденная любовь будет навсегда. Таким образом, любовная жизнь, основанная на романтических началах, ассиметрична, ввиду чего она часто приводила женщин к домашнему подчинению, поскольку сфера публичного сохранялась за мужчинами.

В нынешнюю эпоху идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментированию под давлением женской сексуальной эмансипации (свободы от репродукции) и фактического равенства их с мужчинами. На смену романтической любви приходит идея любви-слияния, которое предполагает не только экономическое или правовое равенство партнеров, но и равенство в эмоциональной отдаче и получении. Это активная, неожиданная любовь, и поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как «навсегда», «ты, только ты». Центральной идеей любви-слияния является свободное самораскрытие и раскрытие характерных черт другого. Любовь-слияние – это образец чистых отношений (отношений, связанных

только с личностью другого), она развивается лишь до такой степени, до которой каждый из партнеров готов раскрыть свои интересы и потребности другому. В отличие от романтической любви, любовь-слияние не связана с браком и не имеет особой связи с гетеросексуальностью, она необязательно двупола.

Хотя трансформация интимности относится к сексуальности и социально-половым отношениям, она ими не ограничивается. Возникновение романтической любви способствовало возвышению ценности детей, с установлением их самооценности, а в детско-родительских отношениях на передний план выдвигается элемент взаимного морального долга.

В современном мире отношения родителей и детей предстают как релевантные чистым отношениям и любви-слиянию, поскольку интимность вытесняет родительский авторитет. При этом спрос на «чувственность и понимание» возникает с обеих сторон. На передний план в таких отношениях выдвигается идея взаимной любви.

Если распространение идей романтической любви стало одним из факторов, ведущих к вычленению брачных уз (как основанных на особом личностном отношении супругов друг к другу) из широких родственных связей через придание им особой значимости, то становление любви-слияния выводило сексуальные отношения из сферы социального контроля. В целом же трансформация интимности оказала разрушающее воздействие на все современные социальные институты как целое. «Современность неотделима от доминирующего влияния разума... Разум не оставляет места для эмоции, которая просто лежит вне сферы его влияния; но фактически и эмоциональная жизнь перестроилась в изменяющихся условиях современности» [81, с. 66].

Еще один аспект воздействия культуры на человека отметил З. Фрейд, когда говорил об изначальной враждебности людей. Он полагал, что культура «должна мобилизовать все свои силы, чтобы поставить предел агрессивным первичным позывам и затормозить их» [269, с. 175]. Здесь речь идет о том, что генетическая

предрасположенность человека к бурным формам реагирования и выражения своих чувств может быть облагорожена умением контролировать себя. Таким образом, самоконтроль и контроль над природными инстинктами, в том числе и сексуальными, становится важнейшим элементом культуры.

Н. Элиас утверждал, что общество образуется из сети взаимосвязей между людьми, обладающими конкретным историческим обликом. Все явления культуры меняются вместе с «природой» человека, а она зависит от способа взаимодействия между людьми, порождающего не только социальные, но и психологические структуры [291, с. 182]. Усложнение социальной жизни, удлинение цепочек взаимодействий коррелирует с утверждением все более жесткого подавления аффектов, регулированием влечений, необходимостью владеть собой, что вело к трансформации внешнего принуждения к самопринуждению [292, с. 254].

Процесс цивилизации, согласно Н. Элиасу, представляет собой череду изменений в совершенно определенном направлении сначала аффективных состояний, чувствительности, а тем самым и поведения людей – происходит постепенное изменение «порога чувствительности» в сторону его повышения по отношению к восприятию тех или иных явлений человеческой жизни [291, с. 183].

Постепенно табуируется нагота сначала в быту, а затем и в искусстве. На индивидуально-психологическом уровне это приводит к «гипертрофированному ощущению "закрытости" своего тела, чему сопутствует эмоциональная скованность, меньшая свобода самовыражения. Постепенно утверждается новый канон речевой пристойности, препятствующий выражению телесных переживаний, особенно сексуальных» [145, с. 144].

Мишель Фуко [276] исходил из того, что секс принадлежит не столько человеку, сколько социальным отношениям, которым подчиняются люди. Он полагал, что в XVIII–XIX веках происходит процесс передачи контроля нормы и патологии в области сексуального от церкви к праву, а затем и медицине, что ознаменовало становление новой, более эффективной, чем прежде, системы контроля над сексуальностью.

М. Фуко намечает схему этого процесса, включающего в себя следующие элементы: 1) появление в рамках определенных социальных институтов задачи отслеживать у своих членов отклонения от поведения, признаваемого нормальным. С XVIII века с развитием науки и вменением социальным институтам «заботы о будущем» общественное мнение стало прогнозировать различные негативные последствия отклоняющегося сексуального поведения; 2) появление под воздействием этих идей различных практик контроля и подавления девиантной сексуальности, причем объектом этого контроля становятся формы поведения половой жизни человека, которые прежде не замечались, а теперь они трактуются как сексуальные нарушения; 3) реакция индивида на воздействие новых практик контроля за поведением. Теперь все, что происходит с человеком, начинает им рассматриваться со вниманием, не соответствующее принятой норме трактуется как запретное и отсюда – как притягательное. Под влиянием науки человек ищет и находит источники своего девиантного поведения. Это и есть секс.

Становление новых практик контроля за сексуальностью имело следующие последствия: 1) педагогизация детской сексуальности, предполагающая строгий педагогический контроль за эмоциональной жизнью и поведением ребенка; 2) социализация репродуктивного поведения, проявляющаяся в экономическом, политическом и медицинском контроле над репродукцией; 3) психиатризация извращенного удовольствия, берущая свое начало в представлениях о том, что всякое сексуальное поведение, не направленное на рождение ребенка, является патологическим.

М. Фуко подчеркивал, что во всех этих случаях речь идет об отношениях власти: одни люди присваивают себе право определять эталоны сексуального поведения и навязывать их другим. Вместе с тем разные группы людей имеют неодинаковые сексуальные установки, поэтому вокруг того, какое поведение считать соответствующим норме, идет идеологическая борьба.

Итак, человеческое сообщество выработало и использует как традиционный, так и ценностный тип социального регулирования

поведения. Но то, как человек воспринимает мир и себя в нем, как он обосновывает свои намерения и выстраивает модель своих действий, зависит от того, какое у него сложилось мировоззрение. Исторически было выработано несколько систем представлений о мире. Все их разнообразие можно объединить в три большие группы: мифологию, религию и идеологию.

Исторически первой формой ориентации в мире была мифология. Еще В. Вундт [73] высказал ставшую общепринятой мысль о том, что мифы строятся на основе повышенной аффективности. Развивая эту мысль, А.Ф. Лосев отмечал, что для создания мифа «меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия» [173, с. 75], при этом общей чертой мифологического мышления, согласно М. Веберу, является «значение для него аналогии в ее наиболее действенной форме, форме уподобления» [62, с. 85].

Аффективное восприятие мира, при котором главной интеллектуальной процедурой становится аналогия, и порождает специфику мифа – неумение выделить главное и второстепенное. Поэтому миф – это пересказ событий без выделения в них причинно-следственной связи, а все, что не может быть осмыслено, облекается в фантастическую форму [2]. Человек, руководствующийся мифологической картиной мира, вынужден повторять способы действий, которые были одобрены и сохранены в мифологических сказаниях его предков, действовать по устоявшемуся шаблону, как многие поколения поступали до него [204].

Можно выделить четыре группы мифов, в которых раскрывается сущность архаичных представлений о природе сексуальных отношений. Во-первых, мифы, в которых раскрывается характер различий между мужчинами и женщинами; во-вторых, мифы, в которых представлен характер отношений между мужчинами и женщинами как представителями двух социальных групп (социально-половые отношения); в третьих, мифы, в которых подвергаются осмыслению собственно сексуальные отношения и половой акт как их кульминация; в четвертых, мифы, раскрывающие сущность процессов зачатия, беременности и родов; в пятых, мифы, раскрывающие природу отношений между возрастными группами (детско-родительские отношения).

В древних мифологиях мужчина нередко выступает как носитель активного, социально-творческого начала, а женщина – как пассивно-природная сила [247]. В большинстве изученных мифологий луна, земля и вода тракуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло – как мужское. Оппозиция «мужское – женское» стоит в том же ряду, что «жизнь – смерть», «чет – нечет», «правый – левый», «свой – чужой». По мнению Вяч. Вс. Иванова [110], это лишь одна из серии двоичных оппозиций, с помощью которых мифологическое сознание, упрощая жизненный мир, разделило его на свойства положительные и отрицательные. Вместе с тем В.П. Алексеев полагает, что в этом просматриваются «имманентные, сложившиеся в ходе антропосоциогенеза и генетически закреплённые свойства человеческой психики» [9, с. 255].

В славянском язычестве женщина – иной человек, носитель особой женской силы, тайное женское могущество является причиной ее власти над мужчиной и внушает страх, почтение и ненависть. В связи с чем отношения между мужчиной и женщиной «носят оттенок вражды, недоверия и конфликта» [100, с. 46]. Обсуждая отношения полов во времена матриархата, Э. Фромм [275] отмечал, что превосходство женщин могло выражаться только в одном: они могут производить на свет детей, чего не могут мужчины. Комментируя древний вавилонский миф о противостоянии Тиамат и Мардука, он пояснил, что в нем запечатлен конфликт времен матриархата: попытка мужчины свергнуть с престола женщину в связи с их (мужчинами) претензией на то, что они могут создавать вещи не естественным, как женщины, образом, а непосредственно словом и духом.

Мифология, как замечает И.С. Кон, «все время вращается в русле двух противоположных принципов: поляризации полов и их единства, нераздельности» [138, с. 182]. Сознанию древних не чужда идея андрогинии, которая все же сравнительно позднего происхождения [290].

Анализируя причины противопоставления полов, психоанализ апеллирует к культурным источникам, которые отображают амбивалентность отношения к женщине: та, что дала жизнь, может ее и отнять. У многих древних племен существовала уверен-

ность в воздействии женщины на мужские гениталии и лишении их силы [294].

По мнению М. Фуко [277], существовавшая в древности коммерциализация отношений между полами символизировала также и имущественные отношения, что закрепилось в символизме половой жизни. Так, женщины «отдаются», а мужчины «овладевают», соответственно потеря и обеднение для одних соответствует символическому обогащению других, а интересы переживаются не как взаимные, а как антагонические.

Мифологическое мышление нередко представляет половой акт как битву, состязание, а женские гениталии – как таинственное, темное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти (миф о зубастом лоне). Мужские же гениталии представляются символом силы, порядка, плодовитости [200]. У первобытных народов не было ясного понимания взаимосвязи между половым актом и зачатием. По наблюдениям М. Мид [188], среди примитивных народов встречается верование в то, что зачатие вызывается не мужским семенем, а психическими силами мужчины, которые заставляют дух ребенка вселиться в тело женщины, где он и растет до момента рождения.

Древние мифы наполнены отражением противоречий между поколениями в крайних формах борьбы и уничтожения старого поколения богов новым. В архаичной культуре на первый план выступают отношения между поколениями, которые представляют собой рудимент досемейной структуры [100].

В целом, и отношения между полами (мужчины и женщины), и отношения между поколениями (дети и родители) представляются в мифологии как потенциально конфликтные: они, с одной стороны, несут в себе угрозу, но, с другой – требуют идти на уступки, достигать соглашения для достижения общей выгоды. Таким образом, мифология отражает не только противоречия досемейного уклада жизни, но и основные черты образа мира, созданного в мифологии: мира, лишённого стабильности, целостности, цели.

Сексуальные мифы (конечно, в сильно редуцированном, упрощенном виде) бытуют и по сей день, а в их основе лежит стрем-

ление к удовлетворению сексуальных потребностей, бегство в вымышленный мир от сексуальных неудач, компенсирование разочарования из-за несовпадения ожиданий с действительностью, идеализация женственности, реже – мужественности [244].

С «изобретением» религии «цивилизация имеет тенденцию стать рациональнее и логичнее» [103, с. 271]. Религия, по мысли М. Вебера [63], есть решающий этап в рационализации человеческих представлений о мире, а значит, и рационализации человеческих взаимоотношений. Деятельность людей, руководствующихся религией, в отличие от их руководства мифологией, характеризуется выбором более адекватных методов, средств и путей достижения поставленной цели. Таким образом, переход к религиозному освоению мира знаменует собой новую ступень свободы человека – свободы от нефункциональных средств достижения цели [76].

М. Вебер к мировым религиям относил «пять религиозных или религиозно обусловленных систем регламентации жизни, число сторонников которых особенно велико: религиозная этика конфуцианства, индуизма, буддизма, христианства и ислама. К ним следует отнести в качестве шестой религии иудаизм, потому что в нем содержатся решающие исторические предпосылки для понимания двух последних из названных мировых религий» [62, с. 43].

Собственно религиозное, согласно С.С. Аверинцеву, заключается в признании принципа священного и спасения как механизма религиозной регуляции поведения. «В религии происходит раздвоение мира на потусторонний, священный, где господствует независимый от людей Бог и посюсторонний, земной, отданный человеку и зависимый (в определенной степени) от его произвола» [4, с. 107].

Бог идеален. Он есть Причина и Логика всего, в том числе и человека. Предлагая следовать Божественной логике, Он предлагает человеку спасение. Человек волен предлагаемое ему спасение выбрать, принять и соответственно получить спасение, но может и не принять, в таком случае получение спасения становится проблематичным [241].

Религия предполагает глубоко личностную регуляцию поведения человека через обещание этического воздаяния, а в оценке людей и их поступков она прибегает к устойчивым критериям – понятии о должном, что и позволило человечеству перейти от ситуативно-конкретной регуляции поведения к обобщенно-абстрактной, ценностно-осмысленной, вследствие чего человек из автомата, следующего малоосмысленному шаблону, превратился, апеллируя к Богу, в ответственно регулирующего свое поведение [76].

По мнению Э. Фромма, возникновение религии знаменовало собой победу патриархата в семейной организации социальной жизни. Так, обсуждая библейский текст о творении, он пишет: «Бог сотворяет мир своим словом, чтобы убедительно продемонстрировать превосходство патриархальной культуры над матриархальной, и библейская история сообщает нам о происхождении Евы из ребра мужчины, а не мужчины от женщины» [275, с. 107].

Вместе с тем текст этот не так прост. Рассмотрим его внимательнее. Заметим, что Библия содержит два описания сотворения человека. В одном из них, кратком и более древнем, читаем: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1: 27, 28). Во-первых, здесь, как нам думается, прежде всего снимается свойственный мифологическому мышлению конфликт между полами, подчеркивается единство человеческого рода и утверждается смысл двуполости – репродуктивная сексуальность. Представления о равенности мужчины и женщины, а также идею их взаимодополнительности (правда, в неявном виде) можно найти уже у Григория Нисского [91], который полагал, что разделение на два пола относится не к духовной, а лишь к физической, животной стороне человеческого существования и было создано Богом в предвидение будущего грехопадения, ведь до грехопадения люди обладали способностью к неполловому размножению.

И во-вторых, библейский текст утверждает переход к новому типу семьи, к новым принципам ее организации, когда на первый

план выходят не кровные связи, а взаимоотношения супругов между собой. Теперь они не конкурирующие между собой представители разных родов, а члены новой социальной группы – семейного союза, обустроенного по принципам взаимодополнительности и единоначалия. Особенно четко это представлено в пространным описании из второй главы: «Поэтому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2: 24).

Новый Завет, уравнив мужчину и женщину перед лицом Бога, тем самым сделал ее полноправным членом богочеловеческой общины – Церкви [241]. Таким образом, именно христианству (а не эллинистическому язычеству, не иудаизму) удалось обеспечить победу принципа «семейной» организации общества над родовой его организацией [213].

М. Джеймс [98] в рамках христианской традиции выделяет три основные точки зрения на брак. Первая из них говорит о том, что брак – это дар Божий, а его цель – деторождение, при этом создание большой семьи (принцип репродуктивной сексуальности) – священная обязанность супругов. Вторая точка зрения сводилась к тому, что брак – это необходимое зло, что лучше не вступать в брак, а к нему следует прибегать, чтобы не сгорать от любовной страсти. И, наконец, третья точка зрения сводилась к тому, чтобы полностью уклоняться от брака в пользу девственности и целомудрия². Следует все же отметить, что Христианская Церковь последовательно отстаивала ценность брака, репродуктивной сексуальности и добрачного целомудрия [312].

Развитие западного общества «указывает на огромную роль религии, задающей понимание конечных смыслов бытия в формировании этоса, образа и стиля жизни больших масс людей» [62, с. 43]. Вместе с тем религиозные догматы сами по себе создавали только общую этическую предпосылку для практического поведения людей. Внедрение религиозных критериев и

² Три этих взгляда на брак представлены уже в раннехристианской нравственно-богословской мысли. Так, к сторонникам первой из них можно отнести И. Златоуста [117], к последователям второй – Августина Аврелия [6], а третьей – Иеронима [112].

вытеснение мифологического было долгим процессом. Вместе с тем в практической жизни людей религиозное стало рационально-этическим: долг перед Богом менялся на долг перед людьми, при этом смысл и оценки, заданные религией, сохранялись и тем самым сохранялась общая линия культуры [204].

В целом традиционно-религиозное мышление позволяет видеть мир только целостным, осмысливать его нерасчлененными блоками, а оценивать для него – значит морализировать. Религиозное сознание требует веры, делает возможным истолкование всего сущего только в терминах добра и зла, истинных и неистинных ценностей [70].

Религиозное миропонимание в процессе секуляризации уступает место осмыслению мира при помощи идеологии. Согласно Х. Коксу [134], секуляризация – это освобождение человека от опеки религиозных и метафизических систем, смена его интересов: он отворачивается от иных миров и обращается к этому миру, и, как следствие, происходит развитие естественных наук, демократических политических институтов и культурного плюрализма. И здесь на смену религии приходит идеология. Хотя христианский идеал семьи долгое время оставался определяющим, восприятие ее в качестве феномена, имеющего отношение не только к земной жизни, но и к вечности, постепенно уходит.

Уже И. Кант говорил о браке как контракте по взаимной передаче в пользование соответствующих частей тела, отнеся институт брака к области вещно-личного права. Он полагает, что в нем (в браке) соединяется владение внешним объектом как вещью и пользование им как личностью. И заключает: если естественное общение полов основывается на законах природы, то правовые формы – на законах разума [123, с. 286]. По замечанию Ч. Филипса [265], исключение Церкви из процедуры легитимизации брака и упрощение процедуры развода открыло дорогу широкомасштабному разрушению брака и семьи.

На смену религии как способу мировоззренческого обоснования мира приходит идеология. Представляя собой систему рационально-логического обоснования социального поведения лю-

дей, их ценностей, норм, целей, она охватывает различные сферы общественного и индивидуального сознания – «от научного знания и религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны» [1, с. 98].

П. Бергер и Т. Лукман [34] полагают, что влиянию идеологического контекста подвержено все человеческое мышление, за исключением математики и некоторых областей естествознания, а К. Манхейм говорил об идеологичности человеческого мышления, которое «определяется оценочно-ориентирующей функцией сознания» [178, с. 73].

Для утверждения своей «законности» идеология использует механизм легитимизации, которую М. Вебер понимал не только как «законности и власть, но и как веру в ее законность» [64, с. 188]. Иначе говоря, легитимизация – это объяснение и оправдание институционального порядка, придание ему ценностно-нормативного характера, что предполагает наличие базовых абстрактных представлений о правильности и справедливости [219]. Таким образом, можно говорить о сходстве идеологии и религии: и та, и другая утверждают систему ценностей. Вместе с тем основание ценностей в идеологии и религии различное. Для религии таким основанием становится Священное, а для идеологии – светское [76]. Можно также говорить и о сходстве идеологии с наукой – и та, и другая опираются на рациональность логики, хотя при этом наука призвана объяснять людям мир, а идеология – изменять его [178].

Мировосприятие и мировоззрение современного европейца были сформированы становлением капиталистического способа производства с его потребностью в людях, «которые легко взаимодействуют в больших группах, стремятся потреблять все больше и больше, чьи вкусы стандартизированы, легко поддаются влиянию и чьи реакции легко предвидеть» [275, с. 226].

Если в Средние века человек отождествляет себя не только и не столько с мышлением, сколько с Творцом, поскольку считает себя созданным «по образу и подобию» Всевышнего, то в

Новое время человек все больше действует, исходя из собственных потребностей, на Бога он сначала только поглядывает, затем перестает замечать Его вообще; предельное развитие этого отношения – утверждение, что «Бог умер». В своем поведении человек все больше ориентируется на себе подобных и законы первой природы, что не может не вести к социальным напряжениям и хаосу, а также к снижению значения общества [227].

Только в XVII–XVIII веках складывается современная новоевропейская личность, за которой уже не стоит Бог, которая мыслит и себя и мир в рациональном ключе, которая не только отсчитывает все от себя, от своего внутреннего мира, но и ощущает себя источником своих желаний, неповторимых свойств и качеств [148].

Параллельно формируется требование уважать и всячески развивать разум, индивидуальность и личность человека, а с требованием уважать человека, индивидуальность, личность тесно сочеталась идея самостоятельности человека, убеждение, что он может управлять и собой и другими. Происшедшие изменения отразились на понимании любви и сексуальности: во-первых, складывается индивидуальный опыт любовного поведения и переживания, который часто декларируется как норма, как природа любви; во-вторых, любовь в культуре Нового времени становится объектом изучения, предметом знаний и размышления, при этом она соотносится с другими явлениями и характеристиками человека; в-третьих, любовь психологизируется, что связано с новоевропейским пониманием любви как определенной формы поведения и качеств новоевропейской личности [228].

Ни одна философская проблема не приобрела в истории человеческой мысли столь большого теоретического и социального значения, как идея человеческой свободы, которая в политической философии Нового времени трансформируется в идею прав и свобод человека. Область свободы и прав постепенно распространяется и на сексуальную сферу, растет убеждение в том, что именно через секс должен пройти каждый, дабы получить доступ к своей собственной интеллигентности, к целостности всего

тела, к своей идентичности. Отсюда тот факт, что сексуальность становится более важной, нежели душа [276].

Раскрепощению сексуальности содействовало движение за политические и социальные права женщин. По мнению N. McCormick [321], феминизм имеет самое прямое отношение к социальным изменениям, направленным на освобождение сексуальности от ограничений, возникших из-за деспотизма традиции, а цель феминизма, по ее словам, состоит в том, чтобы у людей было больше возможностей выбора того или иного поведения в сексуальной сфере.

Таким образом, на исходе XX века идея прав человека трансформируется в идею свободного самовыражения человека посредством сексуальной жизни [319]. Однако, как отмечает Ч. Филипс [265], за фразеологией «свободы выбора» самоактуализирующейся личности скрывается фактическое поощрение ничем не ограниченного выбора эгоиста. В отношении сексуального поведения речь может идти о выборе таких форм, которые в принципе не могут вести к зачатию и рождению детей.

На наш взгляд, в развитии «идеологии сексуальности» можно выделить два этапа. Так, на первом идея взаимной дополнителности полов в сфере сексуального замещается идеей их (полов) равноценности и тождественности; затем, смыкаясь с идеей самоценности сексуальности самой по себе, вне целей деторождения, приводит не только к снижению ориентации на партнера, но и ставит под сомнение саму необходимость обращения к нему для реализации сексуальных потребностей.

I.L. Reiss [334] полагает, что в обществе, основанном на плюрализме мнений, сложно выделить единые для всех ценностные основания сексуальной морали. Вместе с тем он называет моральные принципы, которые имеют широкое распространение в обществе и поддерживаются правом: 1) принцип добровольности, предполагающий, что сексуальные отношения могут строиться только на основе взаимного желания; 2) принцип искренности, который препятствует вовлечению людей в сексуальную активность посредством обмана; 3) принцип уважения личности, который означает, что че-

ловека нельзя воспринимать исключительно как средство сексуального удовлетворения; 4) принцип уважения к убеждениям других, предполагающий уважение сексуальных ценностей и убеждений других людей, а это, в свою очередь, предполагает, что человек не должен навязывать другому человеку сексуальные действия, которые идут вразрез с сексуальными ценностями партнера.

Таким образом, пол и сексуальность – неотъемлемая часть символической культуры человека.

М. Фуко [277] говорит о двух традициях производства истины о сексе. Одна из них – это традиция обществ, создавших *art erotica* (Индия, Китай, Япония, Древний Рим), где истина выводится из самого удовольствия, понимается как практика и накапливается как опыт, удовольствие не рассматривается по абсолютному закону разрешенного или запрещенного или по отношению к самому себе. Другая традиция – европейская, в которой нет *art erotica* и где развивалась наука о сексе, создавшая процедуру рассказывания правды об эротическом опыте в рамках структуры власти – исповеди, являющейся в западных обществах одеждой процедур для выявления и высказывания правды.

Одни культуры подчеркивают инструментальные аспекты сексуальности, видя в сексе средство для продления рода, другие – указывают на ее аффективное начало, сопряженное с удовольствием, в сущности, не обязательным для деторождения. Примечательно, что первые налагают на реализацию сексуальности множество ограничений и видят в ней, прежде всего, источник нечистоты, тогда как другие обходятся минимумом запретов и подчеркивают гедонистическое начало сексуальности [146].

Существуют попытки построения типологий разных культур по характеру их отношения к сексуальности. Так, С. Лев-Старович [166] предлагает следующие модели совмещения любви и секса в культурах мира.

1. Платоническая модель: асексуальная, одухотворенная, деэротизированная любовь. Секс трактуется как нечто низменное, цель же человека – достижение высшей, асексуальной любви. Характерна для христианства и для некоторых направлений буддизма.

2. Чувственная модель: любовь отождествляется с желанием, чувственностью. Секс является ее осью. Ислам, культура муру, сексуальная любовь в культуре Запада.

3. Интегральная, психофизиологическая модель: любовь и секс неразделимы и образуют единство. Свойственно некоторым примитивным культурам.

4. Модель противопоставления любви и секса: трактуются как противоположные сферы. Сексуальные контакты могут происходить без чувственной основы (оргастические культуры, стиль кул-секс).

5. Модель секса без любви: мужчину и женщину объединяет только секс, возможна лишь определенная симпатия, привязанность и не более. Чаще встречается в примитивных культурах.

Следует заметить, что культура не просто запрещает или разрешает те или иные проявления сексуальности, она определяет их ценности, и таким образом осуществляет регуляцию мотивационно-ценностных аспектов сексуального влечения. При этом не следует забывать, что дифференцирование сексуальных переживаний и их символизация – продукт длительного исторического развития [146].

Культура задает определенный алгоритм действиям индивидов. Общие культурные образцы, постоянно воспроизводимые в сознании и поведении людей, связанных общностью исторической судьбы и территории проживания, незримо направляют поведение человека как бы «изнутри», из его внутреннего мира, сформировавшегося в определенной культурной среде.

Из предложенного рассмотрения видно, что потенциал сексуальности всегда ограничивается, с одной стороны, биологической природой человека, а с другой – внутренней последовательностью и логикой культуры как целого. Ядро этой нормативной культуры составляет, естественно, система запретов; посредством их общество унифицирует поведение своих членов [138]. Таким образом, сексуальное поведение человека по сути своей социально, а своеобразие эротического волеизъявления, каким бы желательным оно ни казалось, есть элемент социального контекста [86].

Глава 4

СЕКСУАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ БРАКА И СЕМЬИ

У млекопитающих, в том числе и у человека, участие самца в выращивании потомства и дифференциация отцовской и материнской функции тесно связаны с видовыми особенностями, в частности с длительностью периода роста и созревания и экологическими условиями. Материнство, как правило, предполагает не только зачатие, но и вскармливание, выращивание потомства, а отцовство у многих видов сводится практически только к акту оплодотворения [57]. Вместе с тем родительские вклады самца и самки следует сравнивать не столько количественно, сколько качественно. У высших животных отец, если он вообще участвует в выращивании потомства, в отличие от матери, осуществляющей физический уход, выхаживание и заботу о детях, выполняет функцию защиты от внешней опасности и в большей или меньшей степени отвечает за жизнеобеспечение. У человека также существует выраженное неравенство между двумя полами в отношении минимального вклада, необходимого для продолжения рода. Если наименьший вклад женщины в репродукцию равен девяти месяцам (продолжительность беременности), то минимальное время, необходимое мужчине для продолжения рода, может ограничиться несколькими минутами. Обязательная часть репродуктивной функции мужчины заключается лишь в эякуляции спермы во влагалище фертильной женщины и ни в чем более [210].

В условиях, в которых жили наши далекие предки, женщина должна была потратить намного больше девяти месяцев, чтобы быть уверенной в жизнеспособности своего потомства. Уже в

примитивной обстановке для воспитания потомства было характерно хотя бы несколько лет заботы и ухода, а затем – еще больший срок содержания на иждивении [239].

Вполне вероятно, что в ходе развития человека из гоминид существовало давление эволюционного отбора в сторону предпочтения тех проформ, которые вносили больший вклад в заботу о потомстве [57], поскольку из-за длительной зависимости и уязвимости детей у гоминид выживание потомства подвергалось большому риску, если образовавшийся с матерью пару самец не снабжал их продовольствием [210].

Можно предположить, что уже в переходный к возникновению человека период длительная привязанность ребенка к матери (то есть матрилинейная социальная связь, которую можно обнаружить уже у шимпанзе) в результате постепенного включения в семью мужчины нашла свое завершение в семейном союзе брачного типа [262].

Хотя забота самцов о потомстве могла послужить одной из важных составляющих для формирования устойчивой пары и основы брака у гоминид, вклад самцов в заботу о подрастающем поколении мог осуществляться и вне постоянных пар, как это происходит у некоторых приматов. Поэтому не обязательно рассматривать отцовскую заботу как производную от института брака [57].

Включению мужчин в материнско-детскую группу способствовали два обстоятельства: исчезновение эструса у женщин и разделение труда по признаку пола [239].

Исчезновение эструса у самок не только усилило образование более стойких пар, но и расширило сферу человеческой сексуальности, что с неизбежностью привело к увеличению случайных половых связей [256]. Пока у самок был эструс, они не могли выбирать время спаривания. Им был безразличен состав и число партнеров. С исчезновением эструса предженщины получили возможность выбирать время спаривания, отвергать домогательства партнеров или уступать им [239].

Данные эволюционной психологии позволяют предположить, что число взрослых самцов в стаде превышало число взрослых

самок, поэтому значительная часть конфликтов имела своей основой соперничество из-за самок [210]. Предмужчины доминировали над предженщинами; последние нередко выступали как простые объекты удовлетворения потребностей первых, поэтому образование пар было не чем иным, как монополизацией самок доминирующими самцами [238].

Однако М.Л. Бутовская, анализируя данные палеонтологии, приходит к мысли, что у австралопитеков в условиях саванны односамцовые группы были практически исключены. Чтобы контролировать верность самок, самец должен был держать их при себе постоянно, что было возможным только при условии, если группа перемещалась в течение суток. Но самки с новорожденными детенышами становились менее мобильными и были вынуждены часть времени проводить на специальных стоянках. В этих условиях контроль половой свободы был весьма проблематичен. Она полагает, что доминирование мужского пола над женским могло закрепиться в обществах верхнего палеолита, обитающих в условиях холодного климата, где большую часть года выживание группы зависело от удачной охоты на крупного зверя, в связи с чем роль мужчины могла резко возрасти [57].

S.B. Hrdy [314] полагал, что в эволюции человека был период, когда практиковалась выраженная полигамия. Однако в семьеведении существует мнение и об изначальной моногамности человека. Так, А. Форель [266], оценивая этнографический материал, отмечал, что различные нарушения моногамии у примитивных народов связаны, прежде всего, с развращающим влиянием европейцев. По мнению М.Л. Бутовской [57], современный человек и его предки с большой долей вероятности эволюционировали как виды от моногамии к полигамии.

Хотя И. Блох [42] в своем труде, посвященном истории проституции, и воспроизводит мнение, что в стаде первобытных людей существовал промискуитет – неупорядоченные половые отношения, когда самцы спаривались поочередно с разными самками, – он все же уточняет, что промискуитет не следует понимать как одновременное дикое смешение полов, но только как

свободу половых отношений, которая вместе с тем не исключала борьбы за самок.

Предполагают также, ссылаясь на богато представленную в мифах тему инцеста, что на ранних стадиях развития человеческой социальности такие сексуальные связи были нормой [96; 186]. Однако это предположение не находит подтверждения ни в этнографических исследованиях [266], ни в данных приматологии [97]. Полагают, что уже ранние гоминиды могли практиковать стратегию ограничения, а это означает, что самцы вступали в половые связи с несколькими самками, а самки – с несколькими самцами, но при этом имело место избегание половых связей между близкими родственниками [58].

На ранних этапах социогенеза связь между мужчинами и женщинами, составляющими индивидуальную пару, была очень слабой. Очень часто мужчина покидал женщину еще до рождения ребенка и нисколько о них не заботился [133].

В.В. Бунак [56] высказал предположение о том, что сообщества гоминид жили родственно-хозяйственными объединениями, при этом продолжительная связь одного мужчины с женщиной и ее потомством поддерживалась отбором как путь для овладения детьми техникой и культурой. Так отцовство, будучи социальным установлением, привело к возникновению надприродного наследования.

Вместе с тем о надприродном регулировании сексуальности можно говорить только с возникновением табу – временных или постоянных запретов на определенные формы поведения в определенные времена или по отношению к определенным объектам [262]. Таким образом, табу были наиболее ранней формой регуляции сексуальной жизни. В.В. Бочаров [54] полагает, что роль табу в регулировании поведения представителей архаичных обществ была чрезвычайно велика. Именно эта норма играла главную роль в организации психики людей, формируя в ней субстанцию страха, который эффективно контролировал соблюдение членами общества возложенных на них в процессе социогенеза поведенческих норм.

Ю.И. Семенов [238] выделяет следующие половые табу: 1) стыдливость и застенчивость вплоть до регламентации одежды; 2) обычаи разобщения полов в быту; 3) экзогамия – запрет брачно-половых отношений между лицами одного рода, а также эндогамия – запрет брачно-половых отношений между лицами, относящимися к разным родам; 4) санкционирование сексуальных отношений и полный или временный запрет на сексуальную активность для определенных лиц – ритуальное целомудрие; 5) представления о нечистоте женщины и ограничения на ее поведение во время менструаций; 6) обычаи избегания взаимных отношений между родственниками и свойственниками.

Ж. Батай [27] высказал предположение о том, что в древнем человеческом обществе табу были чрезвычайно разнообразны и зачастую противоречили друг другу. Вместе с тем многообразие сексуальных запретов вовсе не исключает их универсальности: запреты весьма разнообразны, но они всегда существуют в человеческом обществе, что свидетельствует о функциональной значимости этого феномена.

М.О. Косвен был убежден в том, что первой в истории социальной санкцией отношений между мужчиной и женщиной было «исключение из полового общения родителей и детей, равно как и дедов и бабок с их внуками и внучками» [152, с. 23]. По мнению А.Г. Харчева [279], табу инцеста можно считать исторической границей между добрачным состоянием общества, когда половая жизнь людей определялась лишь их природой, и браком как социально регулируемым отношением между полами.

П. Бюрне подчеркивал, что табу инцеста представляет собой единственный общечеловеческий институт, который и способствовал становлению семьи, ибо «слаженность семьи достигается лишь при отсутствии в ней полового соперничества»³ [59, с. 78]. Соглашаясь с универсальностью этого табу, Э. Пара настаивал на том, что интерпретировать его (табу инцеста) не следует в кате-

³ По мнению П. Бюрне, замалчивание сексуального воспитания в современной школе и семье с рациональной точки зрения не может быть объяснено, и это, по мнению автора, есть следствие сохранения сексуальных табу в европейских обществах [59, с. 80].

горяих современных представлений о родительстве. Вместе с тем он утверждал, что «всегда и везде существуют правила, не только определяющие, кто именно может вступить в брак, но и регулирующие сексуальность как таковую» [212, с. 147].

Древние предки жили социальными группами. Жизнь в группах выполняла защитную функцию и функцию обеспечения ресурсами [215]. Однако эти функции первобытное стадо могло осуществлять только в условиях относительно бесконфликтного существования внутри группы [239]. Совершенствование деятельности по добыванию пищи имело своим следствием увеличение значения охоты, которая постепенно стала превращаться в основной источник пищи для формирующихся людей [210].

Дальнейшее развитие института половых табу связано с необходимостью устранения конфликтов в период подготовки к охоте. Длительные охотничьи экспедиции стали обычным делом. В состав охотничьих партий женщины, как правило, не включались из-за их психофизиологических особенностей, а также во избежание конфликтов между самцами. После охоты мясо приносилось на стоянку, где оставалась детско-родительская группа. Мужская охотничья группа обособлялась от стада еще до выхода в экспедицию, причем запрещались не только половые сношения, но и совместный прием пищи, пребывание под одной крышей. Таким образом, жизнь общины состояла из чередования периодов действия половых табу и свободы от них [262].

Вполне вероятно, что введение норм, регулирующих половые отношения, способствовало созданию устойчивых парных связей [239]. Однако половое общение между мужчиной и женщиной, хотя бы и регулярное, еще не составляет признака брака. В связи с этим Л.Я. Штернберг отмечал, что «для того, чтобы половое общение превратилось в брак, необходимо, чтобы оно санкционировалось в той или другой форме данной общественной средой ... чтобы оно было правомерным» [287, с. 79]. Вместе с тем и возникновение брака еще далеко не означало возникновение семьи, так как «сам по себе брак на данной стадии, очевидно,

представляет собой еще лишь случайное, эпизодическое соединение мужчины и женщины» [152, с. 107].

В социальных и поведенческих науках сложилось устойчивое мнение, берущее свое начало с исследований J.J. Bachofen [298], о первоначальном, существовавшем в дописьменную эпоху, периоде матриархата – организации общества, основанной на материнском праве, когда женщина играла ведущую роль в общественной жизни.⁴ Он предположил, что патриархальному обществу предшествовала такая стадия развития человечества, при которой узы, связывающие человека с матерью, с родом и землей, были высшей формой приобщения к миру как в индивидуальном, так и в социальном плане. В этой форме общественной организации мать была центральной фигурой в семье, в жизни общины и религии. Однако социальная организация древнего человека сходна с таковой у современных шимпанзе: ведущим моментом здесь является патрилокальность. Вполне правомерно распространить это и на первобытные человеческие сообщества [304].

Социальная антропология не располагает данными ни об одном обществе (современном или исторически описанном), в котором бы властные функции систематически осуществлялись женщинами и в котором политические решения были бы устойчивой прерогативой женщины [57]. Как отмечает О.Ю. Артемова [22], даже в матрилинейных обществах, где счет родства велся по материнской линии, управление традиционно осуществлялось мужчинами, родственниками тех женщин, через которых прослеживалось родство. Кроме того, как в патрилинейных, так и в матрилинейных обществах мужчины обладают более высоким статусом и властью по сравнению с женщинами. Впрочем, все же можно говорить о том, что в раннечеловеческом обществе женщина все же обладала большей свободой, в том числе и сексуальной, чем это обнаруживалось во времена позднеродового или раннерабовладельческого периода [57].

⁴ Идея матриархата поддерживалась, помимо И. Бахофена, Ф. Энгельсом, Э.Б. Тайлоном, Дж. Фрезером, Дж. Мак-Леннаном; из российских исследователей ее принимают М.О. Косвен, А.И. Першыц, Ю.И. Семенов, В.Г. Харчев.

Э. Фромм [275], обсуждая теорию матриархата, отмечал, что во многих современных примитивных обществах можно видеть пережитки матриархального строя в установлении кровного родства по материнской линии или в формах брака с проживанием семьи в общине жены. Однако мы, со своей стороны, полагаем, что «следы» матриархата – это итог социального развития в условиях относительно бесконфликтного соседства, когда охота перестает быть основным источником пищи для общины, а на первый план выдвигается собирательство, в котором женщины могут преуспеть больше, чем мужчины. Это своеобразный «регресс» социальности, когда грубая мужская сила оказывается невостребованной, как это четко показано в работе Л.В. Шапошниковой «Дорога джунглей» [284].

Значительным шагом на пути к формированию человеческого общества явилось образование более крупных, включающих в себя два и более родов. Роль интегрирующей силы в этом процессе сыграла экзогамия.

Э. Тайлор [250] писал, что у первобытных племен существовал один-единственный способ поддержания устойчивых альянсов друг с другом – обмен брачными партнерами. Женщины осуществляли особую функцию мирителей. Являясь сестрами по отношению к одному клану и женами по отношению к другому (экзогамия), они прилагали массу усилий, чтобы снизить вероятность взаимных нападений и восстановить нарушенные отношения, если столкновения все же имели место.

К. Леви-Стросс [162] полагал, что табу инцеста – наиболее фундаментальное табу, по отношению к которому все остальные в значительной степени вторичны. Табу на кровосмешение порождает экзогамию, а та влечет за собою обмен женами, поскольку всякий, отказавшись от права жениться на своей матери или сестре, вынужден отдавать их замуж за другого.

Лишившись права выбирать полового партнера в собственной семье, человек вынужден был искать его в другом месте, а поскольку это правило стало соблюдаться из поколения в поколение, то индивиду и обществу потребовалось запоминать и

идентифицировать «своих» и «чужих», а также хранить память о предковых для себя мужчинах и женщинах. Распространенная на всю общину обязанность обмениваться ближайшими родственниками требовала от каждого ее члена определения своей социальной принадлежности, ее сохранения и воспроизведения из рода в род.

В концепции К. Леви-Стросса основа запрета на инцест – вполне сознательная. В нем первые люди не только положили конец самоизоляции рода, но и обрекли себя на взаимопомощь. Таким образом, не сексуальность угрожала первым людям, а самоизоляция и эгоизм биологической семьи создавали опасность для выживания человечества.

Обычно в качестве переходного к моногамии указывают на групповой брак (пуналуальная семья), охватывающий братьев с их женами или группу сестер с их мужьями; затем сформировался полигамный брак: многоженство, многомужество [215]. Однако нельзя называть эти объединения «семьей» в современном смысле этого слова. Это отмечал еще Ф. Энгельс, который, хотя и оперировал терминами «кровнородственная семья» и «пуналуальная семья», говорил фактически о родо-фратриальной структуре общества, тогда как о семье, как специфическом социальном явлении, он говорил лишь в связи с парным браком [181, с. 52].

Пережитки группового брака у гиляков⁵, принятые за древнюю форму проституции – «обычай гостеприимства», зафиксированы в этнографических материалах Л.Я. Штернберга. Все люди, связанные между собой наименованием «пу» или «аѓгеј», имеют матримониальные права друг на друга. Они не только обладают основанием на вступление в брак, но и сохраняют право на «параллельные» сексуальные связи. Чаще пользовались последним братья мужа или другие близкие родственники, реже – пришлые мужчины, однако считающие себя при этом, хотя бы по самому отдаленному признаку, «пу» для данной женщины. Легитимность такого рода сексуальных контактов выражалась в том, что нарушение брачной верности с женщиной, не входящим

⁵ Современное самоназвание – нивхи.

в класс «пу», заканчивалось кровавой расправой над соблазнителем, в то время как для лиц разрешенных категорий не имело никаких последствий. Следует также отметить, что и муж, и жена имели одинаковые права на связь с другим мужчиной или женщиной, входящей в их брачный класс [287].

С.И. Голод [87] полагает, что экзогамия (об этом идет речь в наблюдении Л.Я. Штернберга) – запрет брачно-сексуальных отношений между членами одного и того же класса – самый древний и универсальный запрет. В качестве доказательства он ссылается на то, что нарушитель запрета, налагаемого экзогамией, должен быть отвергнут как чуждый член от родового тела, погибнуть или быть изгнанным, тогда как покушение на индивидуальный брак подлежало менее суровому наказанию или, оставаясь без внимания и по отношению к мужчинам и по отношению к женщинам, как правило, не наказывалось вообще.

Можно предположить, что корни «двойной морали» – разных для мужчин и женщин норм социального регулирования сексуального поведения – лежат в глубокой древности и восходят к эпохе первобытности. Так, О.Ю. Артемова [22] пишет, что брак у аборигенов Австралии намного сильнее ограничивает свободу женщин, чем мужчин. Женщина должна была подчиняться мужу. Женские измены с ведома или даже по инициативе мужа здесь не считались позором, зато любое ослушание со стороны жены наносило серьезный удар по мужской чести и вызывало серьезные последствия для ослушницы, вплоть до физического наказания, тогда как измены мужчины-мужа обычно проходили незамеченными.

Уже в племенных обществах использовались различные методы контрацепции (от прерванного полового акта до различных настоев и отваров) [312]. А.И. Антонов [17] отмечает, что контрацепция и аборт были только отдельными случаями регулирования рождаемости, в то время как практика избавления от уже родившихся младенцев (инфантицид) была распространена очень широко. К.П. Калиновская [122] в своих исследованиях племени галла отмечает, что не только физические недостатки или невы-

сокая жизнеспособность младенцев были причиной избавления от них родителями. Так было с рождением внебрачных детей, поскольку оставался неясным не столько статус ребенка, сколько принадлежность его к тем или иным родственным группам, так как доступ к половым отношениям у них разрешался раньше, чем получение права иметь детей.

Если в парной семье и мужчина, и женщина участвовали по мере своих сил в создании материальных и бытовых благ, то с возникновением частной собственности и меновой торговли постепенно на первый план выдвигается мужчина, а женщина постепенно утрачивает свое положение, основной ее задачей становится рождение детей [215].

Ф. Энгельс высказал предположение, что моногамная семья «основывается на господстве мужа с определенно выраженной целью рожать детей, происхождение которых от определенно-го отца не подлежит сомнению, эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом» [181, с. 65]. Следовательно, возникновение моногамной семьи было прямым следствием возникновения частной собственности: ведь материнство всегда достоверно известно, а отцовство – нет. Единственный «надежный» способ для мужчины получить в наследники своего собственного ребенка – жестко контролировать и ограничивать женщину [286, с. 51]. И хотя подчиненной стороной в собственническом моногамном браке является женщина, мужчина соединен с ней как супруг, но противостоит ей как господин [279, с. 87], однако патриархат по своей психологической сути «выражает не власть мужа, а власть отца, поскольку связан с наследственным правом» [286, с. 52].

В патриархальной семье устанавливается жесткая дифференциация женских и мужских ролей в семье и обществе, главенство мужа налицо и связано с централизованной расширенной семейной структурой. В такой семье «вся жизнь контролируется старшим поколением; брачные узы по своему значению ниже уз родства, браки заключаются по сговору старших с соблюдением выкупа за

невесту и выдачей приданого; разводы редки, а если и происходят, то лишь по инициативе мужа и, как правило, в связи с бездетностью брака» [17, с. 208].

Возникновение городской цивилизации, развитие навыков письма и чтения привели к появлению (сначала в Вавилоне, а затем и в Египте) письменных законов о браке. Уже в те времена он носил экономический характер; хотя романтические отношения и играли в браках определенную роль, все же в первую очередь учитывались финансовые соображения. Требования правового оформления брачных отношений содержатся уже в законах царя вавилонской династии Хаммурапи (1792–1750 гг. до Р.Х.). В этом кодексе примечательны два момента: первый состоит в том, что муж именуется «хозяином жены», а второй заключается в том, что нарушение супружеских прав мужа женой карается смертью, а насилие отца над дочерью – только изгнанием [105, с. 198].

В Древнем Израиле мужчина в семье нередко был деспотом, но женщина имела огромное влияние на ребенка, она полностью посвящала себя семье. Дети считались благословением, а сознательный отказ от деторождения приравнялся к преступлению [98].

Отказ от паритета во взаимоотношениях мужа и жены происходил постепенно: если сначала брак имел открытый характер, а женщина обладала определенными правами и свободами, то уже в Афинах классического периода жена считалась юридически и финансово зависимой от мужа. В ее обязанности входили уход за детьми и поддержание «в чистоте» семейного рода. Муж имел право убить жену, если она ему изменила. Значение женщины принижалось, а супружеская любовь нередко предавалась осмеянию [259]. По словам М. Киммела, греки «строго разделяли супружество, секс и любовь» [129, с. 334].

В Древней Греции царил культ мужской красоты, в искусстве Греции юноши изображались чаще, с большим вниманием к деталям, чем женщины. Даже наиболее эротичные женские образы в ранних изображениях (такие, как Сирены) выглядят почти мальчишески [141].

Важным компонентом мировосприятия греков было сексуально-телесное выражение любви, примат чувственности, свободной от чувства вины. Однако меньше всего на роль возлюбленных могли претендовать женщины-жены, поскольку их социальное положение было намного ниже, чем у мужчин-мужей. Мужчины-мужья нередко предавались утехам с проститутками. Это явление было весьма распространено, особенно во времена удачных войн [170]. В четвертом веке до Р.Х. Солон, впервые в Европе, открыл доктерионы – публичные дома, тем самым легализовал проституцию. Афины представляли собой крупный торговый центр, куда стекались огромные толпы молодых людей, не имеющих экономических возможностей создавать семью. Дабы пресечь ухаживания пришельцев за замужними афинскими женщинами, правитель закупил рабынь и организовал общедоступные заведения [42].

В Афинах существовали бордели и для любителей мальчиков, хотя были они так же доступны, как и женщины-проститутки, но обходились намного дороже, чем женщины [170]. Однако уже во времена Аристофана (446–385 гг. до Р.Х.) педерастия в Древней Греции высмеивалась, а пристрастие к мальчикам было достоянием узкого круга лиц [59].

Согласно законам Древнего Рима, женщина, соединяясь с мужчиной узами законного брака, становилась частью его имущества. Мужья обладали над женщинами всей полнотой власти, и им предписывалось управлять своими женами как необходимым своим имуществом. Женам же полагалось полностью приспособляться к характеру своих супругов. Законы Рима гласили, что брак существует исключительно ради деторождения, при этом все дети, рожденные в браке, составляли собственность отца. В республиканском Риме отец по-настоящему считался воспитателем ребенка лишь с семилетнего возраста, тогда как в раннем детстве все заботы о ребенке ложились на плечи матери [83]. Ф. Энгельс, оценивая в целом характер супружеских отношений в период античности, отмечал, что в те времена «не могло быть и речи об индивидуальной половой любви» [181, с. 79].

В Древней Греции и Риме знания о контрацепции были достаточно высоки, но они были достоянием небольшой группы врачей и ученых [312]. Детоубийство в античности было повсеместным актом. Ребенка, который по каким-нибудь признакам не устраивал родителей, убивали [17]. Чаще убивали девочку, особенно если она рождалась первой; в результате мужчин было больше и такая ситуация была типична для Запада до самого средневековья, когда число убийств законных детей (на внебрачных это никак не отразилось) несколько снизилось [69].

В Древнем Риме закон защищал сексуальную неприкосновенность детей, рожденных в семьях свободных граждан, вместе с тем на детей рабов закон не распространялся. Здесь под охрану был взят не ребенок сам по себе, а собственность отца, которой он и являлся [95].

В Риме императорского периода (67 г. до Р.Х. – 96 г. от Р.Х.) половая верность в браке зачастую не соблюдалась ни мужчинами, ни женщинами (особенно из состоятельных сословий) [259], однако при всей терпимости тогдашних нравов открытый гомосексуалист – кинед – мог подвергнуться публичному осмеянию и даже избиению [130].

Христианство радикально изменило многие законы о браке, доставшиеся ему в «наследство» от языческого Рима. Оно рассматривало человека как образ и подобие Божие, обладающего неотчуждаемым достоинством богосыновства в силу самой своей принадлежности к человеческому роду [126]. Вместе с тем Тертуллиан [252] предложил серьезно ограничить публичное служение женщин в церкви, что в конечном итоге значительно сузило социальные возможности женщин, замыкая их на семье, служении мужу и воспитании детей.

На отношение к сексуальности не мог не сказаться аскетизм христианского учения. Так, Августин [5] дополнил чисто физическое отношение греков и римлян к половому акту элементом эротизма, а затем разделил естественную, служащую для продолжения рода, функцию половых сношений и чувственное удоволь-

ствие. С этого момента оправданным становится половое сношение исключительно с целью продолжения рода.

Сексуальность все больше регламентируется законодательно. Так, Феодосий I в 390 году ввел наказание за гомосексуализм и супружеские измены [151], а Юстиниан в 538 году установил ответственность родителей за детоубийство [126].

Средневековые (особенно начиная с эпохи Возрождения) – это период интенсивного развития эмоциональной жизни, пробуждения интереса к внутреннему миру человека, к личности в единстве ее нравственных и эстетических сторон [279]. В Средние века утверждается новая форма любви. Речь идет об идеализации женщины усилиями трубадуров Прованса и романистов Бретани. Влюбленность превратилась в число неперемных обязанностей феодалов всех рангов. Отношение дворянина к женщине дифференцированно зависело от того, кем она была: дамой или простолюдинкой. Заботливость и обожание могли распространяться лишь на женщин своего сословья. Рыцарский идеал не отличался интеллектом. Зато он предполагал бурную эмоциональную жизнь вплоть до экзальтации. Речь шла о любви отнюдь не платонической и, как правило, к чужой жене [206].

Вместе с тем и для Средних веков, и для Возрождения характерна не только рыцарская романтизация отношений между полами, но и демонстративно-натуралистическая (нередко с оттенком антисексуальной иронии) их интерпретация [279]. В целом, новый любовный идеал не вызвал значительного изменения нравов [59], а на женщину все еще продолжали смотреть как на испорченный вариант мужчины, но уже не как на вещь [98]. В проповедях и поучениях романтическую любовь нередко описывали как социально опасную, таящую в себе угрозу для государства, церкви и семьи, поэтому вплоть до XVI–XVII веков романтическая страсть и сексуальное влечение решительно отвергались в качестве оснований брака [129].

Семья в доиндустриальном обществе не была автономной структурой, а включалась в более широкие социальные структуры – родовые, общинные, цеховые. Она была более институтом

производства, чем воспроизводства [222]. При этом и брачное, и сексуальное поведение человека в целом было жестко запрограммировано и ориентировано не на конечный результат, а непосредственно на определенный образ действия, который был для него одновременно и целью, и средством [68]. Вместе с тем к концу Средневековья намечается тенденция относительной либерализации брака. Становятся возможными браки, построенные на добровольной основе и личном принятии супругов, однако большинство браков все же заключаются по далеким от любви мотивам [98]. Уже к началу XIX века любовь стала обычным делом при заключении брака, так что считалось нормальным и достойным, чтобы молодые мужчины и женщины страстно влюблялись, однако любовь почти никогда не называлась в качестве причины брака, а представлялась скорее продуктом брака, нежели его предпосылкой. Только в конце XIX столетия любовь победила по всем статьям в высших слоях среднего класса. С тех пор ее расценивают как важнейшую предпосылку брака [129].

На протяжении всего Средневековья Европа переживала всплески и спады проституции, которые были связаны, прежде всего, с ухудшением экономического положения населения, особенно во время многочисленных войн. Однако она жестко контролировалась и церковными, и светскими властями, и городским магистратом, поскольку все они смотрели на это занятие как на ремесло, в связи с чем облагали «жриц любви» данью [42].

Дальнейшая эволюция семьи была связана со становлением капитализма, развитие которого не только породило относительную доступность материальных и духовных благ, но и принесло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, что в свою очередь вело к непрерывному возникновению и развитию разнообразных потребностей. Был создан мир, в котором каждому поступку должен был предшествовать выбор одной из многих, зачастую конкурировавших между собой возможностей. Все это способствовало тому, что поведение, в основе которого лежало непреложное следование традиционному

образцу, вытеснялось поведением, в основе которого лежала рациональная мотивация каждого поступка [71].

Постепенно семья утрачивает свою ведущую роль в качестве основной производственной ячейки общества, а «индустриализация и промышленное производство втягивает всех членов семьи из лона семейного производства в сферу наемного труда» [204].

При капитализме (особенно на ранних этапах его развития) все еще сохраняется «потребность в неравноправном и подчиненном положении женщины как гарантии прочности и незыблемости собственнической семьи» [180, с. 168]. Это было связано с тем, что сохранялась зависимость наследственного права с деторождением. Поэтому строгое соблюдение замужней женщиной сексуальной верности мужу и добрачное целомудрие девушки рассматривались как условие отцовского попечения над ее детьми и как условие законного закрепления брака. Такая идеология сексуального контроля мужчины над женщиной являлась выражением экономических интересов, господствующих в обществе мужчин [224].

С XVII и особенно в XVIII веке усилился индивидуализм, что привело к нуклеаризации семьи, которая теперь представляла собой ячейку, состоящую из мужа и жены и находящихся на их иждивении детей. В основу браков все чаще ложилась романтическая любовь, а отношения между супругами и детьми становились теснее, с оттенком домашней уединенности [108]. Хотя общество смотрит на женщин как «естественно опекающих», а на мужчин как на «кормильцев» [257, с. 181], капитализм, нуждаясь в дешевой рабочей силе, все энергичнее вовлекает женщин в производство, тем самым закладывая основы их экономической независимости [279, с. 94].

В целом Э. Фукс [278] определил XIX век как век массового разврата. Многие мужчины викторианской эпохи регулярно посещали проституток или имели содержанок. Общественным мнением такое поведение воспринималось снисходительно, в то время как «респектабельные» женщины, имевшие любовников, вызывали общественное возмущение, если их поведение всплы-

вало на свет. Законодательство многих стран жестоко преследовало внебрачную беременность. К примеру, в Англии забеременевшая молодая женщина, не состоящая в законном браке, могла быть принудительно помещена под надзор в психиатрическую лечебницу на неопределенный срок, а ребенок, в случае его рождения, мог быть изъят и передан в приют [51].

«Двойной стандарт» сохранялся и по вступлении в брак. Для мужчин считалось общепринято приемлемым вступать не только до брака в многочисленные сексуальные отношения, но и после его заключения. Адюльтер мужа воспринимался как «достойная сожаления, но все же простительная слабость», тогда как для жены единственный акт адюльтера был «непростительным нарушением» [342]. Таким образом, вплоть до начала XX века в законодательстве европейских стран супружеская измена рассматривается как преступление. К примеру, законы Французской республики предписывали женщине, уличенную в прелюбодеянии, наказывалась тюремным заключением, мужчина же подлежал наказанию только лишь в том случае, если был застигнут в доме своего соперника [256].

Для России, как и для Европейского Запада, языческая семья явилась исторически первой формой брачно-семейных отношений [100].

Древнерусская языческая семья не составляла отдельной, независимой единицы. Она была частью целого рода, который состоял из многих семей, тесно связанных между собой общностью происхождения от одного предка. Главой семьи был, как правило, старший мужчина, он же представлял интересы своих домочадцев перед внешним семье миром, то есть родом. Род умерял неограниченную власть отца над семьей. У каждой семьи кроме своих семейных интересов был еще интерес жизни общей, родовой, потому что каждый имел значение не сам по себе, как личность, а по своему роду. Кто не хотел подчиниться общим требованиям, тот должен был оставить свой род, он извергался из его среды и ни к какому роду не мог пристать, потому что везде оказывали честь чужому человеку только по его роду. Каждая семья была в

зависимости от своего рода, каждый член семьи воспитывался в уважении к роду, который составлял одну общину по отношению к той земле, какой владел [245].

Разделение между мужскими и женскими функциями в древнерусской семье происходило не по ролям, а территориально. Мужчина отвечал за внешнее природное и социальное пространство, а женщина доминировала во внутреннем пространстве, в доме и семье. Власть мужчины в семье как мужа и отца ограничивалась еще и тем, что фактическое руководство семьей принадлежало большухе – наиболее трудоспособной и опытной женщине, обычно жене отца или старшего сына, ей подчинялись все младшие мужчины семьи [109].

Отношение к сексуальности в Древней Руси было не менее противоречивым, чем в Западной Европе. Древнеславянское язычество не отличалось ни особым целомудрием, ни особой вольностью нравов. Существовали многочисленные оргастические праздники, когда мужчины и женщины вместе купались голыми, мужчины символически оплодотворяли Землю, женщины вызывали дождь [147].

Большинство исследователей полагают, что развитие брачно-семейных отношений на Руси происходило от больших семей (в VI–VIII веках) к экономически и юридически самостоятельным малым семьям (в XI–XII веках) [288]. По всей видимости, уже к XII–XIII векам начинается вытеснение большесемейных отношений. Исследователи говорят о появлении семьи малого типа как среди княжеских и боярских семей, так и среди свободных общинников и полузависимых крестьян [221].

Как и на Западе, структура индивидуальной семьи, ее внутренняя организация в эпоху Средневековья складывалась под воздействием развивающегося христианства, а генезис супружеских отношений регулировался нормами христианской морали [236].

Основу православной церковной концепции семьи составлял тезис о святости супружества. Однако брак рассматривался как непреодолимое и неизбежное зло, а целомудрие преподавалось как путь ко спасению души. В связи с чем в теологическую

концепцию семьи постепенно проникала идея аскезы как идеала супружеских отношений [147]. Церковь не только внедряла в повседневную жизнь венчанное единокорие и постепенный отказ от практики разводов [221], она пыталась также ограничивать генитальные контакты между супругами [230]. Вместе с тем в свадебных и календарных обрядах вплоть до начала XX века сохранялись пережитки древних оргастических праздников и группового брака [25].

Оценивая воздействие христианства на языческую сексуально-эротическую ментальность, практику сексуальных отношений и брака, а также и сам строй семейной жизни, И.С. Кон [142] отмечал, что его влияние в целом было благотворным.

Принятие христианства привело к установлению патриархата – господства мужчины в семье, когда отец семейства становился властителем своей жены и детей [245]. Власть мужа над женой и детьми представлялась как идеал. Женщина в супружеской чете должна была быть покорной, тихой, безмолвной [221]. В связи с чем супружеская верность стала почитаться в качестве главной семейной добродетели, особенно для женщин. Муж признавался прелюбодеем только в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее, тогда как жене ставилась в вину любая внебрачная связь [147].

Хотя процесс христианизации Руси был долгим и болезненным, в городах он завершился уже к началу XVI века. Это нашло свое отражение в московском памятнике семейно-бытовой мысли «Домострое». Его автор – Сильвестр – представлял семью как некое хозяйственное и психологическое целое, члены которого, хотя и находятся в отношениях господства-подчинения, равно необходимы для нормальной жизни домашнего организма. Обязанность главы дома – забота о благосостоянии дома и воспитании, в том числе и духовном, его членов. Жена обязана сама заниматься рукоделем и знать всю домашнюю работу с тем, чтобы учить и контролировать слуг. Кроме этого, она занимается воспитанием и обучением дочерей (воспитание и обучение сыновей – обязанность отца). Хотя отец семейства является «госпо-

дином дома», все решения, связанные с «домовым строением», муж и жена принимают совместно, причем семейные проблемы они должны обсуждать ежедневно и наедине. При всем этом жене рекомендуется «мужу уноровить», то есть поступать сообразно с его желаниями и представлениями.

Согласно Сильвестру, дети – дар Божий, которых надо любить. Любовь к детям автор рассматривает как вполне естественное чувство. Вместе с тем по своему положению в семье они ближе к слугам, чем к родителям. Главная обязанность детей – «угождать родителям своим во всяком добром замысле» [99, с. 88].

Для европейской России XVI–XVII веков было типично раннее и почти повсеместное вступление в брак. Русские вступали в брак очень рано, бывало, что жених и невеста имели от роду от 12 до 13 лет. Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым. Вместе с тем крестьяне в половом акте видели что-то нечистое. Считалось необходимым после ночи, проведенной супругами вместе, ходить в баню, прежде чем подойти к образу [153].

С первой половины XVIII века и вплоть до начала XX века формы семейной жизни во всех сословных группах постепенно менялись. Сначала дворянство, а затем и мещане прошли путь от составной сложной семьи к малой (нуклеарной) семье, так что к концу XIX века малая семья в России стала основной и единственной формой массовой организации семейной жизни в городе [222]. К середине XIX века ощущаются интенсивные и глубокие изменения общественной жизни, которые отразились и на жизни семейной, прежде всего, в городах: отцы семейств все больше работают и меньше времени проводят в семье, дети меньше времени проводят с родителями и в большей степени подвергаются внешним воздействиям, возрастает внесемейная активность женщин [207]. Уже в те времена власть отца была значительно ограничена общественным мнением, однако юридически он продолжал оставаться главой и распорядителем семьи, тон семейной жизни определялся женщиной, вместе с тем ее положение в семье, с правовой точки зрения, продолжало оставаться недостаточно ясным [126].

Крестьянская семья, по образному выражению Б.Н. Миронova, длительное время была как бы «законсервирована» [192] и в течение XVII – начале XX века не претерпела существенных изменений [159]. Незначительные перемены затронули лишь некоторые губернии с развитым отходничеством, которые лежали вблизи столиц и крупных городов и были связаны с ними тесными экономическими, торговыми и культурными отношениями [193].

Русская крестьянская семья жила в рамках и под опекой крестьянской общины (мира), которая, представляя собой малую социальную группу, имела сравнительно большую численность. К важным особенностям общины следует отнести огромную роль общественного мнения и эффективную систему неофициального социального контроля, поглощенность личности общиной, принудительность и жесткую регламентацию хозяйственной и прочей жизни – все это в совокупности служило главным регулятором поведения крестьян. Внутрисемейные отношения основывались на принципах иерархизма и неравенства: все принижены перед главой семьи, женщины – перед мужчинами, младшие – перед старшими, дети – перед взрослыми. В семье господствовали принудительный коллективизм и централизм – общие интересы семьи (в понимании их главой семьи), а индивидуальные интересы отдельных членов семьи в расчет не принимались. Женщина не имела голоса в семье и должна была беспрекословно слушаться своего мужа, он же относился к ней как работнице. Совершенно нормальной и главной формой воздействия признавалось насилие. Физически наказывались дети, особенно часто – маленькие; но розга не обходила вниманием и взрослых детей. Страдали от побоев и женщины [192].

К концу XIX века в России формируется «пролетарский» тип семьи, бытование которой уже у современников вызывало определенную тревогу. В семьях рабочих-горожан отец, а нередко и мать ежедневно покидали своих детей, оставляя их на время фабричной работы на попечение отдаленным родственникам, а нередко и без всякого попечения. Положение усугублялось еще и тем, что многие женщины-работницы были вынуждены подра-

батывать проституцией [142, с. 169]. Оценивая половую мораль современных ему горожан, А.Ф. Кони отмечал, что с городом связаны и «преждевременное половое развитие отроков и искусственно вызываемый им разврат юношей, под влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции, а также вредные развлечения, по большей части недоступные сельской жизни» [149, с. 465].

На протяжении XVIII–XIX веков для России была характерна не только почти всеобщая и ранняя брачность, но и высокая рождаемость, что может говорить о том, что с практикой контроля над рождаемостью большинство сельского населения было незнакомо [69]. Постепенно практика контроля над рождаемостью охватила широкие слои городского населения. Особое внимание медицинской общественности привлекали случаи аборт, тогда запрещенных, но получивших широкое распространение. Как правило, стремились избавиться от детей, зачатых либо в отсутствии отца, либо вне брака [82].

В дореволюционной России разводы практически отсутствовали. Церковный брак мог быть расторгнут только формальным церковным судом – консисторией – по следующим основаниям: 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга или неспособности его к брачному соитию; 2) в случае, когда другой супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или ссылке на житие в Сибирь; 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга. Решение консистории подлежало обязательному утверждению Синодом, а бракоразводный процесс, сложный и длительный, был сопряжен с гласным разбирательством интимных сторон супружеской жизни [197].

Для дореволюционной России в целом был характерен низкий уровень внебрачной рождаемости и, по данным Б.Н. Миронова [193], на конец XIX века составлял не более 2–3 процентов от числа всех рождений. Вместе с тем исследователи не отмечают «зачарованности» девственностью, напротив, к добрачным связям и рождению детей вне брака относились достаточно терпимо, особенно в крестьянской среде, где важна была плодность буду-

щей жены, тогда как внебрачные дети были доказательством ее состоятельности в этом отношении [191].

К концу XIX века сложилась ситуация, которую П.Ф. Каптерев [125] обозначил как «кризис российской семьи»: исчезают ранние браки, они становятся все более и более поздними, в обществе крепнет убеждение в необходимости легализации разводов, звучат мнения о ненужности семьи. Литературный критик М. Тригорин в обзоре, посвященном проблемам пола и написанном в связи с выходом из печати романа Арцыбашева «Санин», восклицал, что в России установилась «сгущенная атмосфера половой распушенности» [258, с. 17].

Сходные тенденции были обнаружены и Р. Зидером [108] в состоянии западноевропейской семьи на пороге XX века, которые на протяжении первого десятилетия века только нарастали и наиболее ярко проявились после окончания Первой мировой войны.

Еще перед войной по Европе прокатилась волна разводов [51]. Сходные тенденции наблюдались и в США [338]. Резко возросло число внебрачных рождений [51], а к середине 20-х годов четко обозначилась «заинтересованность» европейцев сексом, которая нашла свое отражение в книге голландского гинеколога Т.Х. ван де Вельде (1873–1937). В ходе своей практики он понял, что многие из его пациенток нуждаются в качественном руководстве по технике секса. Свой труд он адресовал исключительно супружеским парам, а в описаниях различных форм сексуальной активности балансировал на грани социальной приемлемости и необходимой откровенности [65].

В 60–70-х годах на Западе в рамках набиравшего силу феминизма возникли общественные движения, выступавшие за то, чтобы рассматривать секс как средство общения и эмоционального самовыражения [265]. В эти же годы возникают и укрепляются движения геев и лесбиянок, которые рассматривали сексуальность в контексте прав личности. В рамках этих движений сексуальные меньшинства смогли заявить о себе и тех проблемах, которые возникают у людей с гомосексуальной ори-

ентацией в обществе гетеросексуальной нормы [139]. В конце 50 – начале 60-х западное общество переживало явление, известное как «сексуальная революция». По мнению Г. Келли, «именно в этот период произошли существенные и довольно резкие перемены в сексуальных установках, сексуальных ценностях и сексуальном поведении» [127, с. 8].

Феномен «сексуальной революции» разными исследователями интерпретируется по-разному. Так, У. Мастерс и соавторы [184] под «сексуальной революцией» понимают те изменения в отношении к сексу и сексуальному поведению, которые произошли в западном обществе в период 60–70-х годов XX века. Ее приближению, по мнению названных выше авторов, способствовали четыре фактора: доступность противозачаточных средств, протестное поведение молодежи, борьба женщин за свои права и становление в обществе атмосферы большей открытости (общая демократизация жизни), которая расширила возможности публичного обсуждения сексуальности и ее проявлений. J. Money связывал «процесс сексуальных реформ» с публикациями А. Кинзи 50-х годов XX века, которые сделали достоянием общественности данные проведенных к тому времени сексологических исследований. Вместе с тем J. Money полагал, что на смену «сексуальной революции» пришла «сексуальная контрреволюция» – движение, особо мощно заявившее о себе на исходе 70-х годов прошлого века, развитию которого способствовала атмосфера опасения и тревоги в связи с нежелательными последствиями «сексуальной революции» [328, р. 3].

Итогом этого стали введение курсов полового просвещения антисексуальной направленности в ряде школ США и тенденция рассматривать женщин в качестве жертв мужской сексуальной агрессии, что послужило новым источником антисексуальных настроений в западной культуре [127].

И.С. Кон [139] отмечает, что в 90-х годах XX века на Западе, в связи с эпидемией СПИДа, резко усиливаются антисексуальные настроения, которые вместе с тем не приводят к реальному изменению сексуального поведения широких слоев населения.

Анализ работ, посвященных проблеме сексуальной революции в странах Западной Европы и США, проведенный В.Ф. Ануриным [19], позволил выделить следующие характерные черты этого феномена: 1) стирание двойного стандарта в половой морали; 2) отделение сексуальности от функции воспроизводства; 3) повышение толерантности к добрачным половым связям; 4) усиление открытости сексуальной сферы; 5) признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения; 6) коммерциализация секса; 7) повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта; 8) повышение толерантности к гомосексуальным отношениям; 9) расширение разнообразия сексуальной практики в массовом масштабе.

Институт семьи в развитых странах Западной и Восточной Европы (включая страны бывшего СССР) и США, особенно после окончания Второй мировой войны, претерпел значительные метаморфозы: возникли новые семейные структуры, перераспределились акценты в выполнении социальных и индивидуально-личностных функций, уменьшились позиции в отношении числа детей, изменились тенденции таких брачно-семейных отношений, как моногамия. Произошла смена концепций семейной жизни с традиционной на модернистскую; все это – на фоне ускоряющегося промышленного развития и урбанизации [34; 67; 124; 282].

Свершившимся фактом можно считать предоставление женщинам доступа к образованию на равной основе с мужчинами. В развитых странах появилось множество профессий, в равной степени доступных и мужчинам, и женщинам [297]. Все это привело к изменению числа работающих женщин, причем сроки их трудовой деятельности в рамках общего периода их семейной жизни на всех ее этапах увеличились [296].

В условиях развитой профессиональной ориентации женщин, с повышением для них значения внесемейных ценностей, потребность в материнстве в известной мере деградирует [264]. Для семьи становится характерным малодетность и однодет-

ность, причем отказ от рождения большого числа детей в браке затронул все индустриально развитые страны [48].

Данные исследований позволяют сделать вывод о том, что все большее число женщин намеренно продолжают работать, несмотря на брак и материнство. Однако если в 20–30-е или в 50-е годы работающая женщина была четко ориентирована на семью, то в 70–80-е годы на передний план все очевиднее выходят личные мотивы: женщины заявляют, что своей работой хотят обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, расширить свои социальные контакты [338].

Возросшая профессиональная занятость женщин, а с ней и возросшая их экономическая самостоятельность выступают, по мнению А.Г. Харчева и З.А. Янковой, в качестве главных факторов, от которых зависит преобразование семьи [281].

Современная семья отходит от функционирования в качестве эффективно действующего социального института с жесткими нормами и четко заданными образцами поведения и превращается в общность, где доминирующее значение имеют признаки социально-психологической группы [280]. Повышаются требования к выполнению семьей ее социально-психологических функций, таких как поддержание в своих членах чувства защищенности и безопасности, возможности самоутверждения и личностного роста, то есть интимность становится востребованным элементом современной семьи [107]. Для значительной части вступающих в брак основным мотивом становится мотив любви в сочетании с другими чувствами, а это наряду с положительными, имеет и негативные последствия. В массовом сознании устанавливается твердая связь между любовью и браком, при этом зачастую прекращение любви рассматривается как повод для прекращения брака [263]. Гедонистическое отношение к браку значительно снижает социальный контроль не только на стадии формирования семьи, но и на всех этапах ее развития. В связи с этим постоянно увеличивается число разводов, главным мотивом которых является «прекращение любви». Таким образом, если для традиционной семьи был вполне обычен стабиль-

ный брак при полной неудовлетворенности супругами своими отношениями, то в современной семье подобная неудовлетворенность может привести к разрыву отношений даже при наличии детей [279].

Кроме того, урбанизация и связанные с ней массовые миграции населения, вызванные промышленным развитием, привели к ослаблению социального контроля над личностью со стороны семьи, соседей и других стабильных социальных групп [17]. Произошло принятие женщинами сексуальных норм (ранее свойственных только мужчинам), разрешающих добрачную половую жизнь. Что, несомненно, стало одним из главных факторов увеличения внебрачной рождаемости. «Декриминализация» внебрачной рождаемости (когда дети, рожденные вне брака, приравниваются в правах с детьми, рожденными в браке) и заключение брачных союзов на основе индивидуальной любви привели к тому, что все больше браков заключаются по правилам «временной моногамии» [88]. Все это привело к тому, что развитие семьи в последние десятилетия выявляет наглядные признаки ее небрачности, при этом все большее число детей растет вне семейного круга, что может быть предвестником краха нуклеарной семьи [33].

В условиях фактического равенства женская сексуальность на протяжении всего XX века претерпела кардинальные изменения. В первой половине века девственность девушек до брака высоко ценилась обоими полами, и лишь немногие из девушек не скрывали, что они позволяют своим парням иметь с ними сексуальные отношения. Сексуально активные женщины подвергались третированию со стороны других женщин. На изломе XX века для женщины становится обычным делом иметь много любовников до вступления в брак. И если раньше сексуально активная девушка-подросток вынуждена была играть определенную роль невинности, то теперь невинность в случае необходимости играет роль умудренности опытом. «Девушки чувствуют, что они имеют право на сексуальную активность, включая половые сношения, в таком возрасте, в котором они сочтут сами» [335, р. 61].

Развитие семьи в СССР, кроме общих с европейским Западом и США, имело и свои черты, которые связаны, прежде всего, с особенностями исторического развития страны в последние сто лет. В. Райх полагал, что в России в границах социальной революции произошла и революция сексуальная [224].

С.И. Голод [89], представляя сексуальную историю постреволюционной России, выделяет в ней следующие периоды с их специфическим содержанием:

1) 20-е годы XX века (дионисийство), когда происходит кризис традиционных норм и ценностей, просматривается автономизация сексуальности и брака, а получение сексуального удовольствия перестает быть привилегией мужчин;

2) 30–60-е годы XX века (евнуховидность), когда происходит насаждение «а-ля пролетарского» стереотипа сексуальности. Сексуальная жизнь всячески замалчивается, происходит восстановление ценности девственности, налагается запрет на сексуальное экспериментирование, проституцию и разводы. Вместе с тем уже на рубеже 60–70-х годов происходит массовое распространение венерических заболеваний, рост числа разводов, мотивированных супружеской неверностью, увеличивается внебрачная рождаемость и число аборт.

По мнению И.С. Кона [147], первые сдвиги по направлению к секуляризации сексуальности в России начались еще в конце XIX века и были обусловлены урбанизацией и индустриализацией страны. Октябрьская революция резко усилила эти процессы, однако, уже в 30-х годах XX века сексуальность в СССР была загнана в подполье, превратившись из важнейшей оси человеческого существования в биологический и грязный секс. Вместе с тем уже в 1960-х годах произошли самые важные сдвиги в сексуальном поведении и установках: снизился возраст сексуального дебюта, произошла легитимизация добрых и внебрачных связей, в массовом сознании произошло признание самооценности эротики. И.С. Кон полагает, что социальные трансформации 1990-х годов только усилили эти процессы и сделали их более зримыми.

Уже к началу 60-х годов прошлого века в СССР явно стал ощущаться «кризис малодетности». Объясняя его причины, А.И. Антонов полагал, что главная из них заключается в том, что система наемного труда с внеэкономическим принуждением к труду, сопровождаемая социальным однообразием жизни и тотальным отчуждением личности, явилась в самой общей форме главным барьером к участию людей в процессах социальной активности, в том числе и в семейной сфере жизни. В личных потребностях все меньше присутствовал общественный интерес, человек привыкал «халтурить», что явилось реакцией на неподлинность существования, отчужденность от ценностей, навязываемых обществом. Привыкая «халтурить», человек втягивал в процесс отчуждаемого восприятия и подлинные ценности, такие, как ценность существования человеческого рода, к которым отчужденный человек стал относиться не как к своим собственным, а словно к навязанным извне. И результат этой трансформации ценностей не замедлил сказаться: «массовая малодетность семей – вот ее итог» [15, с 18].

Заметим, что на «капиталистическом Западе», власть КПСС на который совершенно не распространялась, ситуация с деторождением была не лучше, что еще раз подтверждает мнение об общем для всех европейских стран направлении в эволюции брачно-семейных отношений.

А.Г. Волков [72] высказал мысль о том, что изменения в формировании и развитии стабильности семьи в России и демографическом поведении представляют собой результат демографических изменений, происшедших в стране на протяжении всего XX века. В свою очередь А.Г. Вишневский [69] высказал мысль о том, что отход от многодетности – объективный социальный процесс, а СССР, а затем и Россия только следуют пути, который уже прошла Западная Европа.

Итак, в 1960-е годы в СССР произошел массовый переход к малодетной семье, а в 70-е годы малодетность стала обычным явлением [47]. В результате появления новых, более сложных потребностей происходит своеобразное «выталкивание» одних

жизненных ценностей другими. Брак и супружество как жизненные ценности испытали серьезное давление со стороны таких ценностей, как карьера, образование, престижные виды отдыха или место жительства [249]. Среди различных мотивов в решении рождения первенца значительное место занимают психологические факторы: подражание, стремление выглядеть «как все», неудобство перед близкими людьми и родственниками, страх перед абортom и «перспективой» бесплодия [248, с. 133].

Так же, как и на Западе, превращение внедомашнего оплачиваемого труда женщин из вынужденной необходимости в массовое общественно одобряемое явление привело к отмиранию «традиционных» внутрисемейных отношений. Исследования 70–80-х годов фиксируют устойчивую тенденцию к изменению структуры семейной власти от традиционной к эгалитарной и, в связи с этим, изменение ролей мужа и жены в семье [296]. Вместе с тем распределение домашней работы между супругами по-прежнему происходит на традиционной основе, объективная тенденция такова, что распределение семейной нагрузки между мужем и женой становится более равномерным, хотя основная часть ее все же продолжает оставаться на плечах женщины [249]. Среди определенной части мужчин появляется «эксплуататорский» подход к организации семейной жизни. Он находит свое выражение в том, что женам дается право на равное с мужем участие в общественном труде наряду с исключительным «правом» на домашний труд [24].

В связи с этим обратим внимание на факт, отмеченный в исследованиях О.В. Митиной и соавторов [194]: женщинам хотелось бы, чтобы мужчина в доме выполнял мужскую работу, однако мужчины видят свою роль в домашнем хозяйстве, скорее, в качестве помощника женщины, выполняющего ее поручения.

В целом, изменения в различных сторонах семейной жизни, происходившие в последние десятилетия в Европе (включая Россию, Украину, Беларусь и страны Балтии) свидетельствуют о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникающей на основе заключения брака. Следует также отме-

тить, что ценность детей в жизни семьи снизилась, хотя для большинства людей она все еще остается достаточно высокой [195]. Здесь парадокс состоит в том, что ценность детей тесно связана с ограничением рождаемости, когда малодетность объясняется супругами тем, что они ограничивают рождение детей в связи с тем, что не могут обеспечить им высокий стандарт потребления [68]. Г.Г. Филиппова, оценивая особенности формирования потребностно-мотивационной сферы женщин, указывает на то, что современные тенденции изменения роли женщины в семье и обществе могут осложнять процесс развития ее материнской сферы [264].

Во второй половине XX века в странах Западной Европы и США сильное влияние стала оказывать семейная политика, а именно введение разного рода пособий и льгот в отношении женщин, воспитывающих детей без мужа, причем в последние десятилетия уровень сожительства резко возрос [300]. Хотя масштабы нерегистрируемой брачности в нашей стране оценить трудно, данные выборочных исследований говорят о том, что нерегистрируемая брачность увеличивается незначительными темпами [185]. По мнению С.И. Голода [87], в нашей стране все же не происходит, подобно странам Западной Европы, замещение регистрируемой брачности сожительством.

В.А. Борисов и А.Б. Синельников, обсуждая перспективы нерегистрируемой брачности в нашей стране замечают, что масштабы ее распространения «не идут ни в какое сравнение с масштабами сокращения частоты заключения зарегистрированных браков ... в условиях нашей страны статистика регистрации отражает реальное снижение брачности, а не переход от "законных" браков к "незаконным"» [49, с. 87].

И действительно, характерной чертой постиндустриального общества становится определенное распространение условно одиночного образа жизни, при котором часть женщин предпочитают вовсе не вступать в брак. Они экономически и психологически самостоятельны, сознательно выбирают роль матери-одиночки, воспитывают ребенка (самостоятельно или опираясь на помощь близких родственников). Аналогичным образом не-

которые мужчины предпочитают индивидуальную свободу и не связывают себя семейными узами. Сексуальные контакты у этой категории лиц не способствуют формированию личностных привязанностей к лицам противоположного пола и не вызывают потребности в совместном проживании [57].

Оценивая изменения взглядов, произошедшие за последние два десятилетия у значительной части населения России, по отношению к сексуальности и сексуальному поведению, И.С. Кон [147] указывает на несколько наиболее заметных тенденций: происходит трансформация традиционных полоролевых стереотипов о пассивной роли в сексуальных отношениях женщины в сторону большего равноправия сексуальных партнеров; большая открытость в вопросах секса (в том числе и в средствах массовой информации), в результате чего на него перестают смотреть как на нечто постыдное; распространение отношения к сексу как к способу получить удовольствие и снять напряжение, что частично обусловлено усовершенствованием противозачаточных средств.

Кроме того, в обществе сложилось негативное отношение к многодетности, многодетные семьи рассматриваются основной массой населения как «нетипичные», причем многодетность часто ассоциируется уже с тремя детьми [240].

В отечественной социальной мысли сложилось два основных мнения на характер изменений, которые претерпевает семья в современном обществе. Одни (А.И. Антонов, В.М. Медков) говорят о ее кризисе, другие (С.И. Голод, А.Г. Вишневский, Б.Н. Миронов) – о ее трансформации.

Идея кризиса семьи укоренена в ее социально-функционалистской модели, в соответствии с которой семья рассматривается как социальный институт: а) гармонично включенный в социум; б) имеющий в качестве основной своей задачи обслуживание социума; в) представляющий собой статичное образование, а не конгломерат взаимодействующих личностей. В рамках этой модели кризис рассматривается как результат негативных внешних влияний и характеризуется как следствие некой дефи-

цитарной ситуации. Предполагается, что достаточно устранить эти внешние влияния, и ситуация нормализуется [310].

Исследования, которые проводятся в рамках данного подхода, фиксируют реально существующие закономерности, которые, однако, можно отнести лишь к наиболее внешнему, фиксированному даже на уровне здравого смысла плану социально-психологических детерминант. Вместе с тем очевидно, что никакие внешние влияния сами по себе не могут объяснить кризиса семьи как такового: на уровне частных зависимостей семейное неблагополучие можно обнаружить в самых разных социальных условиях, на самых разных ступенях социальной лестницы; на уровне общей зависимости – картина еще более разительная: чем выше уровень жизни в социуме, тем больше в нем фиксируется семейных проблем [208]. В связи с этим крепнет понимание того, что семья уже не может стать другой, что возврат к прошлому невозможен, а для семьи прошлого в современном обществе нет ни социальной, ни экономической базы [72]. В этих условиях общество должно выработать новые моральные нормы, регламентирующие как супружеские, так и партнерские отношения, учитывающие как фамилистические традиции нашей культуры, так и современные реалии сексуальных и семейных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раздельнополость – самый первый и самый глобальный феномен человеческой сексуальности, а половой диморфизм относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции человека. При этом половая дифференциация, как и любое другое развитие, есть функция взаимодействия организма и среды, а в постнатальном онтогенезе биологические факторы половой дифференциации дополняются факторами социальными.

Сексуальность как сложный биопсихосоциальный феномен является важным фактором, детерминирующим поведение людей. В ней биологическое задает не только потенциальные возможности для развития личности человека, но и его врожденные программы, а среда определяет социальные направления их реализации в поведении, которое представляет собой элемент социального контекста.

Человеческая сексуальность, в отличие от полового инстинкта животных, целиком не заложена в биологическую программу, она должна быть усвоена в процессе социализации точно так же, как и любое другое специфически человеческое качество. Вместе с тем процесс трансформации семьи привел к тому, что бывшая неразделенность брачного, репродуктивного и сексуально-эротического поведения оказалась снятой.

Самые общие тенденции сексуальной жизни современной молодежи вызывают определенные опасения как в кругах медицинских работников, так и в широкой педагогической общественности. По сравнению с прошлыми десятилетиями произошло

заметное снижение возраста сексуального дебюта, уменьшение разницы в этом между юношами и девушками. Кроме того, наблюдается сужение сферы запретного и рост терпимости по отношению к необычным и девиантным формам сексуальности. Именно это и послужило причиной возобновления в последние годы дискуссии о необходимости систематического полового просвещения и целенаправленного полового воспитания подростков и молодежи в условиях учреждения образования.

В кратких тезисах постараемся представить наше видение проблемы.

Как и любой педагогический процесс, воспитание отношения к супружеству и родительству, передавая определенный набор ценностей, само, в свою очередь, покоится на неких метаценностных основах. Каковы же могут быть эти ценности-основы?

Прежде всего, положение о том, что человек – существо биосоциальное, а это предполагает, что человек в своем двуединстве, с одной стороны, обладает ценностью сам по себе, но, с другой – что общество как «вместилище человеков» обладает ценностью не меньшей. Это предполагает, во-первых, что любое сексуальное воспитание должно стремиться преодолеть напряжение, возникающее как по оси «личность – личность», так и по оси «личность – общество». То есть воспитывать в человеке уважение и к своему собственному телу, и к телу другого человека (к телу, как к широкому проявлению человеческой телесности), воспитывать уважение общества к потребностям человека и уважение человека к возможностям общества их принять. Во-вторых, это может предполагать, что в результате воспитания и преподавания будет снято противоречие «дух – тело». То есть человеческое тело со всеми его телесными проявлениями не будет противопоставлено деятельности человеческого духа. Такой подход покоится на том основании, что нет духа без тела, а тела без духа – не тело человека не существует вне телесной духовности, а тело, только одухотворенное человеческой культурой, становится воистину телом человеческим. Следование двум этим принципам позволит взрастить в ребенке чувство уважения и терпимости к человечес-

кой свободе (и к своей собственной, и к свободе того, кто рядом), но только к такой, которая уважает свободу другого человека и не посягает на благополучие многих.

Ключевыми аспектами воспитания будущих супругов и родителей должны стать следующие.

Социальный аспект, который представляет собой воспитание в мальчиках и девочках чувства социальной ответственности между людьми как мужчинами и женщинами, убеждения о том, что в сфере сексуальных отношений человек не является независимым от общества и его ценностно-нормативных оснований.

Социально-психологический аспект предполагает, что у воспитанников будут раскрыты способности понимать и уважать чувства других людей, учитывать половые особенности в совместной деятельности. Основное острие этого аспекта может быть направлено на становление взрослеющих юношей и девушек как будущих родителей, на формирование у них потребности иметь прочную семью, достойно выполнять родительские обязанности, проявлять заботу о своих престарелых родителях.

Индивидуально-психологический аспект подготовки к супружеству и родительству предполагает формирование в растущем человеке стремления к принятию собственной сексуальности, к интеграции ее в сексуальную сферу общества, к признанию того, что она не может быть реализована вне рамок существующего культурного поля, без учета сексуальности других людей. Кроме того, молодые люди должны открыть для себя личностно-экзистенциальную ценность брака и семьи.

Прикладными задачами этого аспекта могут стать воспитание в подростке ценностного отношения к своему собственному здоровью и здоровью своего сексуального партнера как его необходимым условиям, убеждения о недопустимости легкомысленных и безответственных поступков, связанных с проявлением собственной сексуальности и сексуальности других людей. Этот аспект призван дать знания и об основах сексологической безопасности.

Совершенно ясно, что такое воспитание не может быть кампанией «одного дня». Это – долговременная программа, рас-

считанная на различные возрасты человека, учитывающая его актуальные возможности и ориентированная на его ближайшие потребности. При этом курс семейведения должен быть упреждающим, но не стимулирующим. Думается, что весь период от предподросткового до старшего юношеского возраста и начала взрослости должен быть охвачен соответствующей работой, направленной и на решение проблем конкретного возраста, и на упреждающую подготовку растущего человека к бурям очередного возрастного кризиса.

Следует признать, что такая масштабная подготовка к созданию семьи и родительству потребует длительного подготовительного этапа, прежде чем сможет быть реализована. Что же можно сделать уже сейчас, чтобы помочь воспитанию достойных родителей? Думается, необходимо обратиться к опыту преподавания курса «Этика и психология семейной жизни», однако, отказавшись от узкой направленности его или на формирование репродуктивных установок, или на половое просвещение, но не исключая их, значительно восполнить его задачами формирования практических навыков полноценного межличностного общения, позволяющих молодым людям преодолеть барьеры полоролевых и сексистских стереотипов. Причем все это можно осуществить в рамках одно-, двухлетней программы.

Не секрет, что многие современные родители не уделяют достаточно времени своим детям, чаще ссылаясь на занятость в связи с участием в процессе производства. Многие из них признают, что не уверены в себе как в воспитателях и остро ощущают недостаток педагогических знаний. В связи с этим необходимо учитывать и то, что работа образовательного учреждения по формированию и оптимизации установок молодых на семью и родительство должна охватывать и родителей будущих отцов и матерей. Таким образом, половое воспитание подростков и молодых людей в образовательной среде может стать еще одной возможностью направлять и корректировать формирование супружеских и родительских установок будущих супругов и родителей.

.....

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С. Социологический словарь: пер. с англ. / под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Казанского университета, Центр социологии культуры, 1997. – 405 с.
2. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1983. – 230 с.
3. Авдеева Н.Н. Становление образа себя у детей первых трех лет // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 5–13.
4. Аверинцев С.С. Спасение // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 107.
5. Августин Блаженный. Исповедь / пер. с лат. и коммент. М.Е. Сергеевко. – М.: Гендальф, 1992. – 544 с.
6. Августин Блаженный. О бессмертии души. – М.: АСТ, 2004. – 511 с.
7. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / пер. с англ. А.А. Валеева и Р.А. Валеевой. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 448 с.
8. Алексеев Б.Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с.
9. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
10. Алешина Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. – 1987. – № 2. – С. 63–69.
11. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 74–82.
12. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
13. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 373 с.

14. Андреева Т.В. Психология современной семьи: монография. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.
15. Антонов А.И. Кризис семьи и родительство // Проблемы родительства и планирования семьи. – М.: Ин-т социологии РАН, 1992. – С. 11–27.
16. Антонов А.И. Микросоциология семьи: учебник. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
17. Антонов А.И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). – М.: Статистика, 1980. – 271 с.
18. Антонов В.В., Хананошвили М.М. Значение раннего индивидуального опыта для формирования ролевого поведения собак-самцов // Журнал высшей нервной деятельности. – 1974. – Т. 23. – Вып. 1. – С. 68–73.
19. Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт и добрый секс // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – С. 31–37.
20. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития личности. – М.: Смысл: Изд-во «Академия», 2007. – 528 с.
21. Артемова О.Ю. Личность и социальная норма в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным / отв. ред. В.Р. Кабо, А.И. Першиц; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1987. – 197 с.
22. Артемова О.Ю. Охотники-собиратели и теория первобытности. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 250 с.
23. Арутюнян М.Ю. Педагогический потенциал семьи и проблема инфантилизма молодежи // Отец в современной семье / отв. ред. Н.Я. Соловьев. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР, 1988. – С. 27–31.
24. Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами // Семья и социальная структура / отв. ред. М.С. Мацковский. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 53–70.
25. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1978. – С. 81–108.
26. Барнетт А. Род человеческий: пер. с англ. – М.: Мир, 1968. – 288 с.

27. Багай Ж. Теория религии. Литература и зло / пер. с фр. Ж. Гайковой. – Минск: Современная литература, 2000. – 352 с.
28. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2000. – 350 с.
29. Белкин А.И. Биологические и социальные факторы формирования половой идентичности (по данным изучения лиц, сменивших пол) // Соотношение биологического и социального в человеке (Материалы к симпозиуму в г. Москве) / отв. ред. В.М. Банщиков, Б.Ф. Ломов. – М.: [Б.и.], 1975. – С. 777–781.
30. Белкин А.И. Индивидуальность и социализация (по данным изучения лиц, сменивших пол) // Гормоны и мозг = Hormones and Brian [Сб. ст. Труды НИИ психиатрии. Т. 86] / под ред. А.И. Белкина. – М.: [Б.и.], 1979. – С. 19–27.
31. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336 с.
32. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.
33. Бергер Б. Нуклеарная семья как первооснова цивилизации в исторической перспективе // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2003. – № 3. – С. 93–100.
34. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевича. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.
35. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 318 с.
36. Берн Э. Психология секса. Как достичь гармонии в любви. – Екатеринбург: Литур, 2001. – 272 с.
37. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев: сокр. пер. с англ. – М.: Наука, 1981. – 447 с.
38. Бернштам Т.А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX вв. // Этнографические исследования Северо-запада СССР. – Л.: Наука, 1977. – С. 88–115.
39. Бехтерев В.М. Половая деятельность с точки зрения рефлексологии // Половой вопрос в свете научного знания: сб. ст. / под ред. В.Ф. Зелинского. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – С. 142–181.
40. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. – 2535 с.

41. Битянова М.Р. Социальная психология. Наука, практика и образ мыслей: учебное пособие. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 561 с.
42. Блох И. История проституции. – М.; СПб.: АСТ-пресс: Фирма «РИД», 1994. – 543 с.
43. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
44. Бойко В.В. О посреднической роли детей в жизнедеятельности отцов // Отец в современной семье / отв. ред. Н.Я. Соловьев. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР, 1988. – С. 33–46.
45. Большой толковый психологический словарь. В 2 т. Т.: А-О: пер. с англ. – М.: Вече: АСТ, 2000. – 592 с.
46. Большой толковый социологический словарь (Cillins). Т. 1 (А-О): пер с англ. – М.: Вече: АСТ, 2001. – 544 с.
47. Бондаревская Г.А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 58–70.
48. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
49. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. – М.: НИИ семьи, 1995. – 117 с.
50. Бороденко М.В., Колясникова М.В., Петровский В.А. Феномен гетерогенности пола // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 45–56.
51. Босанац М. Внебрачная семья. – М.: Прогресс, 1981. – 208 с.
52. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – 237 с.
53. Бочаров В.В. Антропология возраста: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 196 с.
54. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств тропической Африки) / Рос. АН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1992. – 294 с.
55. Брутман В.И., Панкратова Г.М., Ениколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 31–36.
56. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
57. Бутовская М.Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. – Фрязино: Век 2, 2004. – 368 с.

58. Бутовская М.Л., Файнберг Л.Ф. У истоков человеческого общества. – М.: Наука, 1993. – 255 с.
59. Бюрне П. Любовь // Психология любви и сексуальности. – М.: Изд-во «Искусство XXI век», 2005. – С. 11–115.
60. Василев К. Любовь: пер. с болгар. – М.: Прогресс, 1982. – 384 с.
61. Васильева Э.К. Семья и ее функции: Демографо-статистический анализ. – М.: Статистика, 1975. – 181 с.
62. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
63. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
64. Вебер М. Три типа господства // Двадцать два. – М.–Иерусалим. – 1990. – № 72, июль-август. – С. 187–195.
65. Вельде Т.Х., ван де. Современное супружество: Физиология и техника супружеских отношений: пер. с фр. / ред. Д.З. Капустина, Л.И. Янович. – Минск: Беларусь, 1995. – 333 с.
66. Визгина А.В., Пантелеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 91–100.
67. Витек К. Проблемы супружеского благополучия: пер. с чешского / общ. ред. и пред. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 144 с.
68. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
69. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 365 с.
70. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 429 с.
71. Вишневский А.Г. Социальное управление рождаемостью // Вопросы философии. – 1978. – № 6. – С. 85–100.
72. Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 47–57.
73. Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 245–824.

74. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
75. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М.: Кн. дом «Университет», 1999. – 332 с.
76. Гараджа В.И. Социология религии. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 236 с.
77. Геодакян В.А. Мужчина и женщина: Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина в аспекте физической антропологии: материалы междунар. конф. «Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен». Москва, 1–4 июля 1993 г. / отв. ред. Г.А. Аксянова. – М.: ИЭИА, 1994. – С. 9–14.
78. Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // Природа. – 1991. – № 8. – С. 60–69.
79. Геодакян В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 171–189.
80. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. – 2-е изд., полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
81. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
82. Гиляровский Ф.В. Исследования о рождении и смерти детей в Новгородской губернии // Записки Русского географического общества по отделению статистики / под ред. А. Артемьева. – СПб.: К. Вульф, 1866. – 664 с.
83. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян: пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1995. – 592 с.
84. Говорун Т.В. Формирование полового самосознания как условие повышения личностной культуры // Психологические науки: проблемы и перспективы. Ч. 1: Личность и ее становление. – Киев: Изд-во КГПИ, 1990. – С. 44–45.
85. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений: монография. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 176 с.
86. Голод С.И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. – Л.: Знание, 1990. – 32 с.
87. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 270 с.
88. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / под ред. Г.М. Романенковой. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984. – 136 с.
89. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. – М.: Ладомир, 2005. – 233 с.

90. Горбатенкова Л.М. Отец и семья. – Минск: Польша, 1993. – 127 с.
91. Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб.: Аxiома, 2000. – 200 с.
92. Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. – М.: Прогресс, 1965. – С. 194–216.
93. Девярых С.Ю. Миф и религия как мировоззренческие формы освоения сексуальности // Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 196–202.
94. Девярых С.Ю. Феномен родительства: социально-психологический аспект. – Витебск: ВГУ, 2005. – 105 с.
95. Демоз Л. Психоистория / пер. с англ. А. Шкуратова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 509 с.
96. Дерягин Г.Б., Сидоров П.И., Соловьев А.Г. Происхождение инцеста, сексуального насилия и проституции в древнем мире: мифология и свидетельство историков // Сексология и сексопатология. – 2003. – № 2. – С. 29–34.
97. Дерягина М.А., Бутовская М.Л. Этология приматов. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 190 с.
98. Джеймс М. Брак и любовь: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 192 с.
99. Домострой // Памятники литературы Древней Руси: середина XVI в. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 85–93.
100. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб.: Питер, 2005. – 176 с.
101. Дубинин Н.П. Общая генетика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1986. – 559 с.
102. Дьюсбери Д. Поведение животных: сравнительные аспекты / пер. с англ. И.И. Полетаевой. – М.: Мир, 1981. – 479 с.
103. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; метод социологии: пер. с фр. / изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
104. Жимулев И.Ф. Общая и молекулярная генетика. – Новосибирск: Новосибирское университетское изд-во, 2003. – 478 с.
105. Законы Вавилонского царя Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. акад. В.В. Струве и Д.Г. Редера. – М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1963. – С. 196–219.
106. Захаров А.И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психической травмы. – СПб.: Союз, 1998. – 144 с.

107. Здравомыслова О.М. Психологические и социально-культурные функции семьи // Психология семьи: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 82–91.

108. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII – XIX вв.). – М.: ВЛАДОС, 1997. – 302 с.

109. Иваницкий В.Г. Русская женщина в эпоху «Домостроя» // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 161–174.

110. Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1978. – 184 с.

111. Иванов Н.В. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. – М.: Медицина, 1966. – 152 с.

112. Иероним Блаженный. О сохранении девственности. – СПб.: РХГИ, 1997. – 106 с.

113. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

114. Имелинский К. Психология половой жизни. – М.: Медицина, 1972. – 256 с.

115. Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М.: Медицина, 1986. – 423 с.

116. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.

117. Иоанн Златоуст. О христианском браке и об общении между мужчинами и женщинами. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 171 с.

118. Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие для студентов гуманитар. и социол. направл. и спец. – М.: Логос, 1996. – 278 с.

119. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. – Л.: Медицина. Ленингр. отд., 1979. – 184 с.

120. Каган В.Е. Воспитателю о сексологии. – М.: Педагогика, 1991. – 256 с.

121. Каган В.Е. Половой идентичности нарушения // Справочник по психологии и психотерапии детского и возрастного возраста. – СПб.: Питер, 2000. – С. 214.

122. Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. – М.: Наука. Восточное отд., 1976. – 178 с.

123. Кант И. Сочинения. Т. 4(2) / ред. В.Ф. Асмус (общ. ред.) [и др.], АН СССР, Ин-т филос. – М.: Мысль, 1965. – 560 с.

124. Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2004. – № 1. – С. 62–72.

125. Каптерев П.Ф. Задачи и основы семейного воспитания [Энциклопедия семейного воспитания. Вып. 1]. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 123 с.

126. Каптерев П.Ф. Родители и дети // Воспитание и обучение. – 1897. – № 2. – С. 41–50.

127. Келли Г.Ф. Основы современной сексологии. – СПб.: Питер, 2000. – 896 с.

128. Кемпински А. Психология невротиков / пер. с польск. Е. Квятковска]. – Варшава: Польск. мед. изд-во, 1975. – 400 с.

129. Киммел М. Гендерное общество. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.

130. Киньяр П. Альбуций / пер. с фр. И. Волевич. – СПб.: Азбука-классик, 2005. – 240 с.

131. Клейн Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 864 с.

132. Ковалев С.В. Психология современной семьи. Информационно-методические материалы к курсу «Этика и психология семейной жизни»: книга для учителя. – М.: Педагогика, 1988. – 207 с.

133. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности: пер. с фр. – М.: УРСС, 2007. – 149 с.

134. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. – М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1995. – 263 с.

135. Колесов Д.В. Биология и психология пола. – М.: Флинта, 2000. – 176 с.

136. Колесов Д.В. Введение в общую психологию. – М.: Московск. психол.-социальн. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 736 с.

137. Колесов Д.В. Современный подросток. Взросление и пол: учебное пособие. – М.: Флинта, 2003. – 200 с.

138. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1989. – 320 с.

139. Кон И.С. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. – М.: АСТ: Олма, 2003. – 574 с.

140. Кон И.С. Мужская сексуальность по данным массовых опросов // Андрология и генитальная хирургия. – 2007. – № 4. – С. 19–28.

141. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. – М.: Слово/Slovo, 2003. – 432 с.

142. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Социально-педагогический анализ. – Дубна: Феникс+, 2001. – 208 с.

143. Кон И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке (Материалы к симпозиуму в г. Москве) / отв. ред. В.М. Банщиков, Б.Ф. Ломов. – М.: [Б.и.], 1975. – С. 767–776.
144. Кон И.С. Психология старшеклассника: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
145. Кон И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука, 1988. – 270 с.
146. Кон И.С. Сексология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 384 с.
147. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. – М.: ОГР, 1997. – 464 с.
148. Кон И.С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
149. Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4 / под общ. ред. В.Г. Базарова [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1967. – 542 с.
150. Корочкин Л.И. Биология индивидуального развития. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 263 с.
151. Коррозе Ж. Гомосексуализм // Психология любви и сексуальности. – М.: Изд-во «Иск-во XXI век», 2005. – С. 217–319.
152. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры / отв. ред. А.Л. Монгайт. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 216 с.
153. Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: Республика, 1992. – 226 с.
154. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
155. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: учеб. пособ. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 318 с.
156. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология: учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 879 с.
157. Крукс Р., Баур К. Сексуальность. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК: Олма-ПРЕСС, 2005. – 475 с.
158. Кузнецов М.Т. К основам нравственно-полового воспитания // Советская педагогика. – 1990. – № 6. – С. 32–36.
159. Курильски-Овжен Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5. – С. 155–168.
160. Латинско-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; под общ. ред. С.И. Соболевского. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. – 952 с.

161. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / подг. Е.В. Шорохова, Б.Ф. Ломов, А.Г. Журавлев; АН СССР, Ин-т психологии; отв. ред. Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. – М.: Наука, 1976. – С. 207–218.
162. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
163. Левитов Н.Д. Профессиональные и учебные интересы восьмиклассников. – М.: Учпедгиз, 1962. – 230 с.
164. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. – М.: Просвещение, 1983. – 320 с.
165. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / под. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
166. Лев-Старович С. Партнерский секс. – М.: Интербук, 1990. – 284 с.
167. Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. – СПб.: Питер, 2005. – 368 с.
168. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. – 2-е изд., перераб. – М.: Смысл / Per Se, 2000. – 549 с.
169. Литвак М.Е. Секс в семье и на работе. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 480 с.
170. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В.В. Федорина. – М.: Крон-Пресс, 1995. – 400 с.
171. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина. Ленингр. отд., 1983. – 255 с.
172. Логинов А.А. Мужчина и женщина: Отношение полов // А.И. Кочетов. Начала семейной жизни; А.А. Логинов. Мужчина и женщина. – Минск: Польша, 1989. – С. 227–446.
173. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1991. – 525 с.
174. Лоуэн А. Любовь и оргазм: Рев. взгляд на сексуальную жизнь: пер. с англ. – М.: Ин-т общегуманитар. исслед; Унив. кн., 1997. – 404 с.
175. Майерс Д. Психология. – Минск: Пуппури, 2001. – 848 с.
176. Макфедьен Э. Экология животных: Цели и методы / пер. со 2-го доп. англ. изд. П.М. Рафса; под ред. и с предисл. проф. В.В. Алпатова. – М.: Мир, 1965. – 357 с.
177. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. – М.: Эксмо, 2006. – 928 с.

178. Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
179. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
180. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – 630 с.
181. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 21. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.
182. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
183. Мационис Дж. Социология. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.
184. Мастерс У.Т., Джонс В.Э., Колодни Р.К. Основы сексологии. – М.: Мир, 1998. – 622 с.
185. Медков В.М. Демография: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 576 с.
186. Мелетинский Е.М. Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в греческой мифологии) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 57–62.
187. Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 54–69.
188. Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
189. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 416 с.
190. Милюска Й. Идентичность женщин и мужчин в жизненном цикле // Социология. Серия 11. – 1999. – № 4. – С. 102–114.
191. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVII – первая половина XIX вв.) / отв. ред. М.М. Громыко. – Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1979. – 350 с.
192. Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // Психология семьи: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 213–237.
193. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смерт-

ность в России и в СССР: сб. статей / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 83–105.

194. Митина О.В., Касперт А., Низовских Н.А. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и эмпирические исследования // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 164–176.

195. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // *Социологические исследования*. – 2004. – № 5. – С. 65–73.

196. Моль А. Половое чувство = *Libido sexualis*. Ч. [1] 2 / полн. пер. Б.Е. Шехтера. – СПб.: Н.С. Астарханов, 1911. – 616 с.

197. Мордвинов В.Н. Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе. – СПб.: Н.И. Мартынов, 1895. – 228 с.

198. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-ПРЕСС, 2003. – 384 с.

199. Никитюк Б.А. Некоторые общие вопросы соотношения генетического и средового в морфо-физиологии развития человека // *Биологическое и социальное в развитии человека*. – М.: Наука, 1977. – С. 211–213.

200. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 464 с.

201. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. – 8-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2002. – 640 с.

202. Обозов Н.Н. Психологические отношения. – Киев: Лыбидь, 1990. – 191 с.

203. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.

204. Общая социология: учебное пособие / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 654 с.

205. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Ин-т Психотерапии, 2003. – 319 с.

206. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 527 с.

207. Остроградский А.Н. Семейные отношения и их воспитательное значение [Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Вып. 2]. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. – 67 с.

208. Орлов А.Б. Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации, тенденции // *Magister*. – 1996. – № 1. – С. 52–64.

209. Пайз Д. Бессознательное использование женщиной своего тела. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 198 с.
210. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-ПРЕСС, 2003. – 384 с.
211. Палуди М. Психология женщины. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-ПРЕСС, 2003. – 384 с.
212. Пара Э. Инцест // Психология любви и сексуальности. – М.: Изд-во «Искусство XXI век», 2005. – С. 117–215.
213. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева, под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
214. Петровский А.В., Петровский В.А. Всегда ли правы родители? Психология воспитания. – М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2003. – 399 с.
215. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
216. Пол // Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – С. 266.
217. Пол. Брак. Семья / под ред. проф. П. Попхристова, д-ра Т. Бостанджиева, д-ра А. Бонева. – София: Медицина и физкультура, 1977. – 299 с.
218. Половое воспитание: учебник для высш. учеб. заведен. / под общ. ред. Г.А. Кураева, Р.Ф. Морозовой. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 320 с.
219. Попова И. Повседневные идеологии // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 52–59.
220. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
221. Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
222. Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX века: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 166–176.
223. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
224. Райх В. Сексуальная революция. – СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. – 352 с.
225. Резников А.Г. Половые гормоны и дифференциация мозга. – Киев: Наукова думка, 1982. – 251 с.

226. Репина Т.А. Проблема полоролевой социализации детей. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 288 с.

227. Розин В.М. Культурно-историческая обусловленность жизнедеятельности человека и его идентичности // Мир психологии. – 2004. – № 2 (38). – С. 12–27.

228. Розин В.М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание. – М.: Логос: Высшая школа, 1999. – 208 с.

229. Розинаева Г. Супружество, материнство и отцовство. – Минск: Полымя, 1984. – 143 с.

230. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М.; Л.: Наука. Ленингр. отд., 1966. – 240 с.

231. Рубин Я.И. Право на счастье: о проблемах семьи и детей. – Минск: Беларусь, 1986. – 174 с.

232. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

233. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 713 с.

234. Рубинштейн С.Л. Теоретические проблемы психологии и проблема личности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гипенрейтер, А.А. Пузырева. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 28–34.

235. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.

236. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1983. – 238 с.

237. Сексология: справочник / под ред. Г.С. Васильченко. – М.: Медицина, 1990. – 574 с.

238. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – М.: Мысль, 1989. – 319 с.

239. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – 309 с.

240. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества: учеб. пособ. – М.: КДУ, 2008. – 320 с.

241. Словарь Библейского Богословия / под ред. К. Леон-Дюфуруа [и др.]. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. – С. 1110–1117.

242. Сонин В.А. Социально-психологические аспекты брака и семьи. – Смоленск: Смоленское обл. издат-во, 1985. – 87 с.

243. Социология семьи: учебник / под ред. А.М. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 640 с.

244. Старшенбаум В.Г. Сексуальная и семейная психотерапия. – М.: Изд-во Высшей школы психологии, 2003. – 300 с.
245. Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. – 2-е изд. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 527 с.
246. Струнников В.А. Пол // Большая Советская Энциклопедия. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. – Т. 20. – С. 171–174.
247. Сыркин А.Я., Соколова И.И. Об одной дидактической традиции в Индии и Китае // Роль традиции в истории и культуре Китая. – М.: Наука, 1972. – С. 116–143.
248. Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. – М.: Мысль, 1986. – 225 с.
249. Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.
250. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 576 с.
251. Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития / пер. с англ. Ф. Тайсон, Р.Л. Тайсон. – М.: Когито-Центр, 2006. – 407 с.
252. Тертуллиан. Апология. – М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад-Пресс, 2004. – 423 с.
253. Тинберген Н. Социальное поведение животных / пер. с англ. Ю.Л. Амченкова; под ред. П.В. Симонова. – М.: Мир, 1993. – 149 с.
254. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.
255. Тих Н.А. Предыстория общества. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 238 с.
256. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. – М.: Триада-Х, 1999. – 461 с.
257. Томпсон Дж., Пристли Дж. Социология. – Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. – 491 с.
258. Тригорин М. Проблема пола и «Санин» Арцыбашева. – М., 1909. – 51 с.
259. Тэннехил Р. Секс в истории / пер. с англ. В.В. Федорина. – М.: Крон-пресс, 1995. – 399 с.
260. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (Doing Gender) / пер. с англ. Е.А. Здравомысловой // Гендерные тетради. Вып. первый. – СПб.: Фил. ин-т социологии РАН, 1997. – С. 94–124.
261. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии: учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: УМК «Психология», 2003. – 464 с.

262. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза: От стада обезьян к общине древних людей. – М.: Наука, 1980. – 153 с.
263. Файнбург З.И. Проблема эмоциональных факторов формирования семьи // Изменение положения женщины и семья / отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 133–138.
264. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М.: Ин-т Психотерапии, 2002. – 239 с.
265. Филипс Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / под ред. А.И. Антонова. – М.: Грааль, 2002.
266. Форель А. Половой вопрос. Естественнонауч., социол., гигиенич. и психологич. исследование: пер. с послед. нем. / изд. Р.М. Маркович; предисл. акад. В.М. Бехтерева. Т. 1–2. – 2-е рус. изд.–СПб.: Освобождение, [1909]. – 623 с.
267. Франкл В. Психотерапия на практике: пер. с нем. – СПб.: Речь, 2000. – 256 с.
268. Фрейд З. «Культурная» сексуальная мораль и современная неврозность // Психология и психоанализ сексуальности: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 205–220.
269. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – М.: АСТ, 2004. – 219 с.
270. Фрейд З. Тотем и табу. – М.: АСТ, 2004. – 253 с.
271. Френкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 651 с.
272. Фридман Э.П. Этюды о природе обезьян. Занимательная при-матология. – М.: Знание, 1991. – 222 с.
273. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
274. Фромм Э. Душа человека: пер. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
275. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – 512 с.
276. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
277. Фуко М. История сексуальности – III. Забота о себе. – Киев: Духи Литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
278. Фукс Э. История нравов / пер. с нем. В.М. Фриче. – Смоленск: Русич, 2007. – 624 с.
279. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
280. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). – М.: Статистика, 1978. – 224 с.

281. Харчев А.Г., Янкова З.А. Некоторые методологические положения изучения женщины и семьи // Изменение положения женщины и семья / отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 6–20.

282. Хилл Ф. Современные тенденции в развитии семьи // Социальные исследования: проблемы брака, семьи и демографии / АН СССР, Ин-т конкретных социол. исслед., Сов. социол. Ассоциация. – М.: Наука, 1970. – С. 136–152.

283. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера: пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 496 с.

284. Шапошникова Л.В. Дорога джунглей. – М.: Мысль, 1968. – 294 с.

285. Шарова И.Х. Зоология беспозвоночных. – М.: Владос, 2002. – 592 с.

286. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.

287. Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии / под ред. и с предисл. Я.П. Альпора (Кошкина), Науч.-исслед. ассоциация. Ин-та народов Севера ЦИК СССР. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1933. – 188 с.

288. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1972. – 338 с.

289. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2000. – 652 с.

290. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998. – 374 с.

291. Элиас Н. О природе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.

292. Элиас Н. О природе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.

293. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. – М.: Тривола, 1994. – 168 с.

294. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – М.: София, 2001. – 495 с.

295. Юркевич Н.Г. Советская семья: Функции и условия стабильности. – Минск: БГУ, 1970. – 208 с.

296. Янкова А.О., Ачильдиева С.Ф., Лосева О.К. Мужчина и женщина в семье. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 80 с.
297. Baber K., Allen K. Women and Families. Feminist Reconstruction. – New York: The Guilford Press, 1992. – 276 p.
298. Bachofen J.J. Myth, religion, and mother right // Selected Writing of J.J. Bachofen. – New York: Princeton univ. press, 1973. – 309 p.
299. Beach F.A. Cross-species comparisons and the human heritage // Human sexuality in four perspectives / Eds. F.A. Beach, M. Diamond. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977. – P. 247–268.
300. Bumpass L., Sweet J. National Estimates of Cohabitation // Demography. – 1989. – Vol. 26. – P. 615–625.
301. Buss D.M. Psychological sex differences: Origins through sexual selection // American Psychologist. – 1995. – № 50. – P. 164–168.
302. Buss D.M. The Strategies of Human Mating // American Scientist. – 1994. – Vol. 82. – № 3. – P. 238–249.
303. Crooks R.K., Baur K. Our Sexuality. – Redwood City: The Benjamin Cumming Company, Inc., 1990. – 850 p.
304. Foley R.A. Hominid behavioural evolution: missing links in comparative socioecology // Comparative Primate Socioecology / Ed. P.S. Lee. – Cambridge: MIT Press, 1999. – P. 363–386.
305. Gagnon J.H., Cathy S. Greenblat. Life designs: individuals, marriages, and families. – Dallas, Texas: Scott, Foresman and Co., 1978. – 611 p.
306. Gagnon J.H., Simon W. Sexual Conduct – the social sources of human sexuality. – New York: Aldine Transaction, 2005. – 348 p.
307. Glenn D., Barrett P.T. Parental Characteristics and Partner choice: Some Evidence for Oedipae Imprinting // Journal of Biosocial Science. – 1987. – Vol. 19. – P. 157–161.
308. Gutmann D. The Cross-cultural Perspective: Notes toward a Comparative Psychology of Aging // Handbook of the psychology of aging / Eds. J.E. Birren, K.W. Schaie; with the assistance of associate editors Jack Botwinick, Sheila Chown, Carl Eisdorfer. – New York: Van Nostrand Reinhold Co., 1977. – P. 432–456.
309. Hagg C.M., King C., Ukiyama E., Falsofi S., Hagg T.N., Donahoe P.K. & Weiss M.A. Molecular basis of mammalian sexual determination: Activation of Mullerian inhibiting substance gene expression by SRY // Science. – 1994. – № 266. – P. 1494–1500.
310. Harevan T. Historical analysis of the family // Handbook of marriage and the family / Eds. M. Sussman, S. Steinmetz. – London: Plenum press Cop., 1987. – P. 37–57.

311. Hendrick C., Hendrick S. A theory and method of love // *Psychology*. – 1986. – № 50. – P. 392–402.
312. Himes N., Tietze C., Dickinson R.L. Medical history of contraception. – New York: Schocken, 1970. – 521 p.
313. Hinge R.A. Why do the sexes behave differently in close relationships? // *Journal of Social and Personal Social Relationships*. – 1984. – Vol. 1. – P. 471–501.
314. Hrdy S.B. Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection. – New York: Pantheon Books, 1999. – 723 p.
315. Hunter R.H.F. Sex determination, differentiation, and intersexuality in placental mammals. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 310 p.
316. Hyde S. The Gender Similarities Hypothesis // *American Psychologist*. – 2005. – № 6. – September. – P. 581–592.
317. Lee J. A typology of styles of loving // *Personal and Social Psychological Bulletin*. – 1977. – Vol. 3. – P. 173–182.
318. Levine S.B. «Love» and the mental health professions: Toward understanding adult love // *Journal of Sex and Marital Therapy*. – 1996. – № 22(3). – P. 191–202.
319. Linner B.R. What does Equality between the Sexes Imply // *The Women's Movement. Social Psychological Perspectives*. – New York: Cambridge University Press, 1972. – P. 52–64.
320. Maccoby E.E., Jaklin C.N. *Psychology of Sex Differences*. – Stanford CA: Stanford University Press, 1974. – 634 p.
321. McCormick N. *Sexual Salvation: Affirming Women's Sexual Rights and Pleasures*. – Westport, CT: Praeger, 1994. – 232 p.
322. Mealy L. *Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies*. – New York: Academic Press, 2000. – 480 p.
323. Mertens W. *Entwicklung der Psychosexualität und der Geschlechtsidentität*. – Stuttgart: Berlin: Koln: Kohlhammer (Psychoanalytische Entwicklung psychologie) Bd. 1. Geburt bis 4. Lebensjahr. – 2., ulerart. Aufl., 1994. – 181 p.
324. Money J. Determinants of human gender identity role // *Handbook of sexology / J. Money & H. Musaph (Eds.)*. – New York: Excerpta Medica, 1977. – P. 57–79.
325. Money J. Gender role, gender identity: usage and definitions of terms // *Journal of American Academy of Psychoanalysis*. – 1973. – Vol. 1. – P. 397–402.

326. Money J. Love and Love Sickness. The Science of sex, gender difference and pair-bonding. – Baltimore-London: Johns Hopkins University Press, 1980. – 256 p.

327. Money J. Lovemaps: clinical concepts of sexual/erotic health and pathology, paraphilia, and gender transposition in childhood, adolescence, and maturity. – New York, N.Y.: Irvington, 1986. – 331 p.

328. Money J. Sexology and / or sexosophy: formers in history and practice // SIECUS Report. – 1991. – № 19 (3). – P. 1–4.

329. Money J., Ehrhardt A.A. Man and woman, boy and girl: the differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972. – 310 p.

330. Money J., Hampson J.G., Hampson J.L. An examination of some basis sexual concepts: The evidence of human hermafroditism // Bull. Johns Hopkins Hosp. – Vol. 97. – 1955. – P. 301–310.

331. Parsons T.E., Bales R.F. Family, Socialization and Interaction. – New York: Free Press, 1955. – 203 p.

332. Pice W.R. Evolution of the Y chromosome in animal // BioScience. – 1995. – № 46 (5). – P. 331–343.

333. Pleck J., Sonenstein F.L., Ku L.C. Masculinity ideology and its correlates // Gender issues in contemporary society / S. Oscamp, M. Costanzo (Eds.). – Newbyry Purk, CA, Sage, 1993. – P. 85–110.

334. Reiss I.L. Sexual pluralism: Ending America's sexual crisis // SIECUS REPORT. – 1991. – № 19 (3). – P. 5–9.

335. Rubin L. Erotic Wars: What Happened to the Sexual Revolution? – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1990. – 248 p.

336. Rubinow D.R., Schmidt R.J. Androgens, brain, and behavior // American Journal of Psychiatry. – 1996. – № 153 (8). – P. 974–984.

337. Sanders S.A., Reinish J.M., McWhirter D.P. Homosexuality/Heterosexuality: An Overview // Homosexuality/Heterosexuality: Concepts of Sexual Orientation. – New York: Oxford University Press, 1990. – P. 5–16.

338. Scanzoni J. Contemporary Families and Relationship. – New York: McGraw-Hill, Inc., 1995. – 474 p.

339. Steinberg L. Adolescence: Second Edition. – New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1991. – 468 p.

340. Sternberg R.J. A Triangular Theory of Love // Psychological Review. – 1986. – Vol. 93. – № 2. – P. 119–135.

341. Stockard J. Sex and gender in society. – New York: Prentice-Hall, 1992. – 337 p.

342. Stone L. *The Road to Divorce. England 1530–1987.* – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 520 p.
343. Tiefer L. *Sex is not a natural act and other essays.* – Boulder Co. Westview Press, 1994. – 232 p.
344. Tinbergen N. Some recent studies of the evolution of sexual behavior // *Sex and Behavior* / Frank A. Beach, ed. – New York; London: Wiley, 1965. – P. 1–33.
345. Trivers R.L. Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man 1871–1971* / B. Campbell (Ed.). – Chicago: Aldine Publishing, 1972. – P. 136–179.
346. Vollrath D., Foote S., Hilton A., Brown L.G., Beer-Romeo P., Bogan S.S., Page D.S. The human Y chromosome: A 43-intervale map based on naturally occurring deletion // *Science.* – 1992. – № 258. – P. 52–58.
347. Wilson E.O. *Sociobiology. The New Synthesis.* – Cambridge: Mass., 1975. – 679 p.
348. Winch P.T. The Theory of Complementary Needs in Mate Selection // *American Sociological Review.* – 1955. – Vol. 20. – P. 552–555.
349. Young W.C. The hormones and mating behavior // *Sex and internal secretions.* – Baltimore: Williams & Wilkins, 1961. – P. 1173–1239.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Раздельнополость человека в контексте современных представлений о половой дифференциации	5
Глава 2. Сексуальность как влечение, любовь и отношение полов	39
Глава 3. Сексуальность, брак и семья в социальном пространстве культуры	69
Глава 4. Сексуальность в контексте социокультурной эволюции брака и семьи	103
Заключение	137
Литература	141

Научное издание

Девярых Сергей Юрьевич

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СЕКСУАЛЬНОСТИ

Издательство

Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко*
Компьютерная верстка *В.В. Мастакалова*
Дизайн обложки *Д.О. Владимиров*

Подписано к печати 30.10.2009. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,25. Тираж 1000 экз.
Заказ № 81.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4